

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2023. Т. 45, № 3

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной педагогический университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2023. Vol. 45, No 3

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2023

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow Region State Pedagogical University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Русская литература и литературы народов Российской Федерации	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ		<i>Пигин А. В.</i>	
Археология		Воспоминания В. М. Морозова о В. И. Малышеве	69
<i>Васильева Т. А., Жульников А. М.</i>		<i>Урванцева Н. Г.</i>	
Асбест в культуре древнего населения Карелии с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой	8	Фольклорные источники сказов В. И. Пулькина «Медный вершник»	90
Всеобщая история		Литературы народов мира	
<i>Приходько Е. В.</i>		<i>Романовская И. В.</i>	
Представления древних эллинов о будущем в зеркале мантического искусства	19	Образ Карелии в поэме Х. Мартинсона «Аниара» . . .	99
Историография, источниковедение, методы исторического исследования		Теория литературы	
<i>Яковлев В. В., Перлин П. В.</i>		<i>Нилова А. Ю.</i>	
Современный перевод записок Д. Белла о поездке в Китай в 1719–1721 годах	27	Становление термина «поэзия» в отечественном литературоведении XVIII – первой половины XIX века	105
Отечественная история		Рецензии	
<i>Вавулинская Л. И.</i>		<i>Смирнова Н. В.</i>	
Занятость населения Карелии в послевоенные годы: проблемы и решения	43	Рец. на кн.: Образ Петра Великого в странах Восточной Азии	112
<i>Репухова О. Ю.</i>		Юбилей	
Секретно-мобилизационное делопроизводство в СССР в предвоенное десятилетие	50	К 80-летию со дня рождения В. В. Чернышева	116
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ		К 60-летию со дня рождения В. В. Ефимовой	117
Фольклористика		Contents	118
<i>Иванова Т. Г.</i>			
Лубочная литература и ее влияние на построение пространства в былинах	58		

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.03.2023. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Изд. № 30

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор
А. В. Пигин

Alexander V. Pigin,
Deputy Editor-in-Chief,
Dr. Sc. (Philology), Professor

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В очередном номере объединены статьи историков и филологов. В прошлом году на страницах журнала (Т. 44, № 8) была напечатана большая подборка статей к 350-летию со дня рождения Петра I. Тема оказалась настолько значимой, что мы продолжаем публиковать исследования, посвященные эпохе и личности первого русского императора. В. В. Яковлев и П. В. Перлин знакомят читателя с работой по подготовке нового перевода записок шотландского врача Д. Белла, посетившего Китай в составе русского посольства в 1719–1721 годах. Авторы освещают лингвистические проблемы перевода и принципы исторического и языковедческого комментирования текста. Данной публикации близка по тематике коллективная монография под редакцией Н. А. Самойлова «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии», рецензию на которую читатель также найдет в этом номере (Н. В. Смирнова). Н. Г. Урванцева анализирует «сказы» В. И. Пулькина, источниками для которых послужили фольклорные предания о Петре I.

Традиционно в журнале, в очень разных аспектах, представлена карельская тематика: проблема занятости населения Карелии в послевоенные годы (Л. И. Вавулинская), образ Карелии, навеянный «Калевалой», в фантастической поэме шведского поэта Х. Мартинсона «Аниара» (И. В. Романовская), уже упомянутая статья о «сказах» В. И. Пулькина. Впервые публикуются воспоминания петрозаводского филолога В. М. Морозова о выдающемся российском археографе В. И. Малышеве (А. В. Пигин).

В статье Т. А. Васильевой и А. М. Жульникова представлены результаты исследования, направленного на выявление факторов, которые в первой половине IV тыс. до н. э. вызвали появление в культуре населения с ромбоямочной керамикой Обонежья посуды с примесью асбеста и украшений из этого волокнистого минерала.

В исследовании О. Ю. Репуховой дан анализ секретно-мобилизационного делопроизводства в СССР в 1930-е – начале 1940-х годов.

В статье нашего постоянного автора – ведущего специалиста по русскому эпосу Т. Г. Ивановой – прослеживается влияние лубочной литературы на былины. Большой интерес для истории отечественной филологии и теории литературы представляет попытка системного описания становления термина «поэзия» в российском литературоведении XVIII–XIX веков: от Феофана Прокоповича до В. Г. Белинского (А. Ю. Нилова).

Завершается номер поздравительными статьями, посвященными юбилеям преподавателей петрозаводских вузов – В. В. Чернышева и В. В. Ефимовой.

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
tattya@list.ru

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rockart@yandex.ru

**АСБЕСТ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ
С РОМБОЯМОЧНОЙ И ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКОЙ**

А н н о т а ц и я . В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление факторов, которые в первой половине IV тыс. до н. э. вызвали появление в культуре населения с ромбоямочной керамикой Обонежья посуды с примесью асбеста и украшений из этого волокнистого минерала. В ходе работ по изучению керамических коллекций собраны сведения обо всех немногочисленных находках на территории региона фрагментов асбестовых сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, проведено картографирование мест, где была обнаружена подобная керамическая посуда, сделано описание ее морфологических признаков и выполнено их сопоставление с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой с иными минеральными добавками. Публикуются материалы мастерской, на которой население с ромбоямочной керамикой вело изготовление подвесок из асбеста, в том числе для обмена. Обосновано предположение, что начало использования асбеста в культуре ромбоямочной керамики может быть связано с влиянием населения с типичной гребенчато-ямочной керамикой района озера Сайма в восточной части Финляндии. Незначительные масштабы использования асбеста населением с ромбоямочной керамикой во многом обусловлены продолжительностью периода перехода к качественно иной стратегии добычи и использования местных минеральных ресурсов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ромбоямочная керамика, типичная гребенчато-ямочная керамика, асбестовая керамика, асбест, подвески, энеолит

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов», № 19-18-00375.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Васильева Т. А., Жульников А. М. Асбест в культуре древнего населения Карелии с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.882

ВВЕДЕНИЕ

В V тыс. до н. э. древние охотники и рыболовы, проживающие на территории Финляндии в северной части озера Сайма, начинают изготавливать керамику с примесью асбеста-антофиллита, основным источником которого является крупное месторождение, расположенное в этом же районе [10], [19]. Ранняя асбестовая керамика по своим признакам близка финской разновидности посуды типа сперрингс [20]. Немногочисленные серии фрагментов ранней асбестовой керамики извест-

ны на территории Карельского перешейка и в западной части Карелии. На побережье Онежского озера и Белого моря ранней асбестовой керамики нет. На территории Карелии ранняя неолитическая асбестовая керамика имеет примесь антофиллит-асбеста (визуально хорошо выделяющаяся по сравнению с примесями волокнистого минерала иного вида), что указывает на ее происхождение из района озера Сайма.

В конце неолита в восточной части бассейна Балтийского моря появляется население

с типичной гребенчато-ямочной керамикой (прибалтийского типа) [3: 78] (рис. 1). Для поздней стадии развития типичной гребенчато-ямочной керамики Финляндии отмечено появление в единичных сосудах асбеста, который, в отличие от раннеолитической асбестовой керамики, применяется в виде коротких и длинных неволокнистых минеральных пластин, что, по мнению финских исследователей, ставит вопрос о технологической целесообразности применения подобной добавки к тесту сосудов [19: 43]. Высказывалось предположение, что появление в типичной гребенчато-ямочной керамике примеси асбеста связано с влиянием населения с ранней асбестовой керамикой (подгруппы сперрингс и ранней гребенчатой) [19: 43].

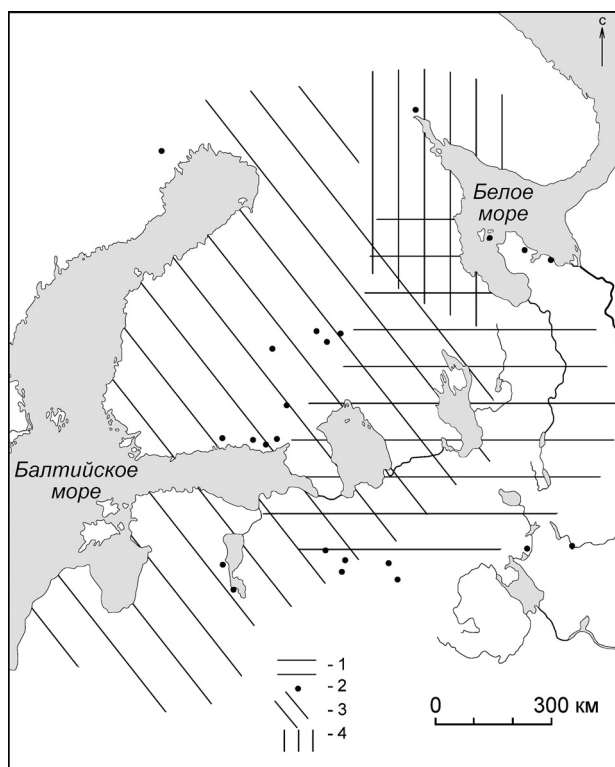

Рис. 1. Карта распространения ромбоямочной керамики в ее северном варианте, типичной гребенчато-ямочной керамики и пористой гребенчато-ямочной керамики типа Залавруга:

1 – основная территория памятников с ромбоямочной керамикой (северный вариант типа Пегрема I); 2 – стоянки с 1–3 сосудами, украшенными ромбическими ямками; 3 – территория распространения типичной гребенчато-ямочной керамики; 4 – территория находок пористой гребенчато-ямочной керамики типа Залавруга

Figure 1. Map of areas of rhomb-pit ware (northern variant), typical comb-pit ware and porous comb-pit ware of Zalavruga type: 1 – main area of sites with rhomb-pit ware (northern variant of Pegrema I type); 2 – sites with 1–3 vessels decorated with rhomb pits; 3 – area of typical comb-pit ware; 4 – area of porous comb-pit ware of Zalavruga type

На Карельском перешейке в последние годы на трех стоянках были обнаружены единичные

сосуды с асбестом, относящиеся предположительно к типичной гребенчато-ямочной керамике [17].

В 90-е годы XX века А. П. Журавлев выявил в коллекциях двух поселений, расположенных на северном берегу оз. Сямозеро (западная часть бассейна Онежского озера), асбестовую керамику с ромбоямочным и гребенчато-ямочным орнаментом. Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом со стоянок Лахта II, III, как отмечает исследователь, доказывает генетическую связь позднеолитической асбестовой керамики Карелии с ромбоямочной посудой [6: 21]. Наличие небольших ямок ромбической формы на некоторых асбестовых сосудах с геометрической орнаментацией типа Войнаволок, получившей распространение в Карелии в середине IV тыс. до н. э., по мнению А. М. Жульникова и А. Ю. Тарасова, с учетом иных данных, позволяет связать по происхождению этот тип энеолитической посуды с ромбоямочной керамикой [5: 27].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении причин, которые в конце эпохи неолита вызвали у древнего населения Карелии с ромбоямочной керамикой интерес к использованию асбеста, в том числе в качестве примеси к тесту керамических сосудов. В результате проведенных работ по изучению керамических коллекций собраны сведения обо всех находках на территории региона фрагментов асбестовых сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, проведено картографирование мест, где была обнаружена подобная керамическая посуда, сделано описание ее морфологических признаков и выполнено их сопоставление с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой с иными минеральными добавками. Выявлен факт применения населением с ромбоямочной керамикой бассейна Онежского озера асбеста для изготовления украшений (в виде подвесок с отверстием). Кроме того, для реализации вышеуказанной цели исследования были привлечены данные о динамике обмена изделиями из разных пород камня и особенностях использования позднеолитическим – энеолитическим населением региона иных минеральных ресурсов.

ОСОБЕННОСТИ И ХРОНОЛОГИЯ РОМБОЯМОЧНОЙ И ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКИ КАРЕЛИИ

Толстостенная глиняная посуда, украшенная гребенчато-ямочным и ромбоямочным орнаментом, по ряду общих морфотипологических и орнаментальных признаков соотносится с периодом позднего неолита – переходным этапом к раннему энеолиту.

Проблема развития культур с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой неоднозначна. Существуют две полярные точки зрения. Некоторые исследователи связывают оба типа с развитием орнаментации средненеолитической ямочно-гребенчатой керамики [7], [14], [18]. Сторонники другой точки зрения склонны объяснять появление обоих типов с влиянием различных культурных традиций [1], [2].

Несмотря на вполне сложившееся представление о развитии культурно-хронологических древностей Карелии [9], [21], согласно которому в период позднего неолита – раннего энеолита на территории региона сосуществовали два культурных типа керамики (на западе от Онежского озера встречается гребенчато-ямочная керамика, близкая «типичной гребенчато-ямочной керамике» Финляндии и керамике типа сперрингс гребенчатой орнаментацией, на востоке доминирует ромбоямочная, сходная с ямочно-гребенчатой керамикой Волго-Окского междуречья), есть основания связывать оба типа с последовательными этапами развития керамики с ямочно-гребенчатой системой орнаментации.

М. Г. Косменко при изучении многокомплексных (с разными типами керамики) поселений южной Карелии отметил в отношении ромбоямочной посуды:

«...совершенно очевидно, что все выразительные памятники данного типа содержат в разном количестве посуду, орнаментированную круглыми ямками, которая близко напоминает гребенчато-ямочную поздненеолитическую керамику прибалтийского типа (Вигайнаволоок I, Оровनावолок и другие)...».

Исследователь полагал, что памятники с ромбоямочной керамикой принадлежат к позднему неолиту [8: 129–130].

Хронология ромбоямочной керамики требует дальнейших разработок. Некоторые основания для этого дают даты по ^{14}C , которые принято считать основой для абсолютной хронологии древностей неолита – энеолита Северной Европы [15]. Существует ряд радиоуглеродных дат поселений с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой [1: 141]. Изначально оба типа керамики датировались временем около 4000–3000 л. н. [3: 45–80]. Позднее рамки их существования были удревлены до 5000–4000 л. н. [1], [7]. В начале XXI века эти типы на основании серии радиоуглеродных дат были датированы временем от 5300–5100 до 4400–4200 л. н.¹ [9: 33].

По наблюдениям К. Э. Германа и И. В. Мельникова, в южной части Заонежья, где выявлено 15 памятников с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой (Вожмариха 1, 4, 7, 21, 27, Вертилово 2, Леликово 1, Радколье 1–4, 6–7, Калгов 1, Северный Олений остров I), оба типа сопутствуют друг дру-

гу. Этот факт подводит исследователей к выводу, что ромбоямочная посуда появляется в среде носителей гребенчато-ямочной керамики, какое-то время сосуществует с ней и потом оба вида прекращают бытование, уступая место асбестовой керамике [12: 40–41]. Как соотносится гребенчато-ямочная керамика южной части Заонежья и типичная гребенчатая керамика восточной части бассейна Балтийского моря, исследователи не указывают.

На данном этапе мы располагаем достаточно представительным количеством дат для определения временных промежутков бытования поселений с поздненеолитическими – раннеэнеолитическими комплексами [21]. На территории Карелии, по имеющимся АМС датировкам, хронологические интервалы гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики в целом совпадают: 4000–3400 calBC для гребенчато-ямочной, 3900–3300 calBC для ромбоямочной посуды. Наиболее показательны даты по нагару и смоле на фрагментах ромбоямочной керамики: 4870 ± 50 BP (3780–3520 calBC) (Beta-117962; керамика, нагар), 4840 ± 50 BP (3720–3510 calBC) (Beta-117963; керамика, нагар), 4970 ± 50 BP (3940–3640 calBC) (Beta-117964; керамика, нагар) со стоянки Оровनावолок XVI и 4940 ± 30 BP (3780–3650 calBC) (KIA-33930; керамика, нагар), 4725 ± 30 BP (3640–3370 calBC) (KIA-33931; керамика, смола) с поселения Вигайнаволоок I.

На территории Карелии обнаружено более 330 памятников с поздненеолитической – раннеэнеолитической (гребенчато-ямочной и ромбоямочной) керамикой: наиболее полно исследовано побережье Онежского озера, юго-западное Прибеломорье, внутренние озера – Водлозеро и Сямозеро. Поселения содержат в основном несколько разновременных, чаще всего хронологически последовательных комплексов, занимают одни и те же площадки, имеют общее топографическое расположение, схожий каменный инвентарь, а условно «чистые» комплексы встречаются редко. Ряд признаков (толстостенность, минеральная примесь в тесте, гофрированность венчика, остроугольная форма края сосуда, оттиски различных штампов и пр., стандартная техника и структура орнамента) характерен для поздненеолитической – раннеэнеолитической посуды как с гребенчато-ямочной, так и ромбоямочной орнаментацией. Иногда на одном сосуде сочетаются ямки ромбической, округлой или овальной формы (рис. 2). В связи с перечисленными признаками глиняная посуда с гребенчато-ямочной и ромбоямочной орнаментацией на территории региона отнесена к единому культурно-хронологическому комплексу. Наличие к западу от Онежского озера немногочисленных серий посуды, напоминающей по орнамента-

ции типичную гребенчато-ямочную керамику восточной части бассейна Балтийского моря, требует дальнейшего изучения. Скорее всего, в первой половине IV тыс. до н. э. территория к западу от Онежского озера стала местом активных контактов населения с двумя керамическими традициями – ромбоямочной и типичной гребенчато-ямочной керамики.

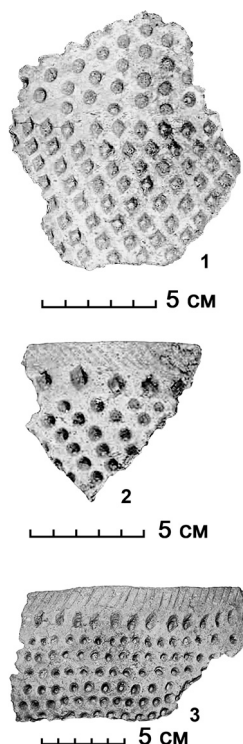

Рис. 2. Сосуды со стоянки Вигайнаволок I (Западное Прионежье), украшенные ямками ромбической, округлой и овальной формы

Figure 2. Vessels decorated with pits of rhomboid, round, and oval shape from Vigainavolok I site (western Cis-Onega region)

АСБЕСТОВАЯ КЕРАМИКА С РОМБОЯМОЧНЫМ И ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНЫМ ОРНАМЕНТОМ

В настоящее время на территории Карелии на девяти поселениях (рис. 3) обнаружено 14 сосудов с примесью асбеста, которые по своим признакам относятся к ромбоямочной и, возможно, типичной гребенчато-ямочной керамике. Краткие сведения о памятниках, на которых обнаружена подобная асбестовая керамика, представлены в таблице. Доля таких стоянок по соотношению к общему количеству памятников региона с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой не превышает 2,7 %.

Большая часть рассматриваемых стоянок с находками сосудов с примесью асбеста расположена в западной части бассейна Онежского озера (см. рис. 1). На многих стоянках с асбестовой ромбоямочной и гребенчато-ямочной кера-

микой раскопками исследованы значительные площади. Почти на всех этих памятниках имеются довольно многочисленные серии ромбоямочной керамики. Фрагменты от нескольких асбестовых сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией происходят со стоянок Лахта II, III. Заметим, что на этих же стоянках имеется асбестовая керамика геометрического стиля типа Войнаволок, которая является несколько более поздней по сравнению с ромбоямочной посудой и иногда, как уже было отмечено, имеет в орнаменте небольшие ромбические ямки [5: 27]. Можно допустить, что найденные на стоянках Лахта II, III небольшие по размерам фрагменты венчиков сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, по которым непросто определить их культурную принадлежность, входят в состав комплексов керамики типа Войнаволок. В остальных случаях асбестовые сосуды с ямочно-гребенчатой орнаментацией на поселениях единичны.

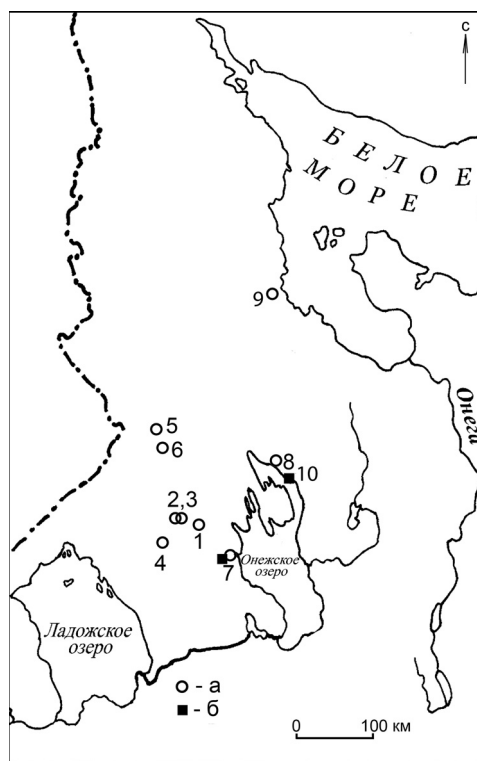

Рис. 3. Карта расположения памятников, материалы которых публикуются в статье: а – стоянки с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой, б – места находок подвесок из асбеста; 1 – Черанга I, 2–3 – Лахта II, III, 4 – Нялма I, 5 – Кудамгуба IV, 6 – Чудозеро VI, 7 – Фофаново VIII, 8 – Черная Губа IX, 9 – Золотец VI, 10 – Челмузская Коса XII

Figure 3. Map of sites discussed in the article: a – sites with rhomb-pit and comb-pit ware, b – sites with asbestos pendants; 1 – Cheranga I, 2–3 – Lakhta II, III, 4 – Nyalma I, 5 – Kudamguba IV, 6 – Chudozero VI, 7 – Fofanovo VIII, 8 – Chernaya Guba IX, 9 – Zolotets VI, 10 – Chelmuzhskaya Kosa XII

Список памятников с асбестовой ромбоямочной
и гребенчато-ямочной керамикой (ГЯК) Карелии

List of sites with rhomb-pit and comb-pit ware
with asbestos temper in Karelia

№ п/п	Наименование памятника	Кол-во сосудов с асбестом	Кол-во ромбоямочных и ГЯК сосудов без асбеста	Раскопанная площадь (кв. м)	Исследователь, год исследований
1	Черанга I	1	0	160	Панкрушев Г. А., 1977, 1979; Косменко М. Г., 1981
2	Лакта II	2	3	756	Панкрушев Г. А., 1957–1959, 1961, 1962; Кочкуркина С. И., 1969
3	Лакта III	5	36	312	Панкрушев Г. А., 1957– 1959; Титов Ю. В., 1967
4	Нялма I	1	16	сборы	Панкрушев Г. А., 1971
5	Кудамгуба IV	1	12	159	Панкрушев Г. А., 1957, 1958; Жульников А. М., 1992
6	Чудозеро VI	1	42	39	Панкрушев Г. А., 1957– 1959; Песонен П. Э., 1983
7	Фофаново VIII	1	139	93	Жульников А. М., 2018
8	Черная Губа IX	1	99	732	Панкрушев Г. А., 1964; Песонен П. Э., 1979; Витенкова И. Ф., 1986–1988
9	Золотец VI	1	122	518	Панкрушев Г. А., 1958, 1960; Савватеев Ю. А., 1963, 1970, 1975; Кочкуркина С. И., 1969

Ромбоямочная и гребенчато-ямочная посуда с асбестом не имеет отличий по толщине стенок от однотипной посуды с песком или дресвой. Наряду с асбестом часть этих сосудов имеют следы выгоревшей органики, видимо, птичьего помета. Такое смешение минеральных и органических добавок характерно для более поздних типов энеолитической асбестовой керамики типа Войнаволок и Оровнаволок. В некоторых сосудах примесь асбеста малозаметна, видимо, из-за незначительной доли в глине минеральной волокнистой добавки.

Венчики сохранились у 10 сосудов. Пять из них скошены внутрь, утолщенные (рис. 4: 1, 6, 11, 12; 5: 1). Четыре венчика прямосрезанные, слегка утолщенные (рис. 4: 2, 4, 5, 7). Один венчик имеет Г-образную форму с загибом края внутрь (рис. 4: 3). Все венчики орнаментированы по верхнему срезу. Один венчик украшен отпечатками рамчатого штампа, один – ромбическими ямками, остальные – отпечатками гребенчатого штампа. Среди венчиков керамики с асбестом нет форм, типичных для ромбоямочной посуды – с пальцевыми защипами (гофрированных) и двухгранных (приостренных). Венчики с защипами часто встречаются и в коллекциях типичной гребенчато-ямочной керамики с памятников, расположенных за пределами Карелии. По сравнению с энеолитической асбестовой керамикой типа Войнаволок в рассматриваемой серии ямочно-гребенчатой посуды с асбестом высока доля скошенных внутрь венчиков. Такая форма венчиков характерна для типичной гребенчато-ямочной керамики и отчасти для ромбоямочной.

Один из сосудов с асбестом со стоянки Нялма I украшен отпечатками рамчатого штампа и глубокими ямками (рис. 4: 2). Рамчатый штамп достаточно

часто использовался для орнаментации сосудов населением культур с ромбоямочной и типичной гребенчато-ямочной керамикой, изредка подобные отпечатки встречаются и на пористой гребенчато-ямочной керамике типа Залавруга, получившей распространение в середине IV тыс. до н. э. в западной части бассейна Белого моря (см. рис. 1). На трех сосудах с примесью асбеста имеются ямки довольно правильной ромбической формы (рис. 4: 4; 5: 1, 2), на остальных сосудах с асбестом ямки округлые или овальные (рис. 4: 1–2, 5–12). Обращает на себя внимание тот факт, что доля ямок ромбической формы на поверхности стенок сосудов с асбестом невелика, их значительно меньше по сравнению с ромбоямочной посудой с иными минеральными добавками. Пока не ясно, связан ли этот факт с влиянием традиций типичной гребенчато-ямочной керамики, где в орнаментации доминируют отпечатки гребенчатого штампа и округло-цилиндрические ямки [1].

На двух сосудах с асбестом гребенчатые отпечатки образуют горизонтальные ряды треугольников (рис. 4: 1, 2), на трех сосудах имеются диагональные полосы из отпечатков гребенчатого штампа, сочетающиеся с горизонтальными рядами из отпечатков гребенки, поставленной под углом, и ямок (рис. 4: 8, 11; 5: 2), на одном сосуде имеются горизонтальные линии из состыкованных отпечатков гребенки (рис. 5: 1). На одном фрагменте группы из отпечатков гребенчатого штампа образуют горизонтальный зигзаг, сочетающийся с горизонтальными рядами округлых и неправильной формы ямок (рис. 4: 6). На трех сосудах с разреженным орнаментом горизонтальные ряды из отпечатков гребенки сочетаются с одним или двумя рядами ямок (рис. 4: 4, 7, 10).

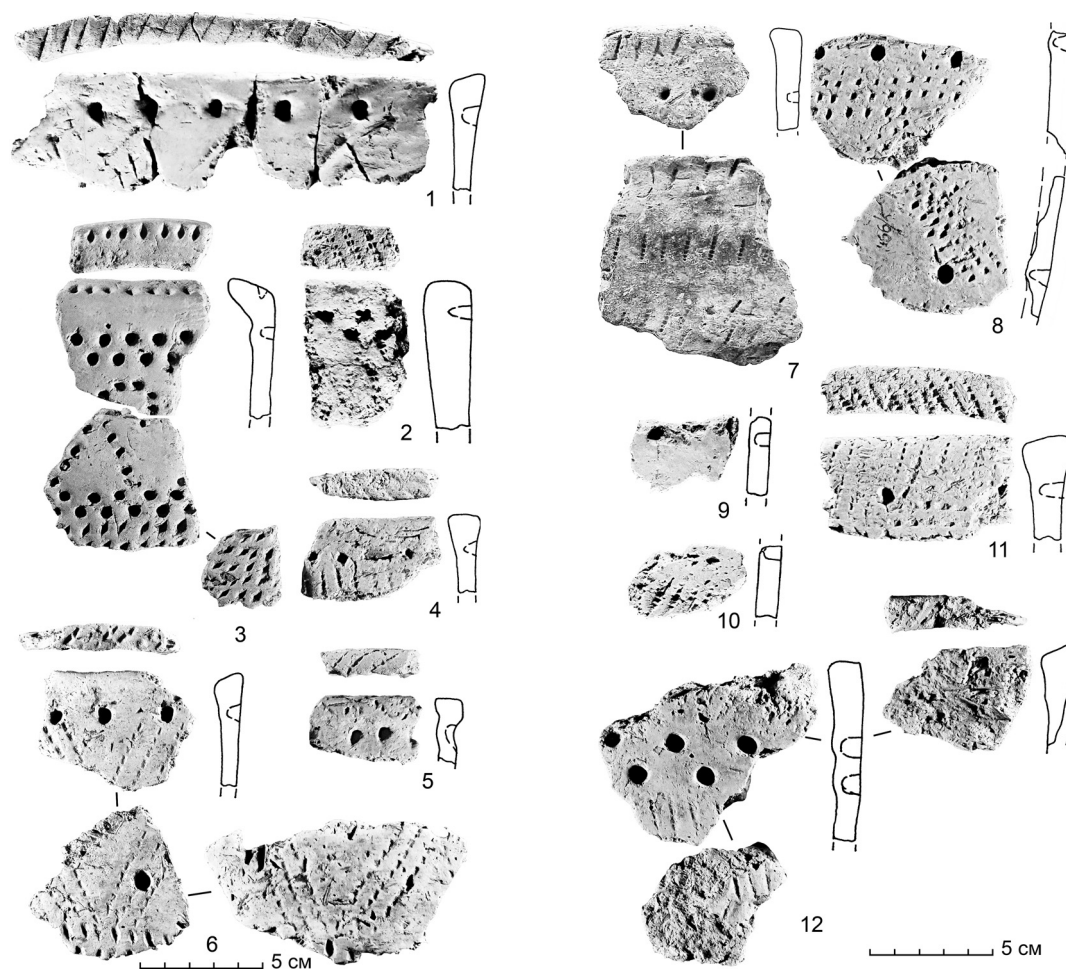

Рис. 4. Ромбоямочная и гребенчато-ямочная керамика с примесью асбеста: 1 – Черанга I, 2 – Нялма I, 3 – Чудозеро VI, 4, 5 – Лахта III, 6 – Кудамгуба IV, 7 – Фофаново VIII, 8, 11 – Лахта III, 9, 10 – Лахта II, 12 – Черная Губа IX

Figure 4. Rhomb-pit and comb-pit ware with asbestos temper: 1 – Cheranga I, 2 – Nyalma I, 3 – Chudozero VI, 4–5 – Lakhta III, 6 – Kudamguba IV, 7 – Fofanovo VIII, 8, 11 – Lakhta III, 9–10 – Lakhta II, 12 – Chernaya Guba IX

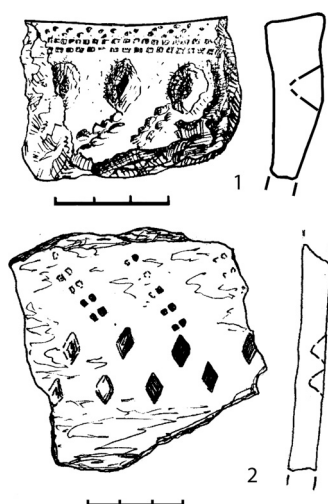

Рис. 5. Ромбоямочная керамика с примесью асбеста: 1 – Лахта III, 2 – Золотец VI

Figure 5. Rhomb-pit ware with asbestos temper: 1 – Lakhta III, 2 – Zolotets VI

Среди рассматриваемой ямочно-гребенчатой посуды с асбестом выделяется сосуд со стоянки Чудозеро VI, который имеет редкий для ромбоямочной керамики Г-образный, сильно загнутый внутрь венчик (рис. 4: 3). Сосуд украшен оригинальной композицией, составленной из ямок ромбической и округлой формы, образующих горизонтальный ряд треугольников, верхняя часть которых завершается выступом наподобие крючка. Такой мотив изредка встречается на ромбоямочной керамике и является редуцированным изображением водоплавающих птиц. Подобные сосуды обнаружены на стоянках Илекса (на Куштозеро), Вигайнаволок I [4]. Сочетание на сосуде с Чудозера VI таких редких для ромбоямочной посуды признаков, включая примесь волокнистого минерала, косвенно указывает на наличие в первой половине IV тыс. до н. э. особой нетехнологической (ритуальной?) функции у асбестовой посуды с ямочно-гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом.

На стоянке Черанга I не обнаружено посуды ромбоямочного типа, кроме единственного сосуда с примесью асбеста (рис. 4: 1), тогда как, по сведениям М. Г. Косменко, на соседней стоянке Черанга III были собраны фрагменты от нескольких десятков горшков с ромбоямочной орнаментацией без примеси волокнистого минерала². Этот факт дополнительно подчеркивает наличие особого отношения у населения с ромбоямочной керамикой к сосудам с примесью асбеста.

В целом большая часть ямочно-гребенчатой асбестовой керамики Карелии может быть уверенно отнесена к посуде ромбоямочного типа. От типичной гребенчато-ямочной керамики рассматриваемая серия отличается наличием в орнаментации ряда сосудов ямок ромбической формы и отсутствием в композициях мотива в виде «флажка». Разреженность орнамента на части ямочно-гребенчатых сосудов с асбестом сближает ее с более поздними типами асбестовой керамики Карелии, в данном случае может рассматриваться как хронологический показатель.

ПОДВЕСКИ ИЗ АСБЕСТА

На двух поселениях с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой Карелии обнаружены подвески, изготовленные из асбеста. В 1986 году на поселении Челмужская Коса XII, находящемся на северо-восточном берегу Онежского озера (см. рис. 3), А. М. Жульниковым было найдено 16 подвесок на различных стадиях изготовления, куски асбеста и предполагаемые орудия для производства украшений. Изучение планиграфии распространения этих видов находок в раскопе площадью 120 кв. м (рис. 6) дает основание для предположения о наличии на поселении мастерской по производству подвесок из асбеста и иных пород камня. В качестве сырья для изготовления подвесок на стоянке использовался асбест (13 подвесок и их заготовок), сланец (две подвески), видимо, диабаз (одна подвеска). Первоначально куски волокнистого камня подвергались обтачиванию до получения уплощенных пластин (рис. 7: 1), а затем опиливались, о чем свидетельствуют характерные следы на одной из заготовок (рис. 7: 2), иногда небольшой лункой намечалось место будущего отверстия (рис. 7: 3). В дальнейшем заготовки обтачивались для придания им овальной формы, иногда суженной к одному из краев (рис. 7: 4–6). Пропорции и размеры подвесок, вероятно, зависели от первоначальных размеров и формы пластин. Последними стадиями обработки заготовок подвесок были шлифовка и сверление отверстия. Иногда при сверлении подвеска ломалась (рис. 7: 7). На одной из уже полностью зашлифованных заготовок имеется след от намеченного отверстия (рис. 7: 8). Сверление велось с двух сторон (рис. 7: 7, 9).

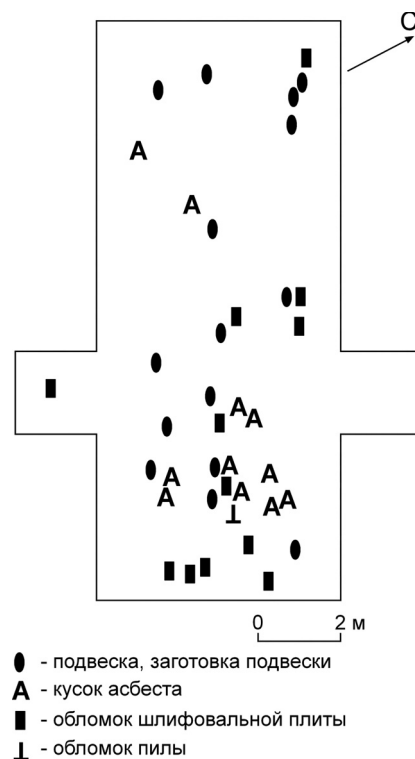

Рис. 6. План распространения кусков асбеста, подвесок и предполагаемых орудий их изготовления в раскопе на стоянке Челмужская Коса XII: 1 – подвески, 2 – куски асбеста, 3 – обломки шлифовальных плит, 4 – обломок кварцевой пилы

Figure 6. Plan of spatial distribution of asbestos pieces, asbestos pendants and possible tools for making pendants in the excavated area of Chelmujskaya Kosa XII site: 1 – pendants, 2 – asbestos pieces, 3 – fragments of grinding plates, 4 – fragment of quartzite saw

В месте концентрации подвесок на площади раскопа собраны многочисленные куски необработанного асбеста (см. рис. 6). В этой же части раскопа обнаружены большая часть обломков шлифовальных плит и обломок кварцевой пилы (см. рис. 6), многие из которых, видимо, использовались при производстве подвесок из камня. Отметим, что на Челмужской Косе XII найдены сланцевые рубящие орудия и их обломки, однако они не образуют скоплений и, в отличие от кусков асбеста и обломков шлифовальных плит, относительно равномерно распределяются по площади раскопа.

Стоянка Челмужская Коса XII – памятник многократного заселения. При анализе его материалов выделено три разновременных комплекса находок: с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского облика, с ромбоямочной керамикой, украшенной ямками ромбической, округлой и овальной формы, с позднеэнеолитической асбестовой керамикой типа Палайгуба. Стратиграфия распространения подвесок на стоянке такова, что исключается их связь с асбестовой керамикой: заготовки подвесок найдены большей частью

в нижних горизонтах, где фрагменты палайгубского типа не встречаются. На стоянках с асбестовой керамикой подвески из камня единичны, изготовлены они в основном из красноватого шифера, что, возможно, является подражанием янтарным украшениям. Нет сведений о находках подвесок из камня и на стоянках Карелии с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского типа [11]. В то же время подвески из камня – один из самых распространенных видов украшений, найденных на поздненеолитических – раннеэнеолитических памятниках Карелии и сопредельных регионов [1], [13]. Две заготовки подвесок из асбеста на стоянке Челмужская Коса XII находились в скоплении кремневых отщепов, обнаруженных на дне сосуда с гребенчато-ямочной орнаментацией, следовательно, есть основание утверждать, что обнаруженный на этом памятнике комплекс по производству украшений из камня связан с ромбоямочной керамикой. Многочисленность заготовок подвесок и сырья для их изготовления на стоянке Челмужская Коса XII свидетельствует о том, что производство украшений здесь могло вестись не только для внутреннего потребления, но и для обмена.

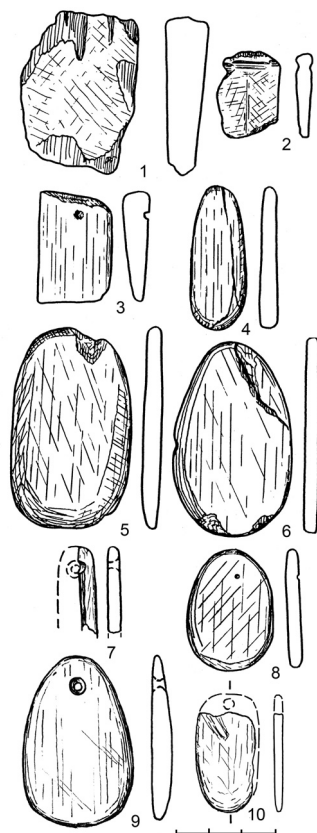

Рис. 7. Асбестовые подвески и их заготовки на разных стадиях изготовления: 1–9 – стоянка Челмужская Коса XII, 10 – стоянка Фофаново VIII

Figure 7. Asbestos pendants and preforms of different production stages: 1–9 – Chelmužskaya Kosa XII site, 10 – Fofanovo VIII site

На стоянке Фофаново VIII, расположенной у западного побережья Онежского озера (см. рис. 3), в слое с ромбоямочной керамикой найден обломок овальной подвески из асбеста (рис. 7: 10). С этой же стоянки происходит серия обломков сланцевых колец и их заготовок, а также фрагменты асбестового сосуда с гребенчато-ямочной орнаментацией (рис. 4: 7). Следует отметить, что полированные подвески из асбеста внешне почти не отличаются от сланцевых украшений, поэтому можно допустить, что часть подобных изделий, найденных на иных стоянках Карелии, также изготовлена из асбестоподобного минерала. Таким образом, древнее население южной части Карелии в первой половине IV тыс. до н. э. изредка использовало асбест не только для изготовления керамики, но и для производства подвесок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные данные показали, что население Карелии с ромбоямочной и типичной гребенчато-ямочной керамикой лишь изредка изготавливало посуду с примесью асбеста. Подобная ситуация характерна для западной и северной частей бассейна Онежского озера и юго-западной части Прибеломорья. Ямочно-гребенчатая посуда с асбестом на территории, расположенной к востоку и югу от Онежского озера (вне зоны асбестоносности), на территории также относящейся к области распространения ромбоямочной керамики, неизвестна. Следовательно, в первой половине IV тыс. до н. э. асбест в качестве продукта обмена населением с ромбоямочной керамикой, видимо, не использовался. В сосудах более поздних типов асбестовой керамики Карелии и Карельского перешейка доля волокнистого минерала иногда достигает 50–70 % [16: 56], а его «иглы» в изобилии можно увидеть на стенках большинства энеолитических сосудов. Напротив, на ромбоямочной керамике пластинки / иглы асбеста на посуде почти незаметны, видимо, его количество в качестве примеси было, как правило, незначительно, что сходно с типичной гребенчато-ямочной керамикой с асбестом на территории Финляндии. В этой связи можно согласиться с предположением М. Лавенто и С. Горницкого, что асбестовая примесь в посуде первой половины IV тыс. до н. э. не могла иметь существенного технологического значения [19: 43]. Следовательно, на первый план среди возможных причин начала использования асбеста в качестве примеси населением культуры ромбоямочной керамики выходит то его естественное экзотическое свойство, которое на территории Евразии с древнейших времен привлекало людей, – схожесть минерала с несгораемыми нитями или кусками дерева [16: 56–57].

Население с типичной гребенчато-ямочной керамикой Финляндии изредка использовало в качестве примеси антофиллит-асбест, тогда как подобная разновидность асбеста на ромбо-ямочной и гребенчато-ямочной керамике Карелии визуально не прослеживается. Видимо, население Обонежья применяло в качестве добавки к тесту сосудов волокнистый минерал из местных источников. Не исключено, что древние жители Карелии почерпнули идею использования асбеста для изготовления керамической посуды у населения восточной части Финляндии, где традиция изготовления посуды с асбестом массово была представлена в V тыс. до н. э. и сохранялась в этом районе вплоть до начала IV тыс. до н. э. Тем не менее на данный момент нет каких-либо данных, свидетельствующих о влиянии ранней асбестовой керамики Финляндии на ромбоямочную посуду. Скорее всего, для населения Карелии с ромбоямочной керамикой рассматриваемая инновация связана с влиянием племен с типичной гребенчато-ямочной керамикой, которые, проникнув в бассейн озера Сайма, не только вступили в контакты с местным населением с ранней асбестовой керамикой, но и постепенно устанавливали связи с «восточными» соседями, проживавшими в западной части бассейна Онежского озера. Наличие единичных памятников с находками типичной гребенчато-ямочной керамики к западу от Онежского озера, возможно, указывает на проникновение в конце неолита отдельных новых групп охотников и рыболовов на эту территорию, в том числе из бассейна озера Сайма. Не исключено и установление брачных связей между населением этих двух регионов, что могло привести к некоторому взаимовлиянию двух керамических традиций.

Возникновение инновации использования волокнистых минералов в качестве примеси к глине, возможно, являлось частью перехода древних жителей региона к новой стратегии использования местных минеральных ресурсов: в энеолите на смену в основном валунному сырью для изготовления орудий приходят активные разработки жителями Обонежья горных месторождений, ранее почти не использовавшихся (залёжи лидита, метатифа, глинистого сланца, меди, слюды и т. п.), с которыми обычно на территории региона связаны и проявления асбеста. Изделия из этих материалов начинают активно использоваться жителями Карелии в обмене, появляются признаки специализации в изготовлении каменных орудий [5]. Поскольку в первой половине IV тыс. до н. э. данные тенденции еще только начинали проявляться, то и использование в это время изредка асбеста в качестве примеси можно рассматривать как начальную часть процесса освоения населением с ямочно-гребенчатой керамикой технологии изготовления керамической посуды с использованием необычного по виду и свойствам минерала. Он мог добываться попутно, в частности при добыче населением с ромбоямочной керамикой самородной меди и кварца Заонежья, залегающих нередко в одних и тех же рудопроявлениях, выходящих на дневную поверхность³.

Распространению асбестовой керамики в бассейне Онежского озера в первой половине IV тыс. до н. э. могло также способствовать использование волокнистого минерала в качестве материала для подвесок, поскольку побочным продуктом их производства является получение раздробленных волокон асбеста, пригодных для применения в качестве добавки к тесту керамической посуды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вплоть до начала XXI века в отечественной археологической литературе были в основном представлены датировки, основанные на радиоуглеродных датах, не учитывающих изменения в солнечной активности. В настоящее время в археологическую практику внедрено использование радиоуглеродных дат с применением калибровочных кривых, что привело к существенному пересмотру радиоуглеродной хронологии неолитических памятников Северной Европы.

² Косменко М. Г. Отчет о работах Водлозерского отряда Карельской археологической экспедиции в 1981 г. Петрозаводск, 1982 // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 50. № 433, 434.

³ Устное сообщение, полученное авторами настоящей статьи от научного сотрудника Музея геологии докембрия Института геологии КарНЦ РАН О. Б. Лаврова и аспиранта Хьюстонского университета Д. В. Блышко по результатам обследования в 2022 году в Заонежье рудопроявлений меди, кварца и асбеста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 183 с.
2. Витенкова И. Ф. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 208 с.
3. Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1961. 588 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 87).

4. Жульников А. М. Об особенностях изображений птиц на ромбоямочной керамике восточной части бассейна Балтийского моря // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 266. С. 182–193.
5. Жульников А. М., Тарасов А. Ю. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволок // Российская археология. 2021. № 4. С. 21–34.
6. Журавлев А. П. Энеолит Карелии и проблема взаимодействия с энеолитом Поволжья и Урала // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск: Удмуртский ИЯЛИ Уральского отделения АН СССР, 1990. С. 17–27.
7. Журавлев А. П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1991. 205 с.
8. Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 222 с.
9. Косменко М. Г. Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменный, бронзовый, железный века) // Российская археология. 2003. № 4. С. 25–35.
10. Кулькова М. А., Герасимов Д. В., Кульков А. М., Стрельцов М. А., Жульников А. М. Минералого-геохимические критерии для установления источников сырья и технологии изготовления керамики с примесью асбеста из археологических памятников Карелии и Карельского перешейка // Геоархеология и археологическая минералогия. Т. 7. Миасс: Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии УрО РАН, 2020. С. 110–116.
11. Лобанова Н. В. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1996. С. 81–104.
12. Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск: ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж», 2013. 409 с.
13. Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. 230 с.
14. Панкрушев Г. А. Поселения с асбестовой керамикой // Поселения древней Карелии. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1988. С. 79–97.
15. Радиоуглеродное датирование неолита Северной Евразии. СПб.: Теза, 2004. 157 с.
16. Холкина М. А., Гусенцова Т. М., Герасимов Д. В. Перо феникса: об особом значении примеси асбеста в керамике Северо-Запада // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 16. М.: ИА РАН, 2020. С. 49–60.
17. Холкина М. А., Жульников А. М., Муравьев Р. И., Герасимов Д. В. Комплекс керамики памятника Березово 2 (к вопросу о типичной гребенчато-ямочной керамике с асбестом) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I. Самара: СГСПУ, 2020. С. 216–218.
18. Хорошун Т. А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт археологии РАН, 2013. 18 с.
19. Lavento M., Hornytzkij S. Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age pottery in Finland and Eastern Karelia // Helsinki Papers in Archaeology. No 9. Helsinki: University of Helsinki, 1996. P. 41–70.
20. Pesonen P. Early asbestos ware – pithouses and potmakers: reports of the Ancient Lake Saimaa Project // Helsinki Papers in Archaeology. No 9. Helsinki: University of Helsinki, 1996. P. 9–39.
21. Tarasov A., Nordquist K., Mökkönen T., Khoroshun T. Radiocarbon chronology of the Neolithic – Eneolithic period in Karelian Republic (Russia) // Documenta Praehistorica. 2017. Vol. XLIV. P. 98–121.

Поступила в редакцию 02.01.2023; принята к публикации 27.02.2023

Original article

Tatyana A. Vasilyeva, Cand. Sc. (History), Research Fellow,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
tattya@list.ru

Alexander M. Zhulnikov, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
rockart@yandex.ru

ASBESTOS IN THE CULTURE OF THE ANCIENT POPULATION OF KARELIA WITH RHOMB-PIT AND COMB-PIT WARE TRADITIONS

Abstract. The article presents the results of a study aimed at revealing the reasons that caused the appearance of pots with asbestos temper and ornaments made of this fiber material in the culture of the population with rhomb-pit ware tradition in the Onega Lake region (Obonezhye) in the first half of the 4th millennium BC. During the study of pottery collections, the information about all the rare finds of potsherds with pit-comb decoration and asbestos temper in

the region was collected and the discovery sites were mapped. The morphological characteristics of the potsherds were also described and compared with the characteristics of rhomb-pit and comb-pit ware with sand and gravel temper. The article discusses the archaeological materials from an ancient workshop for producing asbestos pendants (probably for exchange). The authors substantiate their assumption that the beginning of the asbestos use could be connected with the influence of the population with typical comb-pit ware from the Saimaa Lake region in eastern Finland. The population with the rhomb-pit ware tradition did not use asbestos often, which can be explained by a rather long period of transition to a new strategy of extraction and use of local mineral resources.

Key words: rhomb-pit ware, typical comb-pit ware, asbestos ware, asbestos, pendants, Eneolithic

Acknowledgements. The article was written as part of the project “The phenomenon of asbestos ware in pottery traditions of Eastern Europe: technology of making and use, structure of interregional contacts” supported by the Russian Science Foundation (project No 19-18-00375).

For citation: Vasilyeva, T. A., Zhulnikov, A. M. Asbestos in the culture of the ancient population of Karelia with rhomb-pit and comb-pit ware traditions. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.882

REFERENCES

1. Vitenkova, I. F. Late Neolithic sites in the territory of Karelia. Petrozavodsk, 2002. 183 p. (In Russ.)
2. Vitenkova, I. F. Karelia in the early Metal Epoch (sites with rhomb-pit ware). Petrozavodsk, 2016. 208 p. (In Russ.)
3. Gurina, N. N. Ancient history of the north-west of the European part of the USSR. Moscow, Leningrad, 1961. 588 p. (Materials and studies on the archaeology of the USSR. No 87). (In Russ.)
4. Zhulnikov, A. M. On the special features of the images of waterfowl on the rhomb-pit ware vessels from the eastern part of the Baltic Sea basin. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2022;266:182–193. (In Russ.)
5. Zhulnikov, A. M., Tarasov, A. Yu. On the origin and chronology of the geometric style asbestos-ceramic of the Voynavolok type. *Russian Archaeology*. 2021;4:21–34. (In Russ.)
6. Zhuravlev, A. P. Eneolithic of Karelia and problem of interaction with Eneolithic of the Volga and the Urals regions. *Eneolithic of the forest Urals and the Volga regions*. Izhevsk, 1990. P. 17–27. (In Russ.)
7. Zhuravlev, A. P. Pegrema (settlements of the Eneolithic Epoch). Petrozavodsk, 1991. 205 p. (In Russ.)
8. Kosmenko, M. G. Multilayer sites of southern Karelia. Petrozavodsk, 1992. 222 p. (In Russ.)
9. Kosmenko, M. G. The problems of dating and chronology of the Stone and Iron Ages in Karelia. *Russian Archaeology*. 2003;4:25–35. (In Russ.)
10. Kulkova, M. A., Gerasimov, D. V., Kulkov, A. M., Streltsov, M. A., Zhulnikov, A. M. Mineralogical and geochemical criteria for the determination of natural sources of raw-material and technology of making pottery with asbestos temper from archaeological sites in Karelia and the Karelian Isthmus. *Geoarchaeology and archaeological mineralogy*. Vol. 7. Miass, 2020. P. 110–116. (In Russ.)
11. Lobanova, N. V. Pit-comb ware culture. *Archaeology of Karelia*. Petrozavodsk, 1996. P. 81–104. (In Russ.)
12. Melnikov, I. V., German, K. E. Ancient settlements of the southern Trans-Onega region (Mesolithic – Eneolithic). Petrozavodsk, 2013. 409 p. (In Russ.)
13. Oshibkina, S. V. Neolithic of the eastern Cis-Onega region. Moscow, 1978. 230 p. (In Russ.)
14. Pankrushev, G. A. Settlements with asbestos ware. *Settlements of ancient Karelia*. Petrozavodsk, 1988. P. 79–97. (In Russ.)
15. Radiocarbon dating of the Neolithic of the Northern Eurasia. St. Petersburg, 2004. 157 p. (In Russ.)
16. Kholkina, M. A., Gusentsova, T. M., Gerasimov, D. V. Phoenix feather: special significance of asbestos temper in the pottery of the northwestern Russia. *Archaeology of the Moscow region: Proceedings of scientific seminar*. Issue 16. Moscow, 2020. P. 49–60 (In Russ.)
17. Kholkina, M. A., Zhulnikov, A. M., Muravyov, R. I., Gerasimov, D. V. Pottery assemblage from Berezovo 2 site (the issue of typical comb-pit ware with asbestos temper). *Proceedings of the VI (XXII) all-Russian archaeological congress in Samara*. Vol. 1. Samara, 2020. P. 216–218. (In Russ.)
18. Khoroshun, T. A. Sites with pit-comb and rhomb-pit ware on the western shore of Lake Onega (late 5th – early 3rd millennia BC): Author's abstract of Diss. Cand. Sc. (History). Moscow, 2013. 18 p. (In Russ.)
19. Lavento, M., Hornytzkij, S. Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age pottery in Finland and Eastern Karelia. *Helsinki Papers in Archaeology*. No 9. Helsinki, 1996. P. 41–70.
20. Pesonen, P. Early asbestos ware – pithouses and potmakers: reports of the Ancient Lake Saimaa Project. *Helsinki Papers in Archaeology*. No 9. Helsinki, 1996. P. 9–39.
21. Tarasov, A., Nordquist, K., Mökkönen, T., Khoroshun, T. Radiocarbon chronology of the Neolithic–Eneolithic period in Karelian Republic (Russia). *Documenta Praehistorica*. 2017;XLIV:98–121.

Received: 2 January 2023; accepted: 27 February 2023

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ПРИХОДЬКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры древних
языков исторического факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ло-
моносова (Москва, Российская Федерация)
aristonica@list.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ЭЛЛИНОВ О БУДУЩЕМ В ЗЕРКАЛЕ МАНТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

А н н о т а ц и я . Ставится задача выявить и обобщить представления древних греков о будущем, для чего привлекаются результаты многолетнего изучения литературных и эпиграфических источников по древнегреческому мантическому искусству. Это изучение включает в себя общую оценку смысла описываемых в литературе событий, связанных с ситуацией обращения к оракулу, рассмотрение принципа построения оракульных контекстов, а также лексико-семантический анализ обслуживавших мантику терминов. На основании материала периода архаики и классики сформулированы три главных тезиса, отражающие те основополагающие принципы, в соответствии с которыми эллины оценивали будущее и строили с ним свои отношения: два вида будущего (одно – конкретное, свое, ближайшее и второе – неопределенное, чужое, далекое); неписанный запрет на вопрошение о будущем; невозможность изменить будущее, прозвучавшее в качестве совета. Затем с расширением временных рамок формулируется четвертый тезис, отразивший развитие этих представлений в период Римской империи в малоазийской астрагальной мантике: описание будущих событий соединилось с выраженным в виде приказа советом, образовав недетализированное преподнесение будущего в нарративно-императивной форме. Каждый тезис оформлен как вывод с кратким добавлением иллюстративного материала.

К л ю ч е в ы е с л о в а : представление о будущем, мантические термины, Дельфийский оракул, хресмологи, вопрос оракулу, ответ оракула, малоазийский оракул по пяти астрагалам, алфавитный оракул

Д л я ц и т и р о в а н и я : Приходько Е. В. Представления древних эллинов о будущем в зеркале мантического искусства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 19–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.883

ВВЕДЕНИЕ

Мысли о будущем – ближайшем или далеком – сопутствуют людям в течение всей их жизни, и каждый человек, исходя из своих религиозных, культурных и нравственных позиций, строит свои отношения с будущим. В истории разных народов определенные представления, свойственные подавляющему большинству общества и им исповедуемые, выходят за рамки личного восприятия и закрепляются в признанных нормах поведения, религиозных обрядах, а также в обслуживающих их понятиях и терминах. Внимательное изучение этого материала нередко позволяет очертить систему верований даже очень удаленных от нас по времени народов, не оставивших готовых трактатов с изложением своих взглядов на проблему будущего.

Многолетняя работа с источниками, раскрывающими с разных сторон древнегреческое искусство прорицания, или мантику, – как с позиций лексико-семантического анализа терминов

и изучения синтаксической структуры оракульных контекстов, так и с позиций истолкования общего смысла описываемых в литературе событий, – дает нам возможность обобщить результаты ряда наблюдений и сформулировать несколько принципов отношения эллинов к будущему – именно тех принципов, которые были заложены в основу функционирования этого искусства. Иными словами, разные исследования, проведенные нами в последние десятилетия, позволили сложить из этих отдельно изученных пазлов целую картину древнегреческих представлений о будущем, что стало возможным лишь благодаря обобщению на более высоком уровне всего наработанного материала. Предлагаемые в данной статье выводы публикуются впервые, а их ценность и научная новизна заключаются в том, что никто из исследователей не ставил прежде перед собой подобную задачу, хотя в целом направление изучения мировоззрения древнего мира на основании лексико-се-

мантического анализа уже стало, особенно после выхода в свет труда Р. Онианса [7]¹, одним из важных направлений научных исследований.

ТЕЗИС ПЕРВЫЙ

В восприятии древних эллинов будущее делилось на два вида. С одной стороны, было представление о ближайшем будущем: его место и временные рамки осуществления были хорошо известны группе заинтересованных лиц, для каждого из которых в этом будущем была очерчена своя линия поведения. С другой стороны, было представление о некотором неконкретном будущем, временном потоке, который когда-то и где-то должен будет вынести к воплощению то или иное событие. К этому выводу нас склоняет существование в древнегреческом языке двух терминов для обозначения прорицателей. Самым привычным и самым распространенным термином уже с поэм Гомера был термин *μάντις*. Мантисом, или «ведун», если попытаться перевести это слово, эллины изначально называли пророка, обладавшего даром воспринимать божественные откровения и умением передавать их окружающим его людям. Такими пророками были Тиресий, Амфиарай, Калхант, Гелен, Феоклимен, Иам, Мопс и другие. Также мантисами почитались возвещавшие изречения бога жрецы и жрицы прорицалищ: например, дельфийские Пифии, жрицы святилища Аполлона в Патарах, жрецы святилища Аполлона Птоийского и т. д. Правда, постепенно этот термин как бы разбух и стал обозначать любого человека, занимавшегося мантическим искусством, вплоть до обычного гадалея. Но для нас сейчас важно другое. Мантисы всегда возвещали прорицания в ответ на поставленный вопрос и непосредственно заинтересованной в их получении аудитории. То есть при возникновении проблемы люди обращались к мантису и получали благодаря его пророческому дарованию божественное откровение, адресованное именно им и затрагивающее расклад именно их ближайшего будущего или даже настоящего с переходом в будущее. Мантисы никогда не предсказывали отдаленных по времени событий, все их изречения должны были исполниться еще при жизни собеседников [1: 30–68].

Как пример одного из долгосрочных предсказаний можно вспомнить слова Калханта, истолковавшего войску ахейцев посланное Зевсом знамение. Когда воины, пристав к берегам Трои, стали приносить богам гекатомбы, им явилось великое чудо: из-под алтаря выполз страшный дракон с багрово-красной спиной и устремился к платану,

на верхней ветке которого сидела воробиха с восьмью птенцами; дракон сожрал и птенцов, и их мать, после чего Зевс превратил его в камень. Тайный смысл столь необычного знамения смог разъяснить пораженному войску только мантис Калхант. Он предсказал, что ахейцам суждено девять лет сражаться у стен Трои, и только на десятый год город Приама будет разрушен (II. II 305–330). Перед нами типичное пророчество мантиса: оно открывает перспективу в будущее от настоящего момента и говорит о судьбе тех, кто с личным интересом внимает словам Калханта.

Однако древние эллины создали и другой термин для обозначения пророка – *χρησμολόγος*, собственно, «говорящий пророчества». Необходимость введения этого термина была обусловлена именно тем, что пророческий дар хресмологов и направленность их деятельности принципиально отличались от того, что было свойственно мантисам. «Никто из мантисов не был хресмологом»², – утверждал Павсаний (I 34, 4). Хресмологи, согласно Аристотелю, – «свидетели о будущем» (Rhet. I 15, 14), которые «не ограничивают, когда [сбудутся их пророчества]» (Rhet. III 5, 4), и в своих пророчествах они, как уверяет Гераклит, «достигают тысячи лет» (22 B 92 DK). Иными словами, хресмологам были открыты грядущие события, уходящие в будущее на много столетий вперед; переходящее в будущее настоящее их не касалось. У хресмологов не было своей аудитории, их никто не вопрошал, и они никому не отвечали. Они бросали в мир информацию о том, чему суждено было случиться, но не снабжали ее временной конкретностью, которой, возможно, и сами не обладали. Прославленными хресмологами древности эллины почитали Мусея, Бакида, Сивилл, Лисистрата Афинского. Их пророчества собирали в книги, изучали и пытались связать с тем или иным современным событием. Хранителей таких собраний тоже стали называть хресмологами. Когда городу грозила опасность, жители, стремясь получить спасительный совет, не только посылали посольства в Дельфы и другие прорицалища, но и обращались к хресмологам-хранителям в надежде найти среди древних пророчеств изречение о сложившейся в их отечестве ситуации. Нередко предсказания хресмологов становились понятными только *post factum*. Так, Геродот рассказывает, что, когда после Саламинской битвы обломки кораблей были принесены западным ветром к мысу Колиада и местные женщины стали собирать их на дрова, открылся смысл пророчества Лисистрата Афинского: «А колиад-

ские жены на веслах поджаривать будут» (VIII 96) [1: 268–281].

Таким образом, терминологически закрепленное деление пророков на мантисов и хреспологов было основано на содержательной стороне их пророчеств, отражавшей своеобразие их высшего дарования, и вытекающих отсюда отношениях пророков с окружавшими их людьми. Следовательно, эллины четко воспринимали различие между тем будущим, которое принадлежит лично человеку и его роду и происходит из его настоящего, и тем будущим, которое как единый временной поток уходит за горизонт тысячелетий и несет с собой бесчисленное число событий, то есть между индивидуальным будущим и будущим общечеловеческим.

ТЕЗИС ВТОРОЙ

Древние эллины считали знание будущего прерогативой богов³. Боги были вправе по своей воле открывать людям отдельные эпизоды грядущего. При этом сам человек мог претендовать на получение хотя бы крошечной частицы этого знания только под давлением непреодолимых обстоятельств, а праздное любопытство в этом вопросе каралось наказанием.

Возможно, этот тезис сразу вызовет недоумение. Всем известно, что в материковой Греции и в Малой Азии функционировало много прорицалищ богов, куда постоянно обращались с вопросами как правители, так и простые люди [3], [4], [8], [9]. А дальше обычная бытовая логика подсказывает нам, что они в первую очередь интересовались своим будущим. Но вот здесь-то и кроется главное современное заблуждение. Если проанализировать вопросы, с которыми эллины обращались к оракулам, то среди них вопросов о будущем оказывается крайне мало⁴. Эллины искали у богов не откровений о своей судьбе, не подробностей уже предназначенных для них событий, а дельных советов и мудрых наставлений. Через своих оракулов Аполлон и другие боги не предсказывали, а напутствовали, воспитывали и вразумляли. Именно поэтому традиционной формулой вопрошения оракула, засвидетельствованной как в литературе, так и в эпиграфике, стал вопрос: «Будет ли мне выгоднее и лучше совершить вот это?» или «Будет ли мне, делающему вот это, выгоднее и лучше?». Ответ оракула в таком случае тоже строился на основании этой формулы. Так, согласно Ксенофону, Ликургу, придя в Дельфы, «вопросил бога, выгоднее и лучше ли будет Спарте, повинующейся тем законам, которые он установил» (Лас. VIII 5). Плутарх сообщает, что по замыслу

Лисандра Силен должен был прочитать в присутствии многих изречение Дельфийского оракула о царской власти, что «лучше и выгоднее будет спартанцам, выбирающим царей из самых достойных граждан» (Lys. 26, 3). А в надписи из Эпидавра сказано:

«Исилл поручил Астилайду спросить в Дельфах о пеане, который он написал в честь Аполлона и Асклепия, лучше ли будет ему, вырезавшему [на мраморе] этот пеан, и бог ему возвестил, что ему, вырезавшему этот пеан, будет лучше и сейчас, и в последующее время» (IG IV² 1. 128. 32–36).

Обращаясь в прорицалища, люди выносили на суд бога свои уже обдуманнные планы, для осуществления которых требовалось божественное одобрение – а бог мог и благословить, и запретить, – или, наоборот, свои сомнения и неуверенность, дабы бог указал правильный путь. В каких-то случаях человек просто спрашивал, как ему поступить в сложной ситуации, даже не предлагая своего видения допустимых вариантов. Правильно поставленный вопрос обеспечивал просителю получение именно того ответа, который был необходим для решения его проблемы. Неслучайно каждого входящего в дельфийский храм встречала надпись: «Познай самого себя!» – то есть на самом обычном бытовом уровне это означало:

«Остановись, подумай. Ты хочешь обратиться к Аполлону. Ты осознал, что для тебя в данный момент самое важное? Ты готов задать именно тот вопрос, который нужен тебе и сейчас?»

Никакое правило не существует без исключений, и вопросы о будущем в храмах тоже звучали. Это случалось нечасто и преимущественно из-за самоуверенности, праздного любопытства или глупости. Если, не имея на то серьезного основания, человек рвался к божественному знанию о будущем и, сам того не осознавая, приравнивал себя к богу, то и получаемое в ответ прорицание требовало от него особой мудрости для его расшифровки – мудрости, которой у таких просителей как раз и не было. Обычные изречения оракулов были четкими и вполне ясными – бог наставлял свой народ, как отец сына, и ему было важно, чтобы его слова были поняты и привели к правильным поступкам, в то время как ответы на праздные вопросы о будущем неизменно наполнялись метафорами, сравнениями, омонимами, серьезно усложнявшими их понимание – бог принимал дерзкий вызов и показывал, чем может закончиться состязание с ним на равных.

Вспомним рассказ Геродота о сифнийцах. Золотые и серебряные рудники Сифноса приноси-

ли жителям острова большие доходы, сифнийцы преуспевали и благоденствовали, они даже воздвигли в Дельфах свою собственную сокровищницу, и тут им пришлось в голову спросить оракул, на долгое ли время останется у них нынешнее благополучие. И Пифия дала им такой ответ:

«Все же, когда пританей белостенным на Сифносе будет
И агора белобровой, то следует умному мужу
Не пропустить деревянной засады и вестника в красном».

Уже в то время у сифнийцев пританей и агора были отделаны паросским мрамором. Но они не смогли понять смысл прорицания ни сразу, ни даже тогда, когда к острову подошли самосцы — они приплыли на деревянных кораблях, окрашенных суриком в красный цвет, — и попросили ссудить им десять талантов. Сифнийцы ответили отказом, после чего самосцы разорили их остров, разбили их войско, и в итоге сифнийцы выплатили им выкуп в сто талантов (III 57) [4: 306–307], [9; II: 29–30].

Однако поднять вопрос о будущем жителей города могла заставить и некая безвыходная ситуация, например, надвигающаяся смертельная опасность, как это произошло с афинянами при приближении войска Ксеркса. Тогда, испытывая крайнюю нужду в божественной помощи и сознавая, что вынуждены нарушить неписанный запрет на вопрошение о будущем, послы афинян просителями входят в храм с оливковыми ветвями и свое обращение к Аполлону строят не как вопрос со всей его конкретностью, а как самую общую просьбу: «Владыка! Изреки нам нечто лучшее о нашей родине, уважив вот эти оливковые ветви, с которыми мы пришли. Иначе мы не уйдем из храма, но останемся здесь на этом самом месте, пока не умрем» (Hdt. VII 141). В ответ Пифия возвестила им знаменитый оракул о «деревянной стене», который, несмотря на его образный язык (ведь речь все же шла о будущем), был истолкован правильно и привел к победе в Саламинской битве [4: 316–317], [9; II: 41–42].

Таким образом, знание прошлого и настоящего принадлежало миру людей, поэты и писатели черпали из него сюжеты для своих произведений, с вопросом о нем можно было спокойно обращаться к оракулам. Знание будущего принадлежало миру богов, и только отдельные его фрагменты в определенных обстоятельствах могли быть приоткрыты смертным. Представление о трех временных составляющих мирового знания нашло отражение в эпической формуле всеведения (богов или избранных пророков): *τά τ' ἐόντα τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντα* — знать «и настоящее, и грядущее, и свершившееся» (Hom. II. I 70; Hes. Theog. 38).

ТЕЗИС ТРЕТИЙ

Будущее, озвученное в виде возвещенного в храме совета о предпочтительной тактике поведения, уже не подлежало пересмотру и считалось строго предопределенным. Это вытекает опять же из неписаных законов дельфийского благочестия²: обратившись за помощью к богу и получив его ответ, человек не мог передумать и выбрать другой путь, даже если осознал ошибочность заданного вопроса.

Именно в таком положении оказался, по его собственному свидетельству, Ксенофонт. Когда Проксен, связанный с ними давними узами гостеприимства, пригласил его приехать к нему в Сарды и познакомиться с Киром Младшим, Ксенофонт обратился за советом к своему наставнику Сократу, и Сократ, опасаясь, как бы дружба с Киром, помогавшим лакедемонянам в войне с Афинами, не навлекла на Ксенофонта обвинения в измене родине, убедил его отправиться с этим вопросом к Дельфийскому оракулу. Прибыв в Дельфы, Ксенофонт

«вопросил Аполлона, кому из богов принося жертвы и молясь он прекраснейшим и наилучшим образом может пройти тот путь, который замышляет, и, благополучно завершив его, остаться невредимым, и Аполлон возвестил ему, каким богам следует приносить жертвы».

Вернувшись домой, Ксенофонт рассказал о полученном прорицании Сократу,

«а тот, услышав, стал укорять его, что не спросил сначала о том, выгоднее ли ему отправиться в путь или остаться, но сам решил, что следует ехать, и спросил о том, как наилучшим образом он может совершить это путешествие».

То есть Сократ сразу понял, что, внешне вроде бы просто сместив акценты, его ученик на самом деле подменил требующий божественного решения вопрос на другой и в итоге спросил бога совсем не о том, о чем надлежало спросить. Но здесь важно, какой единственный выход видит Сократ из сложившейся ситуации. Он не предлагает Ксенофонту снова отправиться в Дельфы и задать правильный вопрос — что, с нашей современной точки зрения, кажется столь легким и логичным, — а лишь с покорностью констатирует необходимость подчиниться уже начерченному богом будущему: «Но раз уж ты таким образом спросил, следует делать все то, что приказал бог». И Ксенофонт тоже не пытается спорить с назначенной судьбой: он приносит жертвы богам, которых указал Аполлон, и отправляется в Малую Азию (Anab. III 1, 4–8) [4: 248], [9; II: 74–75].

Бывали и редкие случаи, когда Аполлон был вынужден сформулировать и тем самым закре-

пить будущее своего просителя, карая его нечестивый вопрос, как это произошло, согласно Геродоту, со спартанцем Главком. Этому Главку один милетец оставил на хранение большую сумму денег, и, когда после смерти этого человека его дети попросили Главка вернуть им наследство отца, Главк отправился в Дельфы и спросил Аполлона, может ли он присвоить себе взятые на хранение деньги ложной клятвой. В ответ Пифия «обрушилась на него такими словами:

Главк, Эпиклада сын, сейчас тебе выгоды больше
Клятвой такой победить и деньги чужие присвоить.
Хочешь – клянись: ожидает кончина и верного кляте.
Помни, однако, у клятвы имеется сын безымянный,
Он и без рук, и без ног, но преследовать будет проворно,
С корнем покуда не вырвет весь род и весь дом
не погубит.

А доброклятвенный муж превосходных оставит
ПОТОМКОВ».

Потрясенный обрисованной ему перспективой гибели всего его рода – а последний стих изречения был цитатой из «Трудов и дней» Гесиода (285), контекст которой был всем хорошо известен, – Главк стал просить прощения за свой нечестивый вопрос, на что Пифия ответила ему: «Испытывать бога [вопросом о допустимости преступления] и совершить [это преступление] имеет равную силу». И хотя, вернувшись домой, Главк сразу же отдал милетцам их деньги, его будущее, прозвучавшее в ответе Аполлона как угроза, уже было неотвратимым: Геродот сообщает, что в его время в Спарте уже не осталось ни потомков Главка, ни его дома – все было вырвано с корнем (VI 86 γ–δ) [4: 299], [9; II: 16–17].

Таким образом, древние эллины признавали непреложность реализации не только того будущего, которое становилось содержанием предсказаний-откровений, но и того будущего, которое оформлялось как возвышенный через оракула божественный совет – фактически это был уже не совет, а незыблемое повеление, – а также по разным другим причинам затрагивалось в изречении оракула.

ТЕЗИС ЧЕТВЕРТЫЙ

Классическая система предсказания ближайшего будущего, вытекающего из настоящего, и выражения будущего в виде совета обрели в период Римской империи новое преломление в малоазийской астрагальной мантике: оракулах по пяти и семи астрагалам и алфавитных оракулах. Изречения этих оракулов представляют собой сплав прямо названных фактов будущего и советов, которые руководят будущим.

Астрагальная мантика известна нам по эпиграфическому материалу из южных регионов Ма-

лой Азии: Ликии, Памфилии, Писидии, Кибиратиды и Фригии. В настоящее время в научном обиходе оракулы по пяти и по семи астрагалам представлены соответственно 18 и 3 надписями, собранными в одной публикации Й. Нолле [6: 19–221], и одной надписью, впервые опубликованной Б. Иппликчиоглу [5: 21–22], а алфавитные оракулы содержатся в 12 надписях, также собранных вместе в труде Нолле [6: 222–279]. Сохранность надписей сильно разнится: одни дошли почти полностью, другие демонстрируют часть текста, а от третьих остались лишь фрагменты нескольких строк. Все эти надписи датируются концом II – началом III в. н. э.

Оракулы по пяти астрагалам вырезали на высоких прямоугольных колоннах и выставляли обычно в центре города [10: 146–147, 216–217, 227, 253, 265, 340–341]. При одновременном броске пяти астрагалов может получиться 56 комбинаций, поэтому каждая такая надпись содержала 56 изречений. Они оформлялись в виде строф из пяти строк: первая строка перечисляла выпавшие цифровые значения астрагалов, сумму броска и имя божества, которому был посвящен этот бросок; вторая строка гекзаметром описывала выпавшие астрагалы; а следующие три строки содержали собственно уже само изречение, тоже написанное гекзаметром. Алфавитные оракулы были значительно короче и насчитывали всего 24 одностопных изречения, написанных чаще в ямбическом триметре, реже в гекзаметре и расположенных по принципу акростиха, то есть каждое новое изречение начиналось с последующей буквы греческого алфавита. Их могли вырезать на скалах, создавая сельские прорицалища, или даже на фасадах гробниц [10: 205–206, 215, 238, 265, 340–341]. Жители региона верили, что механизм функционирования подобных прорицалищ по сути своей не отличался от механизма возвещения ответов бога в прославленных святилищах: бог определял содержание нужного ответа, а его вещий-дух оракул выступал посредником при передаче откровения и контролировал падение костей, дабы получить угодный богу результат броска.

И оракулами по пяти и по семи астрагалам, и алфавитными оракулами люди пользовались для решения повседневных бытовых проблем и, в первую очередь, вопросов, связанных с коммерцией – именно поэтому этим видом мантики Аполлон не руководил лично, а отдал его под покровительство Гермеса, статуи которого нередко устанавливали на колоннах с оракулом по пяти астрагалам. Поскольку изречения этих оракулов были составлены заранее, они носят общий

характер и могут быть применены в качестве ответа на различные вопросы. Каждое такое изречение дает оценку намерения просителя (а вот планы-то у всех людей были разные): оно сообщает ему, каким окажется результат задуманного мероприятия, и советует, какие действия следует предпринять для благополучного исхода. Иными словами, текст таких изречений создает картину будущего из соединения конкретного описания отдельных грядущих событий и выраженных императивом повелений что-то сделать или от чего-то воздержаться: в одних изречениях эти составляющие присутствуют в равных пропорциях, в других – какое-то одно может превалировать.

Прорицания оракулов по пяти астрагалам в силу своей длины обладали большими возможностями для передачи информации. Например, в надписи с оракулом по пяти астрагалам из писидийского города Адады [6: 61–67] бросок, посвященный Афродите, одобрял планы просителя:

«В путь, куда хочешь, отправься – довольный
домой возвратишься,
Все обрета и исполнив, что в мыслях своих ты
задумал.
Милости все же ищи Афродиты и сына Майады» (11).

Также и бросок, посвященный Мену Светоносному, советовал вопрошавшему начать задуманное дело и обещал ему благополучное завершение:

«Смело! Момент наступил. Что желаешь,
исполнишь, достигнешь.
В путь отправляйся! Для трудных свершений
удачное время.
Благо – и дело начать, и борьбу, и судебную тяжбу» (51).

Напротив, бросок Мойр советовал обратившемуся за помощью отказаться от безнадежных замыслов и предлагал для них возможную альтернативу:

«Дело, которым ты занят, не делай, ведь лучше
не будет.
Если труды изнурят, все окажется тяжким
и тщетным.
Дальние страны ступай посмотреть, и беды
не случится» (3).

Бросок Зевса Керавния вообще жестко требовал воздержаться от имеющихся намерений:

«Сделать по замыслу, что ты задумал, сейчас
невозможно –
Выгоды нет ведь тебе от поездки к чужому народу,
Да и покупка – ты сам убедишься – полезной
не будет» (30)⁶.

Отдельные изречения для большей убедительности прибегали к традиционной поэтической

образности. Так, бросок, посвященный Тюхе Спасительнице, в надписи из расположенного на ликийко-писидийском пограничье города Китанавры [6: 86–91] воспользовался вот таким сравнением:

«Грудь у той, что рождает младенца, доселе сухие,
Снова набухли теперь, молоко изливая обильно.
Вскоре плоды обретешь, о которых меня
вопрошаешь» (19).

Тогда как в надписи из писидийского города Кремна [6: 70–77] бросок Посейдона описывал тщетность усилий просителя следующим образом:

«Бьешь ты копытом стрекало, от волн изнуряешься
встречных,
Рыбу в пучине ты ищешь – спешить перестань
с этим делом.
Пользы ведь нет для тебя беспокоить богов
неуместно» (14).

Изречения алфавитного оракула подчинялись тем же правилам, но должны были выразить всю суть божественного совета всего в одном стихе. Например, первые строки алфавитного оракула из сельского святилища, расположенного возле деревни Анбарджик на землях города Кибире, выглядят так [2: 44], [6: 245]:

«А – ‘Все замыслы свершишь успешно’, – молвит бог.
В – Немного выжди – время не пришло твое.
Г – Земля воздаст тебе отборный плод за труд.
Δ – Чурайся страшных дел, чтоб вред не претерпеть.
Ε – Посев законных браков жаждешь ты собрать»⁷.

Алфавитный оракул из святилища Эвримедонта и Кибелы, расположенного на землях писидийского города Тимбриады [6: 268–269], побуждал вопрошавшего приступить к воплощению своих планов, например, такими изречениями:

«Ε – Гекате веря, с большей смелостью иди.
Ζ – Взыскуешь тайное, прольет же Тюхе свет.
Ν – Из непроглядной полночи возникнет свет.
Χ – Нежданную ты радость вскоре обретешь».

И, наоборот, этот же оракул удерживал от опрометчивых решений и предупреждал об опасности, например, в следующих изречениях:

«Γ – Как пахарь, ты змею за пазуху кладешь.
Ρ – Течениям навстречу не пытайся плыть.
Τ – Богам коль не угодно, и не спрашивай.
Υ – Для подозренья повод есть, но страх уйми»⁸.

Таким образом, малоазийские астрагальные оракулы демонстрируют нам развитие, пусть бытовое и упрощенное, традиционного для предшествующих веков греческой истории принципа представления будущего в пророческой речи. Индивидуальное будущее отдельного человека трансформируется в них в обобщенно-индиви-

дуальное будущее, то есть будущее, которое благодаря обобщающему, недетализированному преподнесению может принадлежать по отдельности многим разным людям. При этом подачу этого будущего вполне можно было бы назвать нарративно-императивной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы попытались обобщить те представления древних эллинов о будущем, которые нашли отражение в их мантическом искусстве. Это искусство эллины называли ἡ μαντική τέχνη, под-

черкивая тем самым его принадлежность к семье многочисленных ремесел, каждое из которых занимало свое определенное место в жизни античного общества. Будущее фактически было для прорицателя тем же, что и глина для гончара или доски для корабеля, то есть было основным материалом его ремесла, и поэтому именно изучение законов мантики позволило сформулировать изложенные выше тезисы. И все же привлечение к рассмотрению других сторон эллинской жизни могло бы, вероятно, эти выводы как дополнить, так и скорректировать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эта книга в силу ее значимости была переведена на русский язык: Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе / Пер. Л. Б. Сумм. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 592 с.
- ² Все приводимые в статье переводы с древнегреческого языка – как прозаические, так и поэтические – выполнены автором статьи.
- ³ Боги тоже владели знанием о будущем не в равной мере: то, что знали одни, было под запретом для других. Вспомним, как в гомеровском гимне к Гермесу Аполлон, отказывая Гермесу открыть ему предопределенные судьбы, говорит: «А пророческое знание, которое ты, милый питомец Зевеса, просишь, не суждено познать ни тебе, ни кому-либо другому из бессмертных, ибо это ведает лишь разум Зевса. Я же, поручившись, кивнул головою и поклялся нерушимой клятвой, что, кроме меня, никто другой из вечноживущих богов не узнает обдуманного решения Зевса. И ты, брат мой с золотым жезлом, не проси, чтобы я открыл тебе судьбы, сколь многие замышляет широкогремящий Зевс» (533–540). Однако эта тема сейчас в наше рассмотрение не входит.
- ⁴ О взаимосвязи задаваемого оракулу вопроса и получаемого ответа см.: Приходько Е. В. Оракулы в раннеклассической греческой литературе // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 191–197.
- ⁵ Подробно см.: Приходько Е. В. «Приветствуй дар, посылаемый богом!», или о неписанных законах дельфийского благочестия // СТЕΦΑΝΟΣ: Сборник научных трудов. М.: РохНОУ, 2005. С. 345–359.
- ⁶ Полный текст и поэтический перевод этой надписи можно найти в работе: Приходько Е. В. Оракул по пяти астрагалам из города Адады в Писидии // Труды кафедры древних языков. Вып. IV / Отв. ред. А. В. Подосинов // Труды исторического факультета МГУ. Вып. 83. Серия III. Instrumenta studiorum: 27. М.: Индрик, 2016. С. 72–166.
- ⁷ Полный текст и поэтический перевод этой надписи опубликован на стр. 259–261 в работе: Приходько Е. В. Скальное святилище с алфавитным оракулом на земле Кибире // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. XII. 2015. С. 218–279.
- ⁸ Изречения алфавитного оракула из святилища Эвримедонта и Кибелы на русском языке публикуются впервые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приходько Е. В. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 592 с.
2. Corsten Th. Ein neues Buchstabenorakel aus Kibyra // Epigraphica Anatolica. 28. 1997. S. 41–49.
3. Curnow T. The oracles of the ancient world: A comprehensive guide. London: Duckworth, 2004. 180 p.
4. Fontenrose J. The Delphic oracle: Its responses and operations with a catalogue of responses. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1978. 476 p.
5. İplikçioğlu B. Die Inschriften von Korydalla / Tituli Asiae Minoris. Vol. II². Tituli Lyciae linguis Graeca et Latina conscripti. Fasc. I. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2021. 113 S.
6. Nollé J. Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München: Verlag C. H. Beck, 2007. 331 S.
7. Onians R. B. The origin of European thought about the body, the mind, the soul, the world, time, and fate. New interpretations of Greek, Roman and kindred evidence also of some basic Jewish and Christian beliefs. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1954. 602 p.
8. Parke H. W. The oracles of Apollo in Asia Minor. London; Sydney; Dover, New Hampshire: Croom Helm, 1985. 272 p.
9. Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic oracle. Vols. I–II. Oxford: Blackwell, 1956. 436, 271 p.
10. Talloen P. Cult in Pisidia. Religious practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the rise of Christianity. (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology 10). Turnhout: Brepols Publishers, 2015. 412 p.

Поступила в редакцию 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023

Original article

Elena V. Prikhodko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
aristonica@list.ru

ANCIENT GREEKS' PERCEPTIONS OF THE FUTURE IN THE MIRROR OF DIVINATION

Abstract. The purposes of the article are to identify and summarize the ancient Greeks' perceptions of the future, drawing on the results of the author's long-term study of the literary and epigraphic sources on ancient Greek divination. This research includes a general interpretation of the meaning of the events described in the literature which were related to the situation of consulting an oracle, a study of the principle of oracle contexts formation, and the lexical-semantic analysis of the terms used for divination. Based on the sources of the archaic and classical period, the author formulates three main theses reflecting the fundamental principles according to which the ancient Greeks assessed the future and built their relations with it: two types of the future (with one being concrete, one's own and close, and another being indefinite, alien and distant); an unwritten prohibition to ask oracles about the future; and the inability to change the future presented in the response given as advice. Then the author expands the time frame and formulates the fourth thesis that reflects the development of these concepts during the period of the Roman Empire in Asia Minor dice oracles and alphabetical oracles: the description of future events was combined with advice expressed in the form of an order forming a non-individualized presentation of the future in a narrative-imperative form. Each thesis is formulated as a conclusion accompanied by brief illustrative material.

Key words: perceptions of the future, mantic terms, Delphic oracle, chresmologoi, question to an oracle, response of an oracle, dice oracle of Asia Minor, alphabetical oracle

For citation: Prikhodko, E. V. Ancient Greeks' perceptions of the future in the mirror of divination. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):19–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.883

REFERENCES

1. Prikhodko, E. V. Twofold treasure. The art of divination in ancient Greece: mantic in terms. Moscow, 1999. 592 p. (In Russ.)
2. Corsten, Th. Ein neues Buchstabenorakel aus Kibyra. *Epigraphica Anatolica*. 1997;28:41–49.
3. Curnow, T. The oracles of the ancient world: A comprehensive guide. London, 2004. 180 p.
4. Fontenrose, J. The Delphic oracle: Its responses and operations with a catalogue of responses. Berkeley; Los Angeles; London, 1978. 476 p.
5. İplikçioğlu, B. Die Inschriften von Korydalla. *Tituli Asiae Minoris*. Vol. II². Tituli Lyciae linguis Graeca et Latina conscripti. Fasc. I. Wien, 2021. 113 S.
6. Nollé, J. Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München, 2007. 331 S.
7. Onians, R. B. The origin of European thought about the body, the mind, the soul, the world, time, and fate. New interpretations of Greek, Roman and kindred evidence also of some basic Jewish and Christian beliefs. 2nd ed. Cambridge, 1954. 602 p.
8. Parke, H. W. The oracles of Apollo in Asia Minor. London; Sydney; Dover, New Hampshire, 1985. 272 p.
9. Parke, H. W., Wormell, D. E. W. The Delphic oracle. Vols. I–II. Oxford, 1956. 436, 271 p.
10. Talloen, P. Cult in Pisidia. Religious practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the rise of Christianity. (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology 10). Turnhout, 2015. 412 p.

Received: 15 December 2022; accepted: 16 January 2023

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ЯКОВЛЕВ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории перспективных
проектов в образовании

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5364-3614; nii.region@mail.ru

ПЕТР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПЕРЛИН

старший научный сотрудник научно-исследовательской
лаборатории перспективных проектов в образовании

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3693-991X; nii.region@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД ЗАПИСОК Д. БЕЛЛА О ПОЕЗДКЕ В КИТАЙ В 1719–1721 ГОДАХ

А н н о т а ц и я . В конце XVII – начале XVIII века начался новый этап взаимоотношений России и Китая, стали закладываться основы будущего экономического и политического взаимодействия. Важным источником информации о партнере для обеих сторон стали как торговые караваны, так и официальные посольства. Образ экзотической страны в то время во многом формировался у русских благодаря отчетам путешественников, побывавших в Китае – стране, в значительной степени закрытой для иностранцев. Одно из таких посольств, возглавляемое Л. В. Измайловым, по распоряжению Петра I посетило Китай в 1719–1721 годах. В составе посольства был шотландский врач Джон Белл, который оставил подробные записки об этой поездке. Они стали источником ценных сведений не только о природе, культуре и обычаях народов, населявших обширные земли к востоку от Волги и далее до Байкала, но и о культуре и экономике Китая. Статья посвящена комментированному переводу этих записок (единственное очень небрежное их издание, причем в переводе с французского языка, вышло в свет 250 лет назад). Целью работы является обоснование необходимости научного перевода с подробными историческими, лингвистическими и страноведческими комментариями, что позволит раскрыть и ввести в научный оборот все богатство заложенной в записках информации. Впервые публикуется полный перевод одной из глав книги Белла, посвященной описанию приема русского посольства при императорском дворе. Публикация сопровождается подробными комментариями.

Ключевые слова: Китай, Джон Белл, путешествия, русские посольства в Китай, Л. В. Измайлов, травелог, династия Цин

Для цитирования: Яковлев В. В., Перлин П. В. Современный перевод записок Д. Белла о поездке в Китай в 1719–1721 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 27–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.884

ВВЕДЕНИЕ

Важным источником сведений о жизни России XVIII века являются многочисленные описания, сделанные иностранцами, получившими при Петре I возможность жить и работать в России. Один из таких интересных и важных источников принадлежит перу шотландского врача и дипломата Джона Белла, это «Путешествие из российского Петербурга в различные азиатские земли»¹.

Д. Белл родился в Шотландии в 1691 году, получил медицинское образование в университете города Глазго, который окончил в 1713 году

и практически сразу по рекомендации своего соотечественника лейб-медика Петра I Роберта Карловича Арескина (Эрскина) поступил на русскую службу. В качестве врача, а впоследствии и сотрудника коллегии иностранных дел он принял участие в трех посольствах: в Персию (1715–1718), Китай (1719–1721), Османскую империю (1737–1738), а также участвовал в Персидском походе (1722–1723). Не позже 1746 года он вернулся в Шотландию, где оформил записки о поездках в составе посольств в виде книги, которая была издана в 1763 году².

Особый интерес в его сочинении представляется описание посольства в Китайскую империю, которое возглавил чрезвычайный посланник капитан Преображенского полка Лев Васильевич Измайлов (1685–1738). Посольство было отправлено для решения вопросов, связанных в первую очередь с торговыми отношениями между Россией и Китаем [11]. Записки об этой поездке оставил еще один иностранец, присутствовавший в составе посольства Измайлова, Георг Иоганн Унферцагт³. Кроме текста самого Белла, отредактированного профессором Барроном, во второй том книги вошел также дневник⁴ шведского инженера на русской службе Лоренца (Лаврентия) Ланга, который был секретарем посольства [9], а впоследствии – российским консулом (агентом) в Пекине и иркутским вице-губернатором.

Рассказ о путешествии и пребывании в Китае привлекал внимание исследователей в основном при изучении частных вопросов⁵. Белла цитирует в своих «Дорожных заметках на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг.» архимандрит Палладий (Кафаров)⁶, А. М. Позднеев в работе 1880 года⁷ при рассказе о кочевом образе жизни азиатских народов ссылается на издание книги, вышедшее в Париже⁸. Отечественные исследователи и в наши дни пишут о важности труда Белла:

«На наш взгляд, в исследовании территорий Российской империи и описании народов Сибири и Азии работа Дж. Белла имеет большое значение и оказывает влияние на последующее поколение путешественников конца XVIII–XIX в.в.» [7].

О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОГО НАУЧНОГО КОММЕНТИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА СОЧИНЕНИЯ Д. БЕЛЛА

Следует отметить, что полноценное использование отечественными исследователями этого важного исторического документа в своих работах затрудняет отсутствие современного научного перевода с комментариями. Единственная попытка полного перевода сочинения Белла была осуществлена два с половиной века назад М. Поповым⁹, причем не с оригинала, а с его французского перевода, сделанного Марком Антуаном Эду¹⁰. Этот перевод в переработанном виде без указания имени редактора был частично опубликован в сборнике «Русско-китайские отношения в XVIII веке» [10]. Разумеется, этот архаичный и не слишком точный перевод не соответствует требованиям, предъявляемым современной наукой к изданию документов, не говоря о том, что и перевод самого Эду уже современники считали «крайне небрежным».

Сложность представляет и отсутствие каких-либо комментариев и даже пояснений, по-

зволивших бы читателю соотнести содержание книги Белла с современными знаниями о Китае. А они необходимы, поскольку и сам автор, как правило, не дает подробных пояснений в отношении тех или иных реалий и явлений, свидетелем которых он был. Не лучше обстоит дело и с комментированием книги на западных языках. Например, в рецензии на переизданный в 1965 году в США (в сокращенном виде, под редакцией и с введением Джона Стивенсона) текст Белла [18] профессор Хьюстонского университета Рональд Дрю отмечает:

«К сожалению, введение к данному новому изданию и разрозненные примечания, предназначенные для информирования читателя, оставляют желать лучшего. <...> Примечания дают основания полагать, что сфера компетенции г-на Стивенсона – скорее Китай, нежели Россия, но даже это вряд ли может оправдать примечание на странице 49, которое никак не отвечает на вопрос, к которому оно привлекает внимание читателя, и заканчивается замечанием, не относящимся к делу; примечания в такого рода работах должны бы просвещать, а не сбивать с толку...» [20: 929–930].

Более того, даже в публикации китайского перевода книги Белла под редакцией Чжан Чаншаня и Гэн Шэна, осуществленного совсем недавно, в 2018 году, в Юньнани [23], полностью отсутствует комментарий к именам и терминам, которые знакомы явно не всем современным китайским читателям, зачастую отсутствует идентификация приводимых Беллом имен, названий официальных должностей и т. п. Поэтому представляется необходимым провести работу над новым переводом записок Белла на русский язык с английского и дополнить его историческим и языковедческим комментарием. Сам по себе перевод с английского оригинала особой сложности не представляет, язык автора довольно сух. Важной и гораздо более трудоемкой задачей является необходимость давать пояснения при переводе инокультурных реалий. Для характеристики специфики перевода и тех особенностей, с которыми приходилось сталкиваться, следует привести несколько примеров. В начале главы IX второго тома в оригинале у Белла читаем:

«The day following, the ambassador had a visit from the president of the council for western affairs, called Assehinoma, accompanied by four missionaries, two of which were messieurs Paranim and Fridelli»¹¹.

Русский перевод Попова:

«На завтра посетил Посланника Председатель Совета Западных Дел. Именовался он “Асхинома”, и был последован четырьмя Веропроповедниками, из коих двое были отец Параним и отец Фриделий»¹².

Китайский перевод:

«第二天, 使臣会见理藩院侍郎, 一个被称作阿斯齐昂玛 (Asschinoma) 的官员。他由四名传教士陪同, 其中两位是巴多明 (Paranim) 神父和弗隐 (Fridelli) 神父» [23: 73].

Подстрочник:

«На следующий день посланник встретился с товарищем министра из [ведомства] Лифаньюань, чиновником, называвшимся “асыцианма”. Его сопровождали четыре миссионера, двое из которых были отец Параним и отец Фриделли».

Здесь у современного читателя затруднение могут вызвать два наименования: учреждения, глава которого прибыл к российскому послу, и титул этого главы. Обратим внимание на перевод «council for western affairs». Действительно, в имперском Китае существовало ведомство под названием «Лифаньюань» (кит. упр. 理藩院, «Палата по делам инородцев»), занимавшееся зависимыми монгольскими территориями и надзиравшее за назначением амбаней во Внешнюю и Западную Монголию, Кукунор и Тибет. Кроме того, данное ведомство курировало отношения с Россией, что подтверждало статус России в глазах Цинской империи как государства, не платящего вассальную дань. Отношениями с другими европейскими странами-«данниками» занимались в других ведомствах: Министерство Двора (кит. упр. 内务府) ведало делами не только Двора, но всем, что было связано с европейскими миссионерами и религиозными миссиями в Китае, взимало особые налоги на внешнюю торговлю; Министерство церемоний (кит. упр. 礼部) регулировало отношения с иностранными данниками, в список которых входили Голландия и Португалия. Заметим, что в английских текстах название данного ведомства обычно переводилось как the Board for National Minority Affairs, Court of Territorial Affairs, Board for the Administration of Outlying Regions, Office for Relations with Principalities, Office of Barbarian Control, Office of Mongolian and Tibetan Affairs and Court of Colonial Affairs. То есть выбранный Беллом вариант Council for Western Affairs нельзя назвать распространенным. Интерпретация этих трех китайских иероглифов весьма широка, в описательном переводе могут быть использованы разные непохожие друг на друга слова. При этом все переводы в общем верные. Такая вариативность при переводах сложных реалий случается, и допустимо, чтобы каждый автор переводил по-своему, главное, чтобы сохранялся основной смысл. В целом перевод «Лифаньюань» как Council for Western Affairs непротиворечив и вполне передает смысл. Возглавляли Палату министр (кит. упр. 尚书, «шаншу»), а также правый и левый «товарищи министра» (кит. упр. 左右侍郎, «цзо ю шилан»).

Вероятно, китайские переводчики посчитали, что высший глава ведомства не стал бы снисходить до визита к послу и отправил одного из своих заместителей-«шиланов». В пользу этой версии говорит и то, что этого же персонажа другой член свиты русского посла, Ланг, называет «vice president».

Что касается наименования «Ассаехинома», то версия известного алтаиста и уралиста широкого профиля Дениса Шинора [21] не представляется надежной. И А. О. Ивановский (по свидетельству Пенти Альто [17]), и Н. Ф. Катанов, написавший комментарии к описанию Китая, принадлежавшего перу Н. Спафария (1675–1678)¹³, указывают, что Asxanuyama или Asxan i amban – это «член совета министров» (кит. 右侍郎). Действительно, с точки зрения фонолингвистики asschinoma – это очевидное упрощение произношения ashan-i amban, которое означает «советник, член совета министерства, как сидящий сбоку председателя»¹⁴. Два слова слились в одно, три фонемы сократились. Можно еще добавить, что в маньчжурском языке, как в русском и многих других языках, фонетические изменения в потоке речи, как правило, случаются именно в конце слова. Подобное упрощение – нормальное явление в любых языках, оно происходит как ежедневно в потоке речи, так и при межъязыковых заимствованиях¹⁵.

Более простой пример, также связанный с различием в передаче звуков чужого языка:

«On the 28th, the day appointed for the ambassador's public audience of the Emperor, horses were brought to our lodgings for the ambassador and his retinue; the Emperor being then at a country-house, called TZAN-SHU-YANG, about six miles westward from PEKIN»¹⁶.

Русский перевод Попова:

«28 числа, в которое положено было иметь Посланнику публичную Аудиенцию, привели лошадей для него и следующих за ним; потому что Император находился тогда в увеселительном доме, называемом Чань-Шу-Иангъ, лежащем около шести миль в Западе от Пекина»¹⁷.

Китайский перевод дает неверное название загородного дворца – 畅春园 [19: 74] вместо правильного 长春园 (полное написание) / 长春园 («Сад вечной весны»), и никакого комментария. А вот так выглядит текст в предлагаемом переводе на современный русский язык:

«28-го (ноября 1720 г.), в день, назначенный для публичной аудиенции посла у императора, к месту нашего размещения привели лошадей для самого посланника и его сопровождающих. Император в то время находился в загородной резиденции, называемой “Цан Шу Ян”, примерно в шести милях к западу от Пекина».

В примечании дается краткая справка по истории и назначению дворца и транскрипция его

названия в соответствии с принятой системой Палладия – Чанчунь Юань.

Один из самых запоминающихся эпизодов пребывания русского посла в Китае, описанный Беллом, – обряд «коутоу», проходивший именно в этом дворце. В переводе этого описания есть два требующих пояснений момента – лингвистический, связанный с командами, звучавшими во время церемонии, и смысловой, относящийся к смыслу самого ритуала.

Белл так описывает кульминацию этой аудиенции:

«...we imagined, the letter being delivered, all was over. But the master of the ceremonies brought back the ambassador; and then ordered all the company to kneel, and make obeisance nine times to the Emperor.

At every third time we stood up, and kneeled again.

Great pains were taken to avoid this piece of homage, but without success. The master of the ceremonies stood by, and delivered his orders in the tartar language, by pronouncing the words *morgu* and *boss*; the first meaning to bow, and the other to stand; two words which I cannot soon forget»¹⁸.

В переводе Попова читаем:

«...мы думали, что уже все кончилось. Но Церемониймейстер, отведши прочь Посланника, велел всему собранию встать на колени, и девять раз кланяться Богдыхану. Мы хотели быть уволены от сего рода раболепия, но должны были наконец оному подвергнуться. Церемониймейстер сам стоял, и делал свои приказы на Маньчжурском языке, произнося сии слова, Моргу и Босс, из коих первое значит Преклонитесь, а второе, Встаньте; и сии два слова не скоро я позабуду»¹⁹.

Здесь русский переводчик проявил большую осведомленность в китайских реалиях, чем сам автор заметок, и назвал язык, на котором распорядитель отдавал команды, «маньчжурским» (хотя и ошибочно, как это будет показано в дальнейшем). Однако он несколько слукавил, пощадив гордость соотечественников. Из слов «отведши прочь Посланника» читатель может заключить, что сам посол в церемонии троекратного поклонения участия не принимал. Однако это, безусловно, было не так. Распорядитель вывел посла из «тронного зала» во двор, где ждали члены свиты, и они вместе совершили коутоу (кит. 叩头/磕头). Этот обряд имеет и другое название, из которого понятна сама процедура: саньгуй цзюкоу (кит. 三跪九叩) – «трижды преклонить колени и девять раз поклониться». В соответствии с принципом «во всей поднебесной нет земли, которая бы не принадлежала вану, во всей земле нет никого, кто бы не был подданным вана» (кит. 普天之下莫非王土, 率土之滨莫非王臣) цинский император, считавший себя властителем мира, при контактах с другими странами, будь то «вассальное государство»

(фаньго 藩国) или «союзная держава» (юйго 与国, то есть страна, с которой взаимодействовали на равных), требовал от посланников трижды преклонить колени и девять раз поклониться. Российский посланник не стал исключением, несмотря на долгие переговоры касательно этого пункта процедуры представления императору. В случае отказа доступ российской дипломатии к пекинскому двору был закрыт.

Китайский перевод не дает транскрипции слов-команд, которые отдавал распорядитель во время церемонии, и тоже называет их «маньчжурскими»:

Итого: «...仪式的这一部分时间不算太长, 仪式期间, 其余人都站立于殿外, 我们以为 国书都交接了仪式也就该结束了, 可是礼仪官带回了使臣, 然后命大家跪下, 朝博格达汗磕九个头, 每磕三个就站立起来, 然后再跪下再磕三个. 为了避免行此礼, 我们先前已做了许多努力, 可是都没有成功. 礼仪官站着, 用满语发布命令, 第一个词意思是俯首磕头, 第二个词意思是起立, 给我留下了深刻的印象. [23: 75]

«...Распорядитель церемониала стоя отдавал приказы на маньчжурском языке, первое слово означало “смирно склонив голову, кланяться в землю”, второе “подняться”, что оставило у нас неизгладимое впечатление».)

Предлагаемый в настоящей работе перевод этого отрывка и комментарий выглядят так:

«...мы полагали, что, поскольку грамоты переданы, аудиенции конец, но распорядитель вывел посла наружу и приказал всем присутствующим встать на колени и совершить девятикратное поклонение императору. После каждого третьего поклона мы поднимались и затем вновь вставали на колени. Много усилий было ранее приложено к тому, чтобы избежать такого выражения почтения, но все они оказались безуспешными. Распорядитель церемонии стоял рядом и отдавал указания на татарском языке, произнося слова “моргу” и “бошс”; первое значило кланяться, а второе – подняться. Два эти слова я забуду не скоро».

Следуя оригиналу, в переводе используется «татарский» в качестве определения языка, но в примечании указывается, что язык был монгольский. Белл и в нескольких других случаях называет незнакомый ему язык «татарским». Династия Цин была маньчжурской, и именно этот язык часто использовался в качестве официального. Однако попытки найти эти слова в нужных значениях в корпусе маньчжурского языка безуспешны. Необходимо отметить очень хорошее словарное обеспечение маньчжурского языка. Название словаря И. И. Захарова – «Полный маньчжурско-русский словарь» верно отражает его полноту. Если какое-то слово в нем не зафиксировано, это позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что в официальном (бюрократическом, дворцовом и т. п.) маньчжурском языке этого слова нет.

Помогло обращение к уникальному словарю целой языковой семьи Цинциуса [14]: здесь находится первое слово – *мургу* [14; Т. 1: 558]. Оно описано как присутствующее только в эвенкийском и солонском, но его нет ни в одном другом тунгусо-маньчжурском языке. Это означает, что слово заимствованное. И тут же указан источник заимствования – монгольское *mörgü*.

Монгольские словари²⁰ подтверждают присутствие первого слова – *мөргөх*, а также второе слово – *босох*²¹. Повелительное наклонение в монгольском (как и в маньчжурском) языке образуется с помощью основы глагола, то есть *мөргөх* > *мөргө*, *босох* > *босо*.

Это, к слову, не особо вежливый краткий императив: «кланяйся», «вставай». Итак, можно с уверенностью утверждать, что на церемонии звучали команды, отданные по-монгольски. К тому же

сам Белл пишет, что распорядитель по рождению происходит из варваров-«монгалов»²².

ВЫВОДЫ

Приведенные примеры (их перечень можно продолжить) показывают, насколько важным и необходимым является осуществление полного научного комментированного издания записок Д. Белла и какая большая работа зачастую бывает необходима для того, чтобы непонятное слово в исходном тексте раскрылось в комментарии и обогатило понимание описываемого эпизода. Это масштабная задача, требующая много времени и усилий. В данной публикации приводится полный перевод с комментариями одной из самых интересных глав книги, посвященной рассказу о приеме русского посольства при императорском дворе в Пекине.

ДЖОН БЕЛЛ «ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ РОССИЙСКОГО ПЕТЕРБУРГА В РАЗЛИЧНЫЕ АЗИАТСКИЕ ЗЕМЛИ»

(перевод П. В. Перлина)

Глава IX (1720 г.)

События в Пекине, аудиенция посла и пр.

19-го [ноября 1720 г.] премьер-министр²³ в сопровождении церемониймейстера и пяти иезуитов прибыли поприветствовать посла. Как только они вошли в ворота, двое из сопровождавших прошли вперед них на некоторое расстояние, издавая гудение – обычный знак того, что приближается некое значительное лицо. *Алой*²⁴ желал, чтобы посол передал ему верительные грамоты, на что не получил легкого согласия до тех пор, пока министры не стали на том чрезвычайно настаивать. Они утверждали, что император никогда не принимает посланий от своих лучших друзей, среди которых и Его Царское Величество [Петр], не узнав предварительно содержания. Наконец была представлена копия на латинском языке с русского оригинала. Церемониймейстер и миссионеры, переведя ее на китайский, удалились. Но *алеггада*²⁵ оставался еще три часа, ведя беседу на различные темы. Этот министр, похоже, был заядлым спортсменом. Он изъявил желание посмотреть на собак посла – нескольких борзых и французских гончих, пожелал получить в подарок одну из тех, что ему особенно понравились, и принял пару борзых.

Между тем император прислал справиться о здоровье посла одного чиновника, прибывшего в сопровождении большого стола, покрытого желтой скатертью, который несли четыре человека. На него поставили разнообразные фрукты и сладости, а посередине – большой кусок отменной баранины. Чиновник сообщил послу, что это блюда со стола самого императора, и он надеется, что тот их отведаст. Это было сочтено особым знаком расположения императора.

На следующий день послу нанес визит глава *Совета по делам Запада*²⁶, которого называли *ассехинома*²⁷, в сопровождении четырех миссионеров, двое из них были господа Параним²⁸ и Фриделли²⁹. Разговор пошел в основном о церемониале представления посла императору, и этот вопрос уладить было нелегко. Основные пункты, на которых настаивал посол, состояли в том, что он должен передать свои верительные бумаги непосредственно в руки императора и должен быть освобожден от девяти поклонов при входе к монарху (этому обычаю подчиняются все предстающие перед императором). Глава же Совета, напротив, утверждал, что в Китае на протяжении многих веков практиковался обычай, прямо противоположный этим требованиям. Император никогда не принимает верительные грамоты собственноручно, обычай требует, чтобы посол положил их на стол на некотором расстоянии от трона или туда, куда укажет император, после чего их передаст владыке специально назначенный чиновник.

В то же время президент пригласил посла на банкет, который состоится в городском дворце, где, как он сказал, император будет присутствовать и поговорит с ним. Его превосходительство отвечал,

что примет приглашение при условии, что при этой okazji сможет передать письмо пославшего его царя. Ему было сказано, что для этого место и время неподходящие, но что император собирается дать ему вскорости публичную аудиенцию, где и примет официально верительные грамоты.

Посол был озабочен тем, что, поскольку у императора уже были копии его верительных грамот, официальная аудиенция может быть отложена, и поэтому отклонил приглашение. Однако впоследствии оказалось, что эти подозрения были безосновательны и что император хотел лишь оказать послу честь.

21-го числа *алеггада* нанес второй визит. Его слуги внесли уже заваренный чай, несколько сосудов с водкой, фрукты и сладости. С того дня не происходило ничего существенного, кроме ежедневных посланий двора, связанных с церемониалом, до 27-го числа, когда наконец дело было улажено на следующих условиях: «...посол подчинится установленному обычаю китайского двора, и когда император пошлет посла в Россию, у него будут инструкции подчиняться во всех отношениях церемониям, установленным при том дворе». Это дело доставило пекинскому министерству немало хлопот, и я должен признать, что миссионеры приложили немалые усилия к тому, чтобы смягчить обе стороны. 28-го [ноября], в день, назначенный для публичной аудиенции посла у императора, к месту нашего размещения привели лошадей для самого посланника и его сопровождающих. Император в то время находился в загородной резиденции, называемой Цан Шу Ян³⁰, примерно в шести милях к западу от Пекина.

Мы сели на лошадей в восемь часов утра и примерно в десять прибыли ко двору; здесь мы спешились у ворот, охранявшихся внушительным отрядом солдат. Их командир проводил нас в большое помещение, где мы выпили чаю и оставались около получаса, пока император готовился к встрече. Затем мы вышли на просторный двор, окруженный высокой кирпичной стеной и в несколько рядов обсаженный деревьями со стволами в двадцать сантиметров, которые я принял за лаймы. Дорожки двора были посыпаны мелкой галькой, а большой проезд упирался в зал для аудиенций, за которым располагались покои императора. По обе стороны от этой аллеи располагались изящные клумбы и каналы. Подойдя ближе, мы увидели всех министров и офицеров двора, сидящих скрестив ноги на четырех просторных диванах перед залом на открытом воздухе. Среди них было отведено место для посла и его свиты, и в этом положении мы пребывали на морозце, пока император не вошел в зал. Все это время в зале находилось только два или три служителя, и ни один звук не нарушал тишину. Ко входу вели семь мраморных ступеней во всю ширину фасада. Пол был искусно выложен черными и белыми мраморными квадратами. Проем входа открыт на южную сторону, крышу поддерживал ряд изящных деревянных восьмиугольных колонн, отменно отполированных. Они были спереди завешены большим полотном, как бы для защиты от солнца или непогоды.

После того как мы прождали около четверти часа, император вошел в зал через задние двери и сел на трон, все присутствующие встали. Затем распорядитель церемонии попросил посла, стоявшего на некотором расстоянии от остальных, войти в зал, при этом придерживая его одной рукой и держа в другой верительные грамоты. Посол положил эти грамоты на стол, поставленный для этой цели, как было оговорено заранее. Однако император поманил посла, призывая его подойти. Тотчас же посол взял грамоты, в сопровождении *алоя* подошел к трону и, преклонив колена, положил их перед императором. Тот коснулся их рукой и осведомился о здоровье Его Царского Величества. Потом он сказал послу, что испытывает такую любовь и дружбу к Его Величеству, что даже пренебрег устоявшимися обычаями при приеме этого послания.

Во время этой части церемонии, которая была довольно непродолжительной, сопровождающие по-прежнему стояли за пределами зала, и мы полагали, что, поскольку грамоты переданы, аудиенция закончена, но распорядитель вывел посла наружу и приказал всем присутствующим встать на колени и совершить девятикратное поклонение императору. После каждого третьего поклона мы поднимались и затем вновь вставали на колени. Много усилий было приложено к тому, чтобы избежать такого выражения почтения, но все они оказались безуспешными. Распорядитель церемонии стоял рядом и отдавал указания на татарском³¹ языке, произнося слова «*моргу*» и «*боис*»; первое значило «кланяться», а второе – «подняться»³². Два эти слова я забуду не скоро.

После этой формальности распорядитель церемонии провел посла и еще шестерых джентльменов из свиты с одним из переводчиков в зал. Наши клерки, младшие офицеры и слуги остались снаружи вместе со множеством придворных и высшими служителями. Нас посадили на отдельные подушки, расположенные в ряд на полу, справа от трона на расстоянии примерно шести ярдов. Позади нас сидели три миссионера, одетые в китайское платье. Они постоянно находились при дворе. В этом случае они по очереди выполняли роль переводчиков.

Вскоре после того, как мы уселись, император подозвал посла, взял его за руку и очень запросто говорил с ним о разных предметах. Среди прочего он сказал, что ему сообщили, будто Его Царское Величество подвергал себя множеству опасностей, в особенности водных, чему он, император, был очень удивлен. Он хотел бы, чтобы [Петр] прислушался к совету старого человека и не рисковал жизнью, отдавая себя на волю яростным ветрам и водам, против которых бессильна любая отвага. Мы находились достаточно близко и смогли услышать этот дружеский и здравый совет.

По окончании этой беседы император собственноручно подал послу золотой кубок, наполненный теплым *тарассуном*³³, сладким ферментированным вином, приготовленным из различных злаков, чистым и крепким, как канарское вино, с неприятным запахом, но отнюдь не противное на вкус. Этой чашей обнесли присутствующих, и все мы пили за здоровье императора, который заметил, что вино согреет нас этим прохладным утром. Император также обратил внимание на наши одежды, не соответствующие холодному климату, и я должен признаться, что мысленно согласился с ним.

С левой стороны трона сидели пять принцев, сыновей императора, вместе с министрами и сановниками двора. *Тарассун*, однако, предложили только нам и иезуитам, сидевшим позади. Затем в зал вошли восемь или десять внуков императора. Они были очень красивы и одеты совсем просто, без знаков особого отличия, кроме драконов с пятью когтями, вышитых на верхней одежде, и желтых сатиновых накидок с таким же узором, а также маленьких шапочек с опушкой из собольего меха. За ними вошли музыканты с инструментами. К этому времени в зале стало довольнолюдно, но, что удивительно, не было ни шума, ни суеты, ни спешки. Каждый в точности знал, что делать, а толстые подошвы китайской обуви, сделанные из бумажной ткани, не издают шума при ходьбе. Благодаря этому все проходило чрезвычайно чинно, но в то же время отменно быстро.

Говоря коротко, отличительные черты пекинского двора – скорее порядок и достоинство, нежели помпезность и пышность.

Император сидел на престоле скрестив ноги. На нем было короткое просторное одеяние из соболя мехом наружу, отороченное мерлушкой; под ним была надета длинная рубаша из желтого шелка, вышитая фигурами золотых драконов с пятью когтями – этот узор не допускается носить никому за исключением членов императорской семьи. На голове у него была маленькая круглая шапочка, отороченная черным лисьим мехом, увенчанная большой прекрасной жемчужиной в форме груши, которая вместе с кисточкой из алого шелка, прикрепленной под жемчужиной, была единственным украшением, которое я смог увидеть на этом могучем монархе. Трон тоже был очень простым, сделанным из дерева, но очень искусно исполненным. Он был поднят на пять невысоких ступеней над полом и открыт спереди, но по обе стороны его прикрывали от ветра две лаковые ширмы.

Распорядитель церемонии и несколько придворных были наряжены в официальное платье из золотой и серебряной парчи с устрашающими драконами, вытканными на спине и груди. Большинство министров были одеты очень скромно и не имели на себе никаких украшений, только у нескольких были крупные рубины, сапфиры и изумруды. Эти драгоценные камни огранены в форме груши, и в них просверлены отверстия для прикрепления на самом верху шляпы. Эти отверстия снизили бы стоимость драгоценностей на европейском рынке по крайней мере наполовину. Я, однако, видел как-то в Пекине, как один такой рубин с отверстием продали за совсем небольшую цену, а в Европе его оценили в десять тысяч фунтов стерлингов. Но такие удачные сделки – редкость, это касается первоклассных камней редкого размера и чистоты. Что же касается алмазов, китайцы, по-видимому, не слишком ценят их, поскольку в Китае их очень мало и они обычно огранены очень грубо, как, впрочем, и остальные драгоценные камни.

Было около полудня, и нам начали подавать угощение (о котором я также дам отчет). Вначале внесли небольшие аккуратные столики, уставленные разнообразными фруктами и сладостями, и расставили их перед всеми присутствующими. Похоже, что в этой стране существует обычай вначале подавать десерт; по крайней мере, так было во время всех угощений, где мне случалось присутствовать. В этом, как и во многом другом, проявляется полная противоположность поведения китайцев европейским обычаям. Вскоре после фруктов подали еду, таким же манером поставив блюда на маленькие столы перед гостями. Это была дичь, баранина и свинина, очень хорошего качества, все либо вареное, либо тушенное с солеными овощами, жареных блюд не было. Император отослал несколько блюд со своего стола послу, в том числе вареных фазанов, которые были весьма хороши на вкус.

Музыка играла во все продолжение обеда. Основными инструментами были флейты, арфы³⁴ и лютни³⁵, настроенные на китайский вкус. Было представлено и вокальное музицирование, в частности, один старый татарин спел воинственную песню, отбивая ритм двумя костяными палочками по колокольчикам, висевшим перед ним³⁶. Один молодой татарин исполнил призыв к войне, танцуя при этом и пристукивая по щиту наконечником стрелы. Затем вошли две маленькие девочки, танцевавшие

под инструментальную музыку. После них выступали акробаты, исполнившие различные трюки во дворе перед залом. За ними появились борцы, фехтовальщики и другие исполнители того же рода. Император часто отправлял к послу служителя, чтобы осведомиться, нравится ли тому музыка, танцы и прочие развлечения. Он также осведомился о нескольких принцах и государствах Европы, о морской и сухопутной силе которых он был наслышан. Но более всего он удивлялся, как Шведское королевство могло так долго противостоять такой великой силе, какую представляла собой Россия. После этой беседы император сообщил русскому посланнику, что вскоре он призовет его вновь, но, ввиду того что вечер был холодным, он не будет его более задерживать в этот раз. После этого он сразу же сошел со своего трона и возвратился в свои апартаменты тем же путем, которым пришел. Мы также сели верхом и вернулись в наши квартиры в городе, довольные обходительным и дружелюбным приемом, оказанным нам императором, так что все наши прошлые трудности были почти забыты.

29-го [ноября] мандарин³⁷ Тулишэнь³⁸ в сопровождении двух чиновников прибыл в наши квартиры и получил список подарков, присланных царем императору. Среди них были богатые меха, большие часы и карманные часы с репетиром, украшенные бриллиантами, зеркала, а также панорама Полтавской битвы, искусно выполненная из слоновой кости собственноручно его Царским Величеством и вставленная в затейливую раму. Посол передал этому мандарину в качестве подарка императору от себя лично несколько ценных вещей, отличную выезженную лошадь, несколько борзых и больших английских гончих³⁹.

Все было тщательно записано в книгу, даже клички и отличия всех собак. На шею каждой из них повязали желтый шелковый шнур, продетый сквозь небольшой кусок дерева, означавший их принадлежность двору. Китайцы вообще очень любят небольших собачек, исполняющих трюки наподобие обезьянок. Один из наших слуг имел такую и продал ее за сто унций серебра.

В тот же день все фрукты и сласти, оставшиеся от угощения на аудиенции, были посланы на квартиру посла. Их помпезно пронесли по улицам, накрыв желтым шелком; процессию возглавлял представитель двора.

На следующий день император прислал нам на квартиры несколько больших блюд массивного золота с рыбой, называемой «*му*»⁴⁰, уже приготовленной, но таким способом, что я не могу сравнить его ни с чем мне известным. Кроме того, было несколько мисок, полных отличной вермишели и пышных булочек, которые готовят на пару, превосходивших своей белизной все, что я видел до тех пор. Все это было прислано со стола Его Величества, что было милостью, оказываемой крайне редко. Похоже, он решил снабжать нас провизией в изобилии, поскольку кроме этого мы получали ежедневное содержание, и отнюдь не скудное.

После ужина распорядитель церемоний, сопровождаемый старшим евнухом и тремя иезуитами, пришел навестить посла. Этот евнух был любимым фаворитом императора благодаря своим познаниям в математике и механике. Он подарил послу небольшие эмалированные часы и духовое ружье, все собственного изготовления. Император сам был большим любителем искусств, и настолько, что всякий добившийся выдающихся успехов в любом полезном деле имел верный шанс получить должное поощрение. Этот евнух сделал послу еще один подарок – огниво, а потом пожелал посмотреть подарки [русского царя], что и было удовлетворено. Уходя, *алой* сказал послу, что император собирался подарить ему китайское платье, которое было более теплым и удобным, чем европейское.

Пятого декабря *мерин-сангуин*⁴¹, старший чиновник и брат пятого государственного министра, нанес послу визит. Несмотря на высокий ранг этого военного, при нем не было меча, поскольку в Пекине никто, даже офицеры и солдаты, кроме как будучи на службе, не носят мечей или другого оружия в пределах города.

На следующий день посол был вторично принят императором в том же дворце. По этому случаю ко двору были представлены подарки [русского] царя, принесенные отряженными для этого людьми. Император осмотрел их все с некоторого расстояния, после чего их передали чиновнику, назначенному его величеством для их приема. Посетителей принимали в отдельном помещении, располагавшемся во внутреннем дворе, где присутствовали только чиновники двора и сопровождавшие посла лица. Прием проходил в том же порядке, что и раньше. Император дружелюбно беседовал с послом на различные темы, в частности, он философски рассуждал о мире и войне. Вечером мы вернулись в город, сопровождаемые холодным северным ветром, несшим облака пыли. Едва мы прибыли, как в наши квартиры, как обычно, были доставлены фрукты и сладости.

Тем вечером навестить посла приехал один из внуков⁴² императора. Это был изящный юноша лет четырнадцати, при нем было не более полудюжины сопровождающих.

На следующий день погода была по-прежнему холодной и даже морозной. Небо было чистым. Но сильный ветер с северо-запада нес клубы пыли. Я заметил, что северо-западные ветра в этих краях самые холодные, поскольку они проносятся над обширными пространствами Сибири, полными снега и льда.

Четвертого числа (4-го декабря. – *Примеч. пер.*) выпал снег глубиной 7–8 дюймов⁴³, его тут же смели в кучи, и улицы снова стали чистыми. В этот день миссионеры прислали послу подарок, состоявший из нескольких видов дичи, битой птицы, а также такого разнообразия фруктов и сладостей, какого я не видел ни в одной стране; кроме того, были присланы пара кувшинов вина, которое они изготовили сами. Среди фруктов попадались такие, которых я никогда не видел, в особенности меня поразили яблоки размером с обычный апельсин с гладкой кожицей желтоватого оттенка, очень мягкие и сладкие, даже приторные, а также плод размером с орех, совершенно круглый, напоминавший вкусом сливу, но гораздо более вкусный⁴⁴; у него была гладкая твердая косточка, и весь он был покрыт тонкой коричневатой скорлупой, настолько хрупкой, что она легко трескалась, стоило ее сдавить большим и указательным пальцами. Некоторые скорлупки были шершавыми, некоторые – гладкими. Они не дают птицам склевать нежный плод, а также защищают от пыли, и, что необычно, сам плод не примыкает к скорлупе, но между ними существует небольшой зазор. Он не только приятен на вкус, но и, как говорят, очень полезен.

Пятого [декабря] посол получил третью аудиенцию у императора во дворце в Пекине. Поскольку должны были обсуждаться некоторые вопросы, связанные с делами двух государств, посла сопровождал лишь секретарь, г-н Ланг⁴⁵. После представления император сообщил им, что отдал приказ Совету по западным делам⁴⁶ выслушать суть его поручений, а сам удалился во внутренние покои, оставив своих министров заниматься делами, которые были вскоре окончены, и посол вернулся на свою квартиру.

Шестого [декабря], в день Св. Николая [Чудотворца], важного праздника для Греческой церкви, посол отправился в пекинскую русскую часовню и присутствовал на службе. Дом этот находится в самом городе, у восточной стены, он был построен на средства нынешнего императора *Камху*⁴⁷ при следующих обстоятельствах.

Примерно в 1688 году между правителями Сибири и китайцами произошли разногласия по поводу небольшого форта, называемого Албазин⁴⁸, который русские построили на берегах реки Амур. Китайцы заявили, что форт построен на их землях, и, завидуя поползновениям таких сильных соседей, несколько раз безуспешно требовали от губернатора Сибири разрушить его. Наконец император, раздраженный проволочками, послал армию в сто тысяч воинов⁴⁹ совершить силой то, что не было достигнуто переговорами. Они заполонили все окрестности того места и установили артиллерию. После яростной обороны гарнизон, состоявший из трех или четырех сотен казаков, был вынужден сдаться из-за недостатка провианта. Никаких условий [они] выставить не могли, и все русские стали пленниками⁵⁰. После чего их отвезли в Пекин, где император щедро наделил их домами вдали от остальных горожан, разрешил им свободно исповедовать свою религию и положил жалованье наравне со своими солдатами. Вследствие такого мягкого обращения они смогли построить эту небольшую часовню, которой и до сих пор владеют⁵¹. Потомки этих пленников, довольно многочисленные, помогают своим соотечественникам в качестве переводчиков. Я ранее упоминал, что эти разногласия были разрешены следующим путем: пленники с обеих сторон не подлежали обмену, а форт Албазин должен был быть разрушен; с того времени две империи продолжили мирные сношения. Обитатели Сибири сожалеют о потере своего форта, поскольку стоял он в местах с прекрасным климатом и обеспечивал защиту обширных территорий к северу от Амура, а кроме того, открывал проход по реке к Японским островам⁵². Это событие, однако, дало возможность учреждения в Китае греческой⁵³ церкви, которая и сейчас процветает, хотя прихожан и не очень много. Когда умирает один священник, другой приезжает ему на смену из Сибири и окормляет в основном свою небольшую паству, совсем не думая об обращении туземцев. Обстоятельства не дают [православным] быть заносчивыми по отношению к католическим миссионерам, которым и в голову не приходит, что те могут как-то помешать интересам их церкви. Эти миссионеры постоянно заняты обращением в свою веру [китайцев], и на этом поприще уже добились некоторых успехов.

Седьмого [декабря] мы обедали у *алегады*, где нас развлекали самым великолепным образом. Кроме нас никого не было, и мы оставались у него целый день. Это был самый элегантный и щедрый прием из всех, что я видел в Китае.

Около десяти утра за послом и господами из свиты были присланы паланкины, а также лошади для слуг, несмотря на то что дом премьер-министра был совсем недалеко от наших квартир. Палан-

кины пронесли через два внутренних двора и опустили у входа в зал, где *алеггада* ожидал посла. В зале нас усадили в изящные плетеные кресла, отделанные черным лаком и инкрустированные перламутром. Само помещение было довольно простым, открытым на юг, и с этой стороны крышу поддерживали тонко выточенные деревянные колонны. Потолочное перекрытие отсутствовало, но стропила были тщательно отполированы и вычищены. Пол был выложен черно-белой мраморной плиткой, посередине стояла медная жаровня в виде урны, полная углей. У входа стояли два больших фарфоровых сосуда, наполненные чистой водой, в которой резвились стайки мелких рыб, охотившихся за хлебными крошками. Рыбки были размером с пескаря, но другой формы, украшены красными, белыми и желтыми пятнами; назывались они поэтому золотыми и серебряными рыбками. Я не встречал их нигде за пределами этой страны, хотя, полагаю, их можно было бы легко вывезти в Европу, поскольку они неприхотливы. В моей квартире на окне стояла чаша с двумя десятками таких рыбок, и как-то утром после морозной ночи я обнаружил, что вода замерзла, большинство рыбок были неподвижны и, по-видимому, мертвы; но после того, как их поместили в свежую чистую воду, все, кроме двух или трех, ожили.

После того как мы выпили чаю, на столах расставили разнообразные бульоны и другие блюда вперемешку с фруктами и сладостями. У каждого из гостей был свой отдельный столик, и все они обслуживались на один манер. Это пиршество, похоже, было всего лишь завтраком, хотя его легко можно было принять за обед.

После угощения *алеггада* сначала повел нас показать своих собак, каковых у него было великое множество. Я ранее отмечал, что этот джентльмен был заядлым спортсменом. Он получал большее удовольствие от разговоров о гончих, чем о политике; хотя в то же время он производил впечатление очень дельного министра и честного человека.

Нас провели по различным помещениям его дома, за исключением женской половины, куда не имел доступа никто, кроме него самого и прислуживавших евнухов. Мы увидели замечательную коллекцию занятных вещей, как природных, так и рукотворных, в особенности большое количество старинных фарфоровых изделий, произведенных в Китае и Японии, которые в наши дни можно встретить только в музеях. В основном это были многочисленные вазы различных размеров. Хозяин получал большое удовольствие, рассказывая, где и когда они были изготовлены; насколько я помню, многим из них было более двух тысяч лет. Он также добавил, что как в Китае, так и в Японии искусство изготовления такого совершенного фарфора, как в прошлые времена, было утрачено, и причиной этого, по его мнению, была [неправильная] подготовка сырья. Полки до самого потолка были уставлены всяческими занимательными вещицами, а порядок и симметрия их расположения создавали поистине прелестный эффект.

Из дома мы перешли в небольшой сад, окруженный высокой кирпичной стеной. В его центре находился небольшой бассейн, наполненный водой и окруженный несколькими старыми искривленными деревьями и кустами, среди которых я заметил те, с которых собирают знаменитый чай. Климат Пекина был слишком холодным для этого вида, и их можно найти только в нескольких декоративных садах. Я не буду далее распространяться об этом полезном растении, немного похожем на смородину, поскольку мне еще предстоит возможность дать о нем более подробный отчет, прежде чем я покину эти края. Вокруг сада вела дорожка, усыпанная, как и тропинка по центру, мелким гравием. В обоих концах центральной тропинки размещались куски обработанного камня, под которыми бежала вода, и до того естественно, что казалось, будто отверстия в камне промыты самим потоком. Камни были около двух метров высотой, и их осеняли старые причудливо изогнутые деревья. Этот садик, как и многие другие вещи в Китае, отражал тягу здешних обитателей к имитации природы.

Из сада нас позвали к обеду, где нас ждало обильное и изысканное угощение, поданное изящнейшим манером, намного превосходившим все, что нам предлагалось до этого. Не было ни музыки, ни танцев, и все происходило с удивительным достоинством и порядком. Угощение продолжалось около двух часов, после чего мы вернулись в свои квартиры.

В тот день наши ворота были открыты для самых разных людей, торговцам и прочему люду дозволялось входить и выходить, когда им вздумается. Хотя общение не было под запретом и ранее, но оно было довольно затруднено и на него требовалось разрешение соответствующего начальника.

Восьмого [декабря] мы обедали в южном монастыре, где в основном жили итальянские миссионеры. Здесь собрались все иезуиты⁵⁴ числом около десяти или двенадцати. Нас встретил дружелюбный прием и совершенно великолепное угощение.

Этот монастырь расположен в городе, на участке земли, переданном отцам императором. Он также выделил десять тысяч унций серебра на строительство и отделку капеллы, весьма изящной, украшенной изображениями святых и декоративными текстами из Писания, написанными идеальным почерком. Надпись со свидетельством о замечательном благодеянии императора Камхи вырезана

золотыми буквами по-китайски и выставлена над главными воротами, что вызывает еще большее уважение местных жителей к этому месту. Когда мы прибыли, один из священников исполнял свои обязанности в капелле, где собралось около сотни новообращенных китайцев. За обедом нам подали несколько бутылок вина, сделанного в этом монастыре; не могу сказать, что оно было достойным, хотя лоза была хорошей и приятного вкуса.

После обеда мы отправились в императорские конюшни, где содержались слоны. Служитель попросил посла оставаться в апартаментах, пока слонов не снарядят; после того мы вышли во двор и увидели этих огромных животных, богато украшенных золотыми и серебряными чепраками. У каждого на спине было по погонщику, державшему в руках небольшой топорик с острой пикой с одной стороны для управления животным. Мы около часа восхищались этими умными животными, некоторые из них были очень большими; проходя перед нами на равном расстоянии, они возвращались за стойла, и так повторялось снова и снова, казалось, этой процессии не будет конца. Эта уловка была наконец раскрыта благодаря виду и одежде погонщиков, и главный служитель сказал нам, что их было всего шестьдесят. Климат Пекина слишком холоден для их размножения, и все слоны, что мы видели, были куплены в теплых странах. Император держит их только напоказ и никак не использует, по крайней мере в этих северных краях. Нескольких подвели ближе к тому месту, где мы сидели, и они приветствовали нас, опустившись на колени и производя ужасающие звуки. Другие всасывали воду из сосудов и разбрызгивали ее через свои хоботы, направляя струи на толпу или туда, куда указывал погонщик. Сообразительность этих животных весьма поразительна и приближается к разумности, в этом отношении они превосходят всех диких животных. После представления мы расстались с иезуитами, которые нас сопровождали, и вернулись в свои квартиры.

На следующий день все джентльмены обедали во дворце девятого сына⁵⁵ императора по приглашению его главного евнуха, большого друга Русского дома⁵⁶. Поскольку приглашение исходило не от самого принца, посол его не принял. Угощение было великолепным и сопровождалось музыкой, танцами и некоторого рода представлением, которое продолжалось большую часть дня. Комедианты были обоих полов, если только женские роли не исполняли мальчики, одетые актрисами. Поскольку представление было на китайском, я не понимал ничего, кроме жестов и действий исполнителей. Оно показалось мне набором разрозненных интерлюдий без какого-то определенного финала или общего замысла. Поэтому я упомяну только одну сцену, которая показалась мне чрезвычайно необычной. На сцену вышли семеро воинов, все в доспехах, с различным оружием в руках и ужасными масками на лицах. Пройдя несколько раз по сцене и обозрев доспехи друг друга, они наконец затеяли драку, и один из героев был повержен. Затем с облаков при блеске молний спустился ангел с ужасающим мечом в руке и быстро согнал бойцов со сцены. После этого он вознесся тем же манером, что и спустился, в облаке дыма и огня. За этой сценкой последовало несколько комических фарсов, которые мне показались очень забавными, хотя и исполнялись на языке, мне непонятном. Последний персонаж, появившийся на сцене, был европейский джентльмен в полном облачении, украшенном золотым и серебряным кружевом. Он снял шляпу и низко кланялся всем проходящим мимо него. Оставляю воображению читателя, какую неуклюжую фигуру представлял собой китаец в этом потешном костюме. Эта сцена была прервана, и распорядитель пира удалил актеров, заподозрив, что гости могут обидеться. После окончания представления нас развлекали жонглеры, которые с необычайной ловкостью демонстрировали различные фокусы.

Банкет продолжался весь день, кроме перерывов на интерлюдии. Не успевали убрать одну перемену блюд, как тут же на столы ставили следующую; пир завершился фруктами и сладостями. Невозможно представить, что роскошь настолько проникла в жизнь трезвых и трудолюбивых китайцев. Необходимо заметить, что на подобных пиршествах почти нет выпивки, так как они в таких случаях не употребляют вина, но пьют чай и – время от времени – глоток крепкой водки. Китайцы пользуются двумя спицами из слоновой кости или дерева вместо вилок, и с такой ловкостью, что могут собирать ими иголки. Вместо салфеток они иногда используют несколько квадратных листов бумаги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia to Diverse Parts of Asia. 2 Volumes. Edinburgh: Printed for William Creech, 1788.

² Подробнее о Д. Белле и его записках см. [16].

³ Подробнее о посольстве см., например, Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. СПб.: Военная типография, 1887. 237 с.; Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 г. / Составлено по документам,

- хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел в 1792–1803 г. Н. Бантыш-Каменским; С прибавлением издателя В. М. Флоринского. Казань: Типография Императорского ун-та, 1882. 565 с.; Ланг Л. Ежедневная записка пребывания г. Ланга, агента или поверенного в дела Его Величества Всероссийского императора Петра I в 1721 и в 1722 году, содержащая его переговоры // Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с фр. М. Попова. СПб.: Императорская Академия наук, 1776. Ч. 3. С. 1–247; Позднеев А. М. Образцы народной литературы монгольских племен / Собраны и изданы А. Позднеевым. СПб., 1880. 347 с.; [1], [12], [13], [15].
- ⁴ Ланг Л. Указ. соч. См. также [9].
- ⁵ См., например: Палладий (Кафаров, Петр Иванович; 1817–1878). Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. / [Соч.] Архим. Палладия; С введением доктора Е. В. Бретшнейдера и замечаниями проф., чл. сотр. А. М. Позднеева. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. IX, [1], 238 с.; 1 л. карт. (Записки императорского Русского географического общества по общей географии; Т. XXII, № 1); Позднеев А. М. Указ. соч.; [10].
- ⁶ Палладий (Кафаров, Петр Иванович; 1817–1878). Указ. соч.
- ⁷ Позднеев А. М. Указ. соч.
- ⁸ Bell J. Voyages Depuis St. Petersburg En Russie, Dans Diverses Contrées De L'Asie: À Pékin, à la suite de l'Ambassade envoyée par le Czar Pierre I, à Kamhi, Empereur de la Chine; À Isphahan en Perse, avec l'Ambassadeur du même Prince, à Schah Hussein, Sophi de Perse; À Derbent en Perse, avec l'Armée de Russie, commandée par le Czar en Personne; À Constantinople, par ordre du Comte Osterman, Chancelier de Russie, & de M. Rondeau, Ministre d'Angleterre à la Cour de Russie. On y a joint une Description de la Sibérie, & une Carte des deux Routes de l'Auteur entre Moscow & Pékin. Tome Troisième. A Paris, Chez Robin, Libraire, rue des Cordeliers, près celle de la Comédie Française, 1766. 332 p.
- ⁹ Бел Д. Путешествие из Санкт-Петербурга в Пекин, при отправленном посольстве от государя Петра I к Камхи, Богдыхану Китайскому или Хинскому // Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с фр. М. Попов. СПб.: Императорская Академия наук, 1776. Ч. 1. С. 138–251; Бел Д. Продолжение путешествия в Пекин, при отправленном посольстве от государя Петра I к Камхи, Богдыхану Китайскому или Хинскому // Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с фр. М. Попов. СПб.: Императорская Академия наук, 1776. Ч. 2. С. 1–244.
- ¹⁰ См. примечание 25.
- ¹¹ Bell J. Op. cit. Vol. II. P. 2.
- ¹² Бел Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 83.
- ¹³ Катанов Н. Ф. Обработка сочинения писателя XVII в. Н. Г. Спафария «Описание первыя части вселенныя, именуемой Азия, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции». Казань, 1910. LVI, 271 с.
- ¹⁴ Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875. С. 28.
- ¹⁵ Устный комментарий К. С. Яхонтова.
- ¹⁶ Bell J. Op. cit. Vol. II. P. 5.
- ¹⁷ Бел Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 85.
- ¹⁸ Bell J. Op. cit. Vol. II. P. 7.
- ¹⁹ Бел Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 88.
- ²⁰ Лувсандэндэв А., Цэдэндамб М. (под ред.) Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. М.: Academia, 2001–2002. Т. 2. С. 228; ср. также [4: 117].
- ²¹ Лувсандэндэв А., Цэдэндамб М. Указ. соч. Т. 1. С. 406.
- ²² Хочу выразить глубокую благодарность Константину Сергеевичу Яхонтову, специалисту по маньчжурскому языку, за помощь в выяснении значений этих и некоторых других маньчжурских и монгольских терминов.
- ²³ Далее именуется «алеггада», см. примечание 25.
- ²⁴ Это слово уже встречается в предыдущем тексте сочинения, и однозначно его истолковать до сих пор не удалось. Д. Шинор [21] считает, что это собственное имя, в то же время в записках спутника Белла, агента Ланга (о Ланге см. ниже), встречается фраза «Ahloya ou maitre de Ceremonies», то есть он полагал, что данное слово означает титул или должность чиновника. Филолог с натяжкой приводит связь с маньчжурским и монгольским корнем *ahla- ахула- ‘быть старшим, главным’ (Захаров И. И. Указ. соч. С. 23; [4: 24]), ахал-, ахлах- ‘быть старшиной, главой’, ахлаач, ахлагч ‘старший, глава, начальство’ (Лувсандэндэв А., Цэдэндамб М. Указ. соч. Т. 1. С. 303, 305), ср. ahalakci (Mongolian) ‘chief, head’ (Mongolian-English Dictionary / Compiled by Charles Bawden. Kegan Paul International. London and New York, 1997. P. 7).
- ²⁵ Скорее всего, это титул чиновника. 大學士 aliha bithe-i da, или сокращенно aliha da (Захаров И. И. Указ. соч. С. 35; Mongolian-English Dictionary. С. 15), то есть «Великий секретарь», чиновник пятого ранга в Цинской табели о рангах. Конечно, это никакой не «премьер-министр», но очень высокопоставленное лицо. В 1680 году одним из пяти сановников, носивших этот титул, был Мацзи, в 1688 году принимавший участие в подписании Нерчинского договора, а с 1710 года указом Канси назначенный заниматься делами русских караванов. Китайские переводчики использовали титул 侍读学士 («Ученый чтец-служитель»), таким образом «понизив» статус персонажа на три ступени в иерархии Государственной канцелярии.
- ²⁶ Скорее всего, Лифаньюань (кит. 理藩院, «Палата по делам вассальных территорий») – служба в Империи Цин, ведавшая зависимыми монгольскими территориями. В структуре имперского аппарата управления была

- приравнена по статусу к Шести министерствам. При императоре Канси Палата также ведала взаимоотношениями империи с Россией.
- ²⁷ *ashan-i amban* (маньчж.), согласно словарю И. И. Захарова, «чиновник сбоку», то есть один из заместителей руководителя ведомства, «товарищ министра» (кит. 右侍郎 или 左侍郎).
- ²⁸ Доменик Парренин (Domenique Parrenin, 1665–1741, китайское имя – Ба Домин), подробнее о нем см. [8].
- ²⁹ Ксавье Эренберт Фриделли (Xavier Ehrenbert Fridelli, 1606–1682, китайское имя – Фэй Инь 费隐) – австрийский монах-иезуит, картограф, глава резиденции Св. Иосифа в Пекине. По приглашению императорского двора занимался картографированием территорий Китая.
- ³⁰ В современной транскрипции Палладия – Чанчунь Юань. Один из трех садов, составляющих загородный императорский комплекс Юань Мин Юань, первый из загородных парковых комплексов, предназначенных для кратковременного пребывания императора. Построен после двух поездок императора Канси по южным краям в 1680 году. Площадь 91 га, располагался в районе современного Пекинского университета. После завершения строительства император Канси проводил там значительную часть времени.
- ³¹ Вряд ли на татарском, скорее всего, на маньчжурском. Впрочем, Белл и в других случаях называет незнакомый ему язык татарским.
- ³² В этом случае распорядитель церемонии говорит на монгольском. Согласно словарю, *мөргөх* (Лувсандэндэв А., Цэдэндамб М. Указ. соч. Т. 2. С. 228; ср. также [4: 117]) и *босох* (Лувсандэндэв А., Цэдэндамб М. Указ. соч. Т. 1. С. 406) – «кланяться» и «вставать»; повелительное наклонение в монгольском (как и в маньчжурском) языке образуется с помощью основы глагола, то есть *мөргөх* > *мөргө*, *босох* > *босо*. Это не особо вежливый краткий императив: «кланяйся», «вставай» (сообщено К. С. Яхонтовым).
- ³³ Напиток с таким названием упоминает еще Марко Поло [22]. Российские буряты пьют тарасун (другое название – архи), дистиллят из молочного сырья, совсем не похожий на тот напиток, который описывают путешественники, посещавшие Китай. Пьют его холодным, в отличие от китайского напитка; в описаниях профессора Палласа читаем: «...тарассун можно сравнить со смесью бренди и английского пива» (Peter Simon Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs (Saint Petersburg, 1771–1801). St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayserlichen academie der wissenschaften, 1773–1801. С. 131).
- ³⁴ Вероятно, *гучжэнь* 古筝.
- ³⁵ Скорее всего, *пина* 琵琶.
- ³⁶ Скорее всего, имеется в виду *бяньцин* 编磬.
- ³⁷ Так с XVI века в Европе называли высших должностных лиц Китая. От португальского *mandarim* или староголландского *mandorijn*, заимствованного, в свою очередь, из малайского: *mantri*, от *mantri* (хинди, «советник», «министр») и *mantra* (санскрит, «советник»). Китайский эквивалент – *гуань* (官).
- ³⁸ Тулишэнь (кит. trad. 圖理坤 или 圖麗琛, 1667–1741). Подробнее об этом дипломате, в 1712–1715 годах проехавшем почти всю Россию, см., например: [6], [10], [11], [13]. Можно отметить занятную параллель: «Записки о чужой стороне», написанные Тулишэнем на материале поездки по России, были не только изданы в Китае в 1723 году по-маньчжурски и по-китайски, но и переведены на несколько западных языков – в 1726 году на французский, в 1732 году – на немецкий, дважды в XVIII веке – на русский, в 1821 году – на английский.
- ³⁹ В оригинале *buck-hounds*; бакхаунд – порода исчезнувших в наши дни английских гончих; их использовали для стайной охоты на ланей.
- ⁴⁰ Вероятно, блюдо из «молочной рыбы» (虱目鱼 *shīmùyú* ханос, лат. *Chanos chanos*).
- ⁴¹ В оригинале «Merin Sanguin»; неясный термин, его вторая часть, *Sanguin*, возможно, искаженное «цзянцзюнь» (将军), то есть «генерал» [22: 99].
- ⁴² У Канси их было 97, старший из них – первый сын Иньжэня, Хунси – родился в 30-й год Канси (1691), а младший – четвертый сын Иньми, Хунчао, родившийся в 20-й год правления Цяньлуна (1755), разница между ними составляла 64 года. Сложно сказать, о котором идет речь в этом эпизоде. Возможно, это был Хунфан (1704–1772), второй сын Иньчжи; в описываемое время ему было около 17, но западному наблюдателю subtilный юноша мог показаться моложе своих лет.
- ⁴³ 17–20 см.
- ⁴⁴ Скорее всего, *личжи* (荔枝, китайская слива).
- ⁴⁵ Лоренц Ланг, впоследствии оставшийся в Пекине в качестве торгового агента. Его записки включены Джоном Беллом в рассматриваемое издание «Записок».
- ⁴⁶ Взаимоотношениями Цинской империи с Россией ведало ведомство Лифаньюань (кит. упр. 理藩院), чья юрисдикция распространялась также на зависимые монгольские территории, оно контролировало назначение *амбаней* во Внешнюю и Западную Монголию, Кукунор и Тибет. Это подтверждало статус России в глазах Цинской империи как государства, не платящего вассальную дань. В то же время отношения с другими европейскими странами (которые имели статус «данников») занимались в других ведомствах: Министерство Двора (内务府) ведало делами не только двора, но всем, что было связано с европейскими миссионерами и религиозными миссиями в Китае, взимало особые налоги на внешнюю торговлю; Министерство церемоний регулировало межгосударственные отношения с иностранными данниками (в список которых входили Голландия и Португалия).
- ⁴⁷ Канси 康熙 собственное имя Сюань, кит. 玄烨 (4 мая 1654 – 20 декабря 1722) – маньчжурский император из династии Цин (с 7 февраля 1661, эра Канси с 18 февраля 1662 по 4 февраля 1723). Четвертый представитель маньчжурской династии, правил 61 год – рекордно длинный срок в китайской истории.

- ⁴⁸ В действительности конфликт начался в 1681 году, см. ниже.
- ⁴⁹ Экспедиционный корпус генерала Лантаня насчитывал около 10 000 солдат, две трети которых составляла китайская пехота.
- ⁵⁰ Несколько десятков русских солдат, предположительно ссыльных разинцев, сдалось маньчжурским войскам.
- ⁵¹ В конце XVII века в Пекине для православного богослужения использовалась буддийская кумирня Гуаньдима, располагавшаяся в переулке Хуцзяюань, которая первым православным священником в Китае Максимом Леонтьевым была обращена в часовню св. Николая. В дальнейшем она была освящена в честь св. Софии, но это название не использовалось и часовню продолжали именовать Никольской.
- ⁵² В 1681 году в Албазин был передан ультиматум военного губернатора Гирина (Цзилинь) эвакуировать «линию Черниговцева» на Селемдже-Зее. В ответ прозвучал отказ, на следующий год Империя Цин объявила России войну. 25 июня 1684 года Албазин как укрепление перестал существовать, гарнизон капитулировал, но в знак уважения стойкости русских солдат маньчжурский генерал согласился на почетную капитуляцию албазинцев. Они покидали руины в строю, с оружием и знаменами. Противник снабдил их подводами, продовольствием и выделил сопроводительный конвой до Забайкалья. Но конфликт на этом не завершился. Второй этап обороны заново отстроенного летом 1684 года Албазина закончился отводом 6 мая 1687 года маньчжурских войск, а к 1688 году российско-маньчжурское противостояние перешло из военного качества в дипломатическое. 28 августа 1689 года в Нерчинске был подписан первый русско-китайский договор, согласно которому граница между двумя государствами отодвигалась к северу. Албазинский острог оказался за пределами русской территории, подлежал уничтожению, а его обитатели – переселению. В начале сентября солдаты во главе с А. Бейтоном разрушили албазинские укрепления и покинули это место, отвоеванное такой ценой.
- ⁵³ То есть православной. Подробнее о православии в Китае см. [2]; Николай О. (Адоратский П. С.). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887. Ч. II. С. 99–136.
- ⁵⁴ Первые иезуиты появились в Китае еще в конце XVI века. Этот орден был изначально нацелен на миссионерскую деятельность, в основу которой была положена «теология приспособления» (*theologia accomodativa*). В иноязычной, инокультурной среде иезуиты старались не навязывать строгих догматов, но проявляли внимание к местным религиям, традициям и ритуалам. Миссионеры-иезуиты принципиально снисходительно относились к «языческим грехам» (идолопоклонству, ритуалам). Они, в соответствии с принципом «*сuius regio ejus religio*» (лат. «чья власть, того и вера»), стремились найти поддержку у представителей правящей верхушки. Подробнее см. [4]; Rowbotham A. H. *Missionary and Mandarin: The Jesuits in the Court of China*. Berkeley: University of California, 1942. 390 p.
- ⁵⁵ Который в то время носил имя Иньтан (胤禵). После смерти отца и восшествия на престол четвертого сына Канси, Иньчжэня (胤禩), сменил имя на Юньтан вследствие табу на иероглиф, присутствующий в имени правящего императора. Через два года после описываемых событий был отправлен в ссылку на Тибет.
- ⁵⁶ 俄羅斯館, Нань-гуань (南館) – южное и исторически первое подворье РДМ в Пекине. Находилось на месте бывшего Русского посольского двора (Хуй-тун гуань 會同館 «Палата приемов»), где до этого останавливались русские посланники, агенты и гонцы. Посольский двор был устроен в 1693 году по приказу императора Канси для временного проживания русских, приезжающих в Пекин. Размещался в здании бывшего Корейского посольского двора (Гаоли гуань 高麗館) и находился в ведении Лифаньюаня (理藩院, один из возможных переводов – «Палата по управлению инородцами»). С 1729 года по вторую половину XIX века в Нань-гуань жили архимандриты – руководители и члены РДМ. Подворье располагалось в современном районе Дун-цзяо минь сянь (東交民巷) (старое название – Дун-цзян ми сянь 東江米巷) к югу от Запретного города. После 1861 года здесь находилась РДМ. В этом же районе находился Посольский квартал, который в 1900 году штурмовали ихэтуани [2: 32–33]; Краткая история Русской православной миссии в Китае: составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин: Типография Успенского монастыря, 1916. 244 с.; [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Благодер Ю. Г., Чупрынников С. А. «Китайский» вектор политики Петра I (посольство Л. В. Измайлова) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 99–103. DOI: 10.24158/fik.2022.8.16
2. Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2006. 218 с.
3. Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие. 1552–1775 гг. М.: Крафт, 2000. 256 с.
4. Краткий дагурско-русский словарь. Более 5900 слов / Сост. Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
5. Куликов А. М. Переписка архимандрита Палладия (Кафарова) с Е. К. Бюцовым // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 68–79. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-4-68-79
6. Мороз И. Т. Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1715) // Восточный архив. 2009. № 2 (20). С. 28–39.
7. Останина М. А. Путевые заметки Джона Белла о поездке через азиатское пространство (1719–1721 гг.) как источник материалов о Сибири в Европе и России в 18–19 веках // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 571–574.

8. Пан Т. А. Деятельность Доменика Парренина в Пекине // Миссионеры на Дальнем Востоке: Материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г.). СПб.: Изд-во РХГА, 2014. С. 161–170.
9. Петрунина Ж. В. Миссия Лоренца Ланга в Китае в 1721 г. (по материалам «Поденной записки») // Общество: философия, история, культура. 2022. № 2. С. 63–68. DOI: 10.24158/fik.2022.2.9
10. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы / Ред. С. Л. Тихвинский. Т. 1: 1700–1725. М., 1978. 704 с.
11. Самойлов Н. А. Образ Петра Первого в «Записках» цинского посланника Тулишэня // Клио. 2021. № 5 (173). С. 33–42.
12. Самойлов Н. А. Посольство Льва Измайлова в Цинскую империю (особенности русско-китайских отношений в эпоху Петра Великого) // Клио. 2021. № 12 (180). С. 35–42.
13. Самойлов Н. А. Китайское направление внешней политики Петра Великого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769
14. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 672 с.; Т. 2. Л.: Наука, 1977. 892 с.
15. Филиппова Т. Ф. Георг Иоганн Унферцагт и его описание путешествия в Китай в составе русского посольства Л. В. Измайлова 1719–1722 гг. (по материалам фондов Отдела редкой книги БАН) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб.: БАН: Альфарет, 2012. С. 12–18.
16. Яковлев В. В., Перлин П. В. Джон Белл и его описание путешествия в Китай в 1719–1721 гг. // VI Готлибовские чтения. Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2023. С. 436–443.
17. Alto P. John Bell's (1691–1780) notes from his journeys in Siberia and Mongolia // International Journal of Central Asian Studies. 1996. Vol. 1. P. 13–28.
18. Bell J. A journey from St. Petersburg to Pekin, 1719–22. (J. L. Stevenson, Ed.). Edinburgh: University Press, 1965. 248 p.
19. Cross A. In the lands of the Romanovs. An annotated bibliography of first-hand English-language accounts of the Russian Empire (1613–1917). Open Book Publishers, 2014. 438 p.
20. Drew R. F. A Journey from St Petersburg to Pekin, 1719–22 by John Bell, J. L. Stevenson / Review by: R. F. Drew // The American Historical Review. 1967. Vol. 72, No 3. P. 929–930.
21. Sinor D. Linguistic remarks pertinent to John Bell's journey // Acta Orientalia XXXII. Copenhagen, 1970. P. 231–239.
22. The book of Ser Marco Polo, the Venetian: Concerning the kingdoms and marvels of the East (Cambridge Library Collection – Travel and Exploration in Asia). Vol. 1. 1st edition. Cambridge University Press, 2010. 612 p.
23. 张昌山·耿昇 编 从圣彼得堡到北京旅行记 (1719–1722) 出版社: 云南人民 2018. 199 页 (Чжан Чаншань и Гэн Шэн (Под ред.). Записки о путешествии из Петербурга в Пекин (1719–1722). Куньмин: Юньнань жэньминь-чубаньшэ, 2018. 199 с.).

Поступила в редакцию 10.01.2023; принята к публикации 27.02.2023

Original article

Vladimir V. Yakovlev, Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-5364-3614; nii.region@mail.ru

Petr V. Perlin, Senior Researcher, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-3693-991X; nii.region@mail.ru

CONTEMPORARY TRANSLATION OF JOHN BELL'S NOTES OF HIS JOURNEY TO CHINA IN 1719–1721

Abstract. A new stage of relations between Russia and China began in the late XVII – early XVIII centuries, laying the foundation for future economic and political interaction. For both partner states the trade caravans and official embassies became important sources of information about the other party. The image of the exotic country was largely formed for the Russians by reports of the travelers who had visited China, a country that was largely closed to foreigners. One such mission, led by L. V. Izmailov, visited China in 1719–1721 by order of Peter the Great. The embassy included a Scottish physician John Bell, who left detailed records about the journey. These notes became a valuable source of information not only about the nature, culture, and customs of the peoples inhabiting the vast lands east of the Volga River and further to Lake Baikal, but also about the culture and economy of China. This article deals with the annotated translation of these notes (they were published only once – 250 years ago, as a rather inaccurate translation from French). The aim of this work is to justify the necessity of a scholarly translation with detailed historical, linguistic, and

country-specific comments that will reveal all the wealth of the information contained in the notes and introduce it into scientific circulation. For the first time, a full translation of one of the Bell's book chapters, describing the reception of the Russian embassy at the imperial court, is published. The publication is accompanied by detailed comments.

Key words: China, John Bell, travels, Russian embassies to China, Lev Izmailov, travelogue, Qing dynasty

For citation: Yakovlev, V. V., Perlin, P. V. Contemporary translation of John Bell's notes of his journey to China in 1719–1721. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):27–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.884

REFERENCES

1. Blagoder, Yu. G., Chuprynnikov, S. A. Chinese vector of Peter the Great's policy (embassy of L. V. Izmailov). *Society: Philosophy, History, Culture*. 2022;8:99–103. DOI: 10.24158/fik.2022.8.16 (In Russ.)
2. Beiguan: A concise history of the Russian Orthodox mission in China. (B. G. Aleksandrov, Comp.). St. Petersburg, 2006. 218 p. (In Russ.)
3. Dubrovskaya, D. V. Jesuits' mission in China. Matteo Ricci and others. 1552–1775. Moscow, 2000. 256 p. (In Russ.)
4. A concise Dagur-Russian dictionary. Over 5900 words. (G. Tumurdey, B. D. Cybenov, Comp.). Ulan-Ude, 2014. 236 p. (In Russ.)
5. Kulikov, A. M. Correspondence of Archimandrite Palladius (Kafarov) with E. K. Bykov. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021;20(4):68–79. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-4-68-79 (In Russ.)
6. Moroz, I. T. Tulishen's Chinese embassy to Kalmyk Khan Ayuka on the Volga River (1712–1715). *Vostochnyy arkhiv*. 2009;2(20):28–39. (In Russ.)
7. Ostanina, M. A. John Bell's travel narrative about the journey across the Asian space (1719–1721) as a source for materials about Siberia in Europe and Russia in 18–19 centuries. *The World of Science, Culture and Education*. 2019;2(75):571–574. (In Russ.)
8. Pan, T. A. Dominique Parrenin's activities in Beijing. *Missionaries in the Far East: Proceedings of the international research conference (St. Peterburg, November 19–20, 2014)*. St. Petersburg, 2014. P. 161–170. (In Russ.)
9. Petrunina, Zh. V. Lorenz Lang mission to China in 1721 (based on materials from “Per diem Note...”). *Society: Philosophy, History, Culture*. 2022;2:63–68. DOI: 10.24158/fik.2022.2.9 (In Russ.)
10. Russian-Chinese relations in the XVIII century: Materials and documents. (S. L. Tikhvinsky, Ed.). Moscow, 1978. Vol. 1. 704 p. (In Russ.)
11. Samoylov, N. A. The image of Peter the Great in the *Narrative* of the Qing ambassador Tulishen. *Klio*. 2021;5(173):33–42. (In Russ.)
12. Samoylov, N. A. Lev Izmailov's mission to the Qing Empire: (specific features of Russian-Chinese relations at the time of Peter the Great). *Klio*. 2021;12(180):35–42 (In Russ.)
13. Samoylov, N. A. Chinese vector of Peter the Great's foreign policy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769 (In Russ.)
14. Comparative dictionary of the Manchu-Tungus languages. (V. I. Tsintsius, Ed.). Vol. 1. Leningrad, 1975. 672 p.; Vol. 2. Leningrad, 1977. 892 p. (In Russ.)
15. Filippova, T. F. Georg Johann Unverzagt and his description of a journey to China as part of L. V. Izmailov's Russian embassy in 1719–1722 (based on materials from the collections of the Rare Book Department of the Russian Academy of Sciences). *Russia and China: scientific and cultural ties (based on materials of archival, manuscript, book and museum collections)*. Issue 2. St. Petersburg, 2012. P. 12–18. (In Russ.)
16. Yakovlev, V. V., Perlin, P. V. John Bell and his description of a journey to China in 1719–1721. *VI Gotlib Readings. Oriental studies and regional studies of the Asia-Pacific region*. Irkutsk, 2023. P. 436–443. (In Russ.)
17. Aalto, P. John Bell's (1691–1780) notes from his journeys in Siberia and Mongolia. *International Journal of Central Asian Studies*. 1996;1:13–28.
18. Bell, J. A journey from St. Petersburg to Peking, 1719–22. (J. L. Stevenson, Ed.). Edinburgh, 1965. 248 p.
19. Cross, A. In the lands of the Romanovs. An annotated bibliography of first-hand English-language accounts of the Russian Empire (1613–1917). Open Book Publishers, 2014. 438 p.
20. Drew, R. F. A journey from St Petersburg to Peking, 1719–22 by John Bell, J. L. Stevenson. Review by: R. F. Drew. *The American Historical Review*. 1967;72(3):929–930.
21. Sinor, D. Linguistic remarks pertinent to John Bell's journey. *Acta Orientalia XXXII*. Copenhagen, 1970. P. 231–239.
22. The book of Ser Marco Polo, the Venetian: Concerning the kingdoms and marvels of the East (Cambridge Library Collection – Travel and Exploration in Asia). Vol. 1. 1st edition. Cambridge University Press, 2010. 612 p.
23. 张昌山·耿昇 编 从圣彼得堡到北京旅行记 (1719–1722) 出版社: 云南人民 2018. 199 页

Received: 10 January 2023; accepted: 27 February 2023

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ВАВУЛИНСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-6404-7551; ludvav@mail.ru

ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

А н н о т а ц и я . Обеспечение занятости населения является важным условием социальной стабильности общества, благосостояния людей. Эти вопросы еще недостаточно освещены в исторической литературе. В статье на основе привлечения ранее не публиковавшихся архивных материалов анализируются основные проблемы и региональные особенности занятости населения Карелии в послевоенные годы. Исследование подготовлено на основе комплексного использования системного, проблемно-хронологического, историко-сравнительного и статистического методов. Освещены основные пути решения кадровой проблемы в республике, анализируются формы и методы вовлечения граждан в общественное производство, эффективность использования трудового потенциала, отмечен политический аспект задачи всеобщей занятости населения. Особое внимание уделено выяснению причин незанятости отдельных категорий населения, в первую очередь женщин, принятым мерам по развитию социальной сферы. Подчеркивается, что к трудоспособным гражданам, уклоняющимся от «общественно-полезного труда», нарушавшим трудовую дисциплину, применялись жесткие административные меры и привлечение к уголовной ответственности. Сделан вывод, что к концу 1950-х годов в республике была достигнута высокая степень трудовой активности населения, но в то же время сохранялась гендерная дискриминация женского труда, недостаточно эффективно использовался трудовой потенциал.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Карелия, послевоенные годы, занятость населения, женский труд, трудовой потенциал
Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН (№ 121070700117-1).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Вавулинская Л. И. Занятость населения Карелии в послевоенные годы: проблемы и решения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.885

ВВЕДЕНИЕ

Важной составной частью социальной политики современных государств является обеспечение занятости населения, которая создает необходимые условия для эффективного использования трудового потенциала общества, его социальной стабильности, определяет уровень жизни и благосостояния людей. В советском обществе делался акцент на общественной полезности труда, который являлся одной из высших ценностей человека. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение исторического опыта государственной политики занятости во второй половине 1940-х – 1950-е годы, когда была достигнута высокая степень трудовой активности населения.

Проблемой занятости населения преимущественно занимались экономисты и социологи.

В последние десятилетия к изучению вопросов вовлечения в общественное производство неработающих граждан, в частности в послевоенные годы, активно подключились историки. С. В. Богданов особое внимание уделил таким недостаточно изученным в отечественной историографии вопросам, как государственная политика борьбы с безработицей, социальные последствия незанятости населения [1]. На основе материалов выборочного обследования занятости городского населения в 416 городах СССР, проведенного в 1965 году, автор проанализировал причины незанятости, состав неработающих граждан по регионам, по полу и возрасту и сделал обоснованный вывод о том, что, несмотря на провозглашенную государством политику всеобщей занятости населения, уже к середи-

не 1960-х годов серьезно усложнились проблемы трудоустройства отдельных социально-демографических групп [2: 43].

Политика Советского государства в сфере трудовых отношений в послевоенные годы рассматривается в статьях М. А. Клиновой [5], В. Н. Мамяченкова [6], С. А. Папкина [8], Ш. Фицпатрик [13], в которых показана неэффективность мер внеэкономического принуждения к труду. Подавляющее большинство работ посвящено проблемам использования женского труда [3], [7], [11], [12]. Анализируя занятость женщин в различных сферах экономики, авторы подчеркивают сохранявшуюся гендерную дискриминацию женщин в трудовой сфере.

В местной историографии проблемы занятости населения в послевоенные годы затрагиваются в работах И. П. Покровской [9], [10], Е. И. Кlementьева и А. А. Кожанова [4].

Несмотря на имеющуюся историческую литературу по проблемам занятости населения в послевоенные десятилетия, не получили достаточного освещения региональные особенности государственной политики в этой области, политический аспект задачи всеобщей занятости, формы и методы вовлечения граждан в общественное производство, эффективность использования трудового потенциала.

В статье на основе имеющейся литературы и привлечения ранее не публиковавшихся архивных материалов анализируются основные проблемы и региональные особенности занятости населения республики в послевоенные годы. Исследование подготовлено на основе комплексного использования системного, проблемно-хронологического, историко-сравнительного и статистического методов.

В послевоенные годы в Карелии особенно обострилась проблема нехватки кадров. Для обеспечения выполнения принятого на 1946 год плана восстановления и развития народного хозяйства республики по расчетам Статистического управления требовалось привлечь 25 тысяч трудоспособных граждан из других регионов страны. Острый недостаток рабочей силы, особенно в лесной промышленности, вынуждал власть привлекать в качестве временной, сезонной рабочей силы прежде всего местное колхозное крестьянство, мобилизуемое в порядке платной трудовой повинности, а также использовать труд военнопленных, спецпоселенцев и заключенных. В строительных организациях республики военнопленные и заключенные составляли примерно две трети от общего числа рабочих¹.

С конца 1940-х годов основными путями решения кадровой проблемы в республике стали промышленное и сельскохозяйственное переселение и организованный набор рабочей силы из других областей и республик СССР. Плановое распределение трудовых ресурсов в условиях индустриальной модели освоения Севера, сформировавшейся в 1930-е годы, позволяло сравнительно быстро восполнить недостаток кадров. Только в 1949–1955 годах в лесную промышленность, совхозы и колхозы Карелии было переселено более 23,5 тысячи семей². Однако, вследствие суровых климатических условий, ограниченных возможностей ведения личного подсобного хозяйства, бытовой неустроенности, значительная часть переселенцев возвращалась на прежнее место жительства. На эти цели расходовались существенные средства. В то же время, по материалам единовременного учета сельского населения Карелии, на 1 января 1949 года было учтено 35 484 человека в возрасте 16–49 лет, не работавших в государственных, кооперативных предприятиях и организациях и не учившихся в учебных заведениях (при общей численности сельского населения всех возрастов 174 336 человек³). Из них 9488 мужчин (27 %) и 25 996 женщин (73 %). Еще выше был процент неработающих женщин среди сельского населения по группе хозяйств рабочих и служащих и кооперированных кустарей: из 15 489 человек в возрасте 16–54 лет – 12 764 человека, или 82,4 %, а в ряде районов – до 88–97 %⁴. На основании этих данных начальником Статуправления республики был сделан вывод о том, что план оргнабора рабочей силы на 1950 год может быть выполнен за счет внутренних резервов⁵.

Для определения причин безработицы населения в государственных и кооперативных организациях в 32 сельсоветах республики были проведены проверки. Они показали, что в подавляющем большинстве случаев к числу неработающего населения относились женщины, имевшие малолетних детей, а также находившиеся на иждивении мужей. Так, в Парандовском сельсовете Сегозерского района из 609 рабочих, служащих и кооперированных кустарей в возрасте 16–54 лет не работали 145 человек (24 %), из них 45 % – женщины, имевшие детей, и 45 % – женщины, не имевшие малолетних детей, а также инвалиды и учащиеся⁶. Многие неработающие женщины содержали земельный участок, скот, покос, занимались рыболовством, продавали молоко. В Кемском районе на территории четырех сельсоветов насчитывалось 415 граждан в возрасте от 16 до 54 лет, не принимавших

участия в общественном производстве, из них 64 человека (15,4 %), преимущественно молодежь в возрасте от 16 до 20 лет, проживали на средства своих родителей⁷.

Результаты проверки были обсуждены на заседании ЦК Компартии республики 25 мая 1950 года, принявшем постановление «О вовлечении в производство дополнительных трудовых резервов из местного населения». Вопросу занятости населения было придано политическое значение и подчеркнуто, что «значительное количество населения, не работая нигде, раздувают личное хозяйство, культивируют частнособственнические тенденции, тем самым разлагающе действуют на колхозников»⁸. Руководителям районных партийных комитетов и исполкомов советов было предписано изучить все хозяйства рабочих и служащих с целью уточнения неработающего населения и вовлечения его в производство; установить контроль за правильностью обложения налогами и госпоставками сельскохозяйственной продукции хозяйств, имеющих скот, огороды, орудия лова рыбы. Министерство социального обеспечения обязано было усилить контроль за трудоустройством инвалидов, способных к труду, и организовать производственные мастерские в домах инвалидов⁹.

Выполняя постановление ЦК Компартии республики, органы социального обеспечения вовлекли в 1950 году в учебу разного вида 392 инвалида. В Валаамском доме инвалидов была организована портняжная мастерская с охватом обучением 15 человек и пошивочно-ремонтная мастерская, где обучались 5 человек. Остальные инвалиды по мере сил привлекались к работе в подсобном хозяйстве и для обслуживания других инвалидов. В учебно-производственных мастерских общества слепых на клейке пакетов, щипке слюды, выделке щеток работал 31 человек, а Общество глухонемых устроило на работу на промышленные предприятия республики 383 человека. К началу 1951 года в республике трудились 26 375 человек, или 73,4 % общего количества всех групп и категорий инвалидов¹⁰. Принимались и меры по предоставлению посильной работы пенсионерам. Для вовлечения населения в трудовую деятельность широко использовалась массовая агитация через партийные и профсоюзные органы, средства массовой информации и различные направления художественной культуры. Закреплению кадров на крупных предприятиях способствовали предоставление работникам жилья, мест в детских садах, льготных путевок в дома отдыха и санатории

и др. В то же время вплоть до апреля 1956 года сохранялась судебная ответственность рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и учреждений и за прогул без уважительной причины. К трудоспособным гражданам, «уклонявшимся от общественно-полезного труда, занимавшимся бродяжничеством и попрошайничеством», применялись жесткие меры. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 19 июля 1951 года «О мерах по ликвидации и предупреждению нищенства» инвалидов и престарелых, а также трудоспособных, но не имевших работы, передавали на попечение социальных органов, которые занимались их трудоустройством или направляли под опеку родственникам и в дома инвалидов. Органам милиции вменялось в обязанность усилить борьбу с лицами, занимавшимися на базарах под видом нищенства разного рода вымогательством подаяний у трудящихся¹¹. Наиболее широкий размах борьба с «антиобщественными элементами, туеядцами» приобретает в 1960-е годы.

Особое внимание уделялось вовлечению в общественное производство самой многочисленной группы незанятого населения – женщин. На предприятиях осуществлялись мероприятия по созданию условий для повышения квалификации женщин, получения ими второй профессии, совмещения учебы и работы. Однако интеграция женщин в производство была сопряжена с целым рядом проблем и требовала ускоренного развития учреждений социальной сферы, позволяющих совмещать семейные обязанности и занятость. Во многих населенных пунктах республики не было ни детских садов, ни яслей, планы по строительству детских учреждений систематически не выполнялись. Строительство велось в основном в городской местности. Несмотря на то что к концу 1950-х годов число детских дошкольных учреждений увеличилось по сравнению с 1945 годом в 1,8 раза (с 426 до 768), а число детей в них – в 2,4 раза (с 14,9 до 35,1 тыс.)¹², общее количество мест в яслях еще не достигло даже довоенного уровня: в 1940 году – 8502 места, в 1958 году – 8118 мест¹³.

В целях оказания помощи работающим женщинам, имевшим детей, в школах создавались группы продленного дня для учащихся 1–4-х классов, была развернута сеть школ-интернатов. Профсоюзные организации предприятий и учреждений оказывали материальную помощь семьям с низким доходом, матерям-одиночкам, во многих профкомах были организованы комиссии по работе среди детей, различные детские кружки, летние пионерские лагеря.

В послевоенные годы в Карелии увеличилось количество предприятий розничной торговли и общественного питания: с 1447 в 1945 году до 3723 в 1960 году, или в 2,6 раза¹⁴. Во всех совхозах республики на центральных фермах имелись предприятия общественного питания (за исключением двух совхозов – «Заря» и «Занежский»), а в некоторых совхозах работали по 2–3 столовых. Расширилась медицинская помощь матери и ребенку. Увеличилась численность родильных домов, женских и детских консультаций, были приняты важные решения по социальной поддержке материнства и детства. Острой проблемой для работающих женщин оставалась слабо развитая сфера быта. В начале 1960-х годов трудящимся предоставлялись услуги в 426 населенных пунктах, что составляло только 27 % к их общему количеству, причем на жителя сельской местности приходилось услуг в 4 раза меньше, чем в городской местности¹⁵.

К концу 1950-х годов произошли существенные изменения в распределении рабочих и служащих республики по отраслям народного хозяйства. Доля занятых в промышленности возросла с 1945 по 1958 год с 25,5 до 40,7 %, соответственно несколько уменьшилась занятость в строительстве, на транспорте, в связи, торговле и общественном питании, органах государственного управления¹⁶.

Целенаправленная политика государства по вовлечению женщин в производство в 1950-е годы привела к значительному расширению сферы женского труда в республике. Если в 1939 году женщины составляли 37,3 % всех работающих (кроме членов семей, занятых в личном подсобном сельском хозяйстве), то в 1959 году – 47,6 % [9: 177]. Повышение уровня занятости женщин способствовало формированию нового качества женской рабочей силы, для которой профессиональный труд стал неотъемлемой характеристикой. Среди занятых в отраслях материального производства доля женщин за 1939–1959 годы повысилась с 36,1 до 42,2 %, а в отраслях непроизводственной сферы на долю женщин в 1959 году приходилось свыше трех четвертей работающих, в то время как в 1939 году – немногим более половины [9: 177]. В ряде отраслей в 1960 году женщины составляли подавляющее большинство работающих: в общественном питании – 94 %, здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении – 93 %, торговле – 89 %, народном образовании и культуре – 85 %¹⁷. Доля женщин среди лиц, занятых умственным трудом, в Карелии в 1959 году составила 65 %, в то время как по СССР – 54 %¹⁸. Та-

ким образом, отмечена тенденция к феминизации интеллектуального труда. Однако, как и в целом по стране, женщины отставали от мужчин в квалификационном уровне, были задействованы на менее престижных и низкооплачиваемых работах, редко выдвигались на руководящие должности. Так, из занятых в промышленности женщин 67 % работали вручную, без применения машин и механизмов¹⁹. Сохранялись высокая загруженность женщин домашним хозяйством, дефицит свободного времени.

В отраслях с преимущественно женской занятостью – легкой, пищевой, образовании, здравоохранении – заработная плата была существенно ниже, чем в тяжелой промышленности, на строительно-монтажных работах, на транспорте. В начале 1961 года среднемесячная зарплата в промышленности составила 112,5 руб., в общеобразовательных школах и учреждениях по воспитанию детей – 65,9 руб. (65 % к заработной плате в промышленности), в учреждениях здравоохранения, физкультуры, спорта и социального обеспечения – 56,6 руб. (56 %), в торговле – 56,3 руб. (56 %), в общественном питании – 49 руб. (48 %)²⁰.

В конце 1950-х годов крупным резервом увеличения численности работающих в народном хозяйстве республики оставалось трудоспособное население, занятое в домашнем и личном подсобном хозяйстве, которое составляло 48,7 тыс. человек, или 12,5 % населения в трудоспособном возрасте. В подавляющем большинстве это были женщины (около 97 %), из которых более 2/3 имели детей в возрасте до 14 лет [9: 178]. Преобладающая часть возможных резервов рабочей силы проживала в городских поселениях. Для вовлечения в общественное производство женщин, имеющих детей дошкольного возраста, как указывалось в материалах по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 года по Карелии, необходимо было значительно расширить существующую сеть дошкольных учреждений, а также развернуть общественное движение женщин-пенсионерок по наблюдению и уходу за детьми работающих женщин²¹.

На наш взгляд, одной из существенных причин незанятости женщин являлась специфика расселения в республике, характеризующаяся наличием в сельской местности большого количества населенных пунктов с крайне мизерной численностью населения. Наиболее типичными были населенные пункты до 50 жителей, а, например, в Медвежьегорском районе из 367 населенных пунктов 99 насчитывали всего до 10 человек, что затрудняло организацию про-

изводственного, жилищного и культурно-бытового строительства²². Кроме того, однобокая специализация хозяйства в лесных поселках, отсутствие работы по специальности вблизи жилья ограничивали возможности применения женского труда.

Среди женщин-иждивенцев почти 14 % составляли лица в возрасте 50–54 лет, при этом свыше 33 % из них не имели детей дошкольного и школьного возраста²³. Возможными причинами незанятости этой возрастной категории женщин являлись уход за престарелыми родителями и внуками. К числу неработающих, по материалам переписи, была отнесена также группа лиц, живущая за счет прочих источников средств существования (прежние сбережения, продажа старых вещей, сдача комнат внаем, помощь соседей и т. д.), а также не указавших, за счет чего они живут. Эта группа составляла всего 122 человека (мужчин – 29 и женщин – 93), из которых в городских поселениях проживали 82 и в сельской местности – 40 человек²⁴.

Значительный интерес представляет анализ возрастного гендерного аспекта занятости. Если среди мужчин, не занятых в общественном производстве, наибольшую группу составляли лица в возрасте 16–19 лет (38,1 %), то среди женщин этого возраста – только 3,5 %. В возрасте 20–29 лет количество неработающих мужчин и женщин различалось незначительно (34,5 и 29,3 %). В то же время в возрасте 30–49 лет не работали 12,4 % мужчин и 53,1 % женщин²⁵, что, по всей видимости, объяснялось занятостью женщин в домашнем и личном подсобном хозяйстве, отсутствием надлежащих условий для устройства на работу, а также сравнительно высоким уровнем дохода главы семьи.

По материалам единовременного выборочного обследования семей рабочих и служащих, проведенного в республике в 1958 году, можно выяснить такой вопрос, как выбор рода занятий в семьях с различным социальным статусом. В семьях, где главой семьи являлся рабочий, 86 % работающих членов семьи также были рабочими, а 14 % – инженерно-техническими работниками, служащими, учителями, медицинскими работниками и т. д. В семьях же, где главой являлся инженерно-технический работник или служащий, 79 % работающих принадлежали к той же категории, что и глава семьи²⁶.

Одной из проблем эффективного использования трудового потенциала, которая в середине 1950-х годов вышла на первый план, стала проблема сокращения административно-управленческого персонала. В письме секретаря Карельского обкома КПСС Л. Лубенникова в Президиум ЦК

КПСС 27 августа 1958 года сообщалось, например, о таких фактах: в лесной промышленности республики один инженерно-технический работник или служащий приходился на 7 рабочих, на Вяртсильском металлургическом заводе – на 5, на Онежском тракторном заводе – на 4,4, в рыбной промышленности – на 1,8 рабочего. Однако сокращение административного штата аппаратными методами привело к росту числа чиновников на уровне предприятий и объединений. В 1958 году по сравнению с 1952 годом произошел значительный рост числа руководителей структурных частей предприятий и организаций и их заместителей (с 2933 до 3778 человек)²⁷.

Другой серьезной кадровой проблемой являлся недостаток квалифицированных кадров в республике. Пополнение состава руководящих кадров и специалистов народного хозяйства работниками, имеющими высшее и среднее специальное образование, позволило улучшить их качественный состав, однако в 1961 году процент практиков в их составе оставался высоким: в промышленности – 41 %, в строительстве – 34 %²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в послевоенные годы государство проводило целенаправленную политику по вовлечению незанятого населения в общественное производство. Сфера занятости расширялась за счет новых категорий трудящихся, в том числе женщин, трудившихся в домашнем хозяйстве, пенсионеров, инвалидов, учащихся. В целях вовлечения их в производство широко использовались как массовая агитация и пропаганда, так и административные меры. Были предприняты важные шаги по развитию сферы обслуживания, созданию детских садов и яслей, организации свободного времени детей и подростков, позволившие в некоторой степени облегчить положение работающих женщин. Однако сохранялись более низкие по сравнению с мужчинами показатели дохода и престижа, представительство женщин в управлении и на руководящих постах, большая загруженность домашним хозяйством. К концу 1950-х годов была достигнута высокая степень трудовой активности населения республики: 50 %, а среди лиц трудоспособного возраста – 81 % были заняты в общественном производстве, что превышало соответствующие показатели в целом по стране. Среди областей и республик Северо-Западного экономического района Карелия в 1959 году имела самый высокий удельный вес рабочих (72,1 %), в то время как по стране – 48,2 % [10: 85]. Однако трудовой потенциал общества использовался при этом недостаточно эффективно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-2717. Оп. 4. Д. 204. Л. 87, 89, 95.
- ² Там же. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 65. Л. 15.
- ³ Там же. Ф. Р-1411. Оп. 6. Д. 68. Л. 53.
- ⁴ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 4050. Л. 1–2.
- ⁵ Там же. Ф. Р-1411. Оп. 8. Д. 38. Л. 258.
- ⁶ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3966. Л. 152–153.
- ⁷ Там же. Л. 156–157.
- ⁸ Там же. Л. 115–116.
- ⁹ Там же. Л. 116–117.
- ¹⁰ Там же. Д. 5048. Л. 7–8.
- ¹¹ Там же. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 75/477. Л. 92–94.
- ¹² Карельская АССР за 50 лет: Стат. сб. Петрозаводск: Карельское отделение издательства «Статистика», 1967. С. 142.
- ¹³ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 442. Л. 87.
- ¹⁴ Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сб. к 50-летию образования СССР. Петрозаводск: Карельское отделение в/о «Союзучетиздат», 1972. С. 103.
- ¹⁵ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 568. Л. 193; Д. 1063. Л. 37.
- ¹⁶ Карельская АССР за 50 лет... С. 93.
- ¹⁷ Карельская АССР. 60 лет: Стат. сб. Петрозаводск: Карелия, 1980. С. 72.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-659. Оп. 14. Д. 2. Л. 13.
- ¹⁹ Там же. Оп. 11. Д. 3685. Л. 290.
- ²⁰ Подсчитано по данным: Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 1020. Л. 221–222.
- ²¹ НА РК. Ф. Р-659. Оп. 14. Д. 1/3. Л. 11.
- ²² Там же. Оп. 12. Д. 28. Л. 7–9.
- ²³ Там же. Оп. 14. Д. 3. Л. 12–13.
- ²⁴ Там же. Л. 15.
- ²⁵ Там же. Л. 9.
- ²⁶ Там же. Оп. 12. Д. 12. Л. 40.
- ²⁷ Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 593. Л. 12.
- ²⁸ Там же. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 233. Л. 179.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов С. В. Кризисные явления в реализации политики всеобщей занятости населения в СССР, 1960–1980-е годы // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 2. С. 41–56.
2. Богданов С. В. Государство и трудовые ресурсы в России, конец XIX – конец XX столетия (историко-социальный анализ). М.: Компания КноРус, 2018. 288 с.
3. Кабиров А. Ш., Багманова Э. З. Организация системы защиты труда женщин в общественном производстве Татарстана в 1940–1950-е годы // Научный Татарстан. 2010. № 2. С. 35–42.
4. Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1945–1960 гг.: Историко-социологические очерки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 211 с.
5. Клинова М. А. Закрепление кадров в советской индустрии второй половины 1940-х гг.: административное принуждение и (или) материальное стимулирование // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2 (74). С. 24–30.
6. Мамяченков В. Н. Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х – начале 1950-х гг.: как заставить людей работать? (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2017. № 4. С. 168–187.
7. Мищенко Т. А. Ценностная мотивация женского труда в контексте советского гендерного порядка (1960–1980-е гг.) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2012. № 3 (7). С. 225–232.
8. Папков С. А. Сталинизм послевоенной эпохи. Принуждение к труду и чрезвычайное законодательство // Азиатская Россия и сопредельные государства: Сб. науч. трудов. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 293–304.
9. Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 192 с.
10. Покровская И. П. Социально-экономическая структура населения Карельской АССР // Вопросы истории Европейского Севера: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1976. С. 78–99.
11. Ситникова Е. Л. Женская занятость в России: исторические и современные аспекты // Развитие территорий. 2022. № 3. С. 63–70. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-63-70
12. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 371 с.
13. Фицпатрик Ш. «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: ООО «Вариант», 2008. С. 219–254.

Поступила в редакцию 28.11.2022; принята к публикации 16.01.2023

Original article

Lyudmila I. Vavulinskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-6404-7551; ludvav@mail.ru

EMPLOYMENT SITUATION IN KARELIA AFTER WORLD WAR II: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Abstract. Providing employment for the population is an essential precondition for social stability and wellbeing of people. These topics remain insufficiently covered in historical literature. This article analyzes major problems and regional features of the employment situation in Karelia after World War II using previously unpublished archival materials. The combination of the system approach, problem-chronological, historical-comparative, and statistical methods was used for the study. The key solutions for the staffing problem in the Republic are described, the forms and methods of involving citizens in public production, and the efficiency of labor potential use are analyzed, with special focus on the political dimension of the goal of “employment for everyone”. Particular attention is given to the causes of unemployment among certain population groups, particularly among women, and to the actions taken to develop the social sphere. Able-bodied working-age people evading “socially useful labor” and violating workplace discipline were subject to tough administrative penalties and criminal prosecution. It is stated in the conclusion that by the late 1950s the Republic achieved the target of high labor activity of the population, but women’s labor remained discriminated against and the labor potential was not used efficiently enough.

Keywords: Karelia, post-war years, employment, women’s labor, labor potential

Acknowledgements. The article was written as part of the state assignment given to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (No 121070700117-1).

For citation: Vavulinskaya, L. I. Employment situation in Karelia after World War II: problems and solutions. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.885

REFERENCES

1. Bogdanov, S. V. Crisis events in the implementation of the policy of mass population employment in the USSR, 1960–1980s. *Journal of Economic History and History of Economics*. 2011;12(2):41–56. (In Russ.)
2. Bogdanov, S. V. State and labor resources in Russia, the late XIX – the late XX centuries (historical and social analysis). Moscow, 2018. 288 p. (In Russ.)
3. Kabirova, A. Sh., Bagmanova, E. Z. Organization of the system of women’s labor protection in public production in Tatarstan in the 1940s and the 1950s. *Scientific Tatarstan*. 2010;2:35–42. (In Russ.)
4. Klementyev, E. I., Kozhanov, A. A. Rural environment and population of Karelia. 1945–1960. Historical and sociological essays. Leningrad, 1988. 211 p. (In Russ.)
5. Klinova, M. A. Personnel retention in the Soviet industry in the mid-to-late 1940s: administrative enforcement and/or material incentives. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2018;2(74):24–30. (In Russ.)
6. Mamyachenkov, V. N. Policy of Soviet state in sphere of labor relations in 1940s – early 1950s: how to get people work? (on materials of Sverdlovsk region). *Scientific Dialogue*. 2017;4:168–187. (In Russ.)
7. Mishchenko, T. A. Values is the motivation of female labor in the context of the Soviet gender order (1960–1980-ies). *XXI Century: Resumes of the Past and Challenges of the Present plus*. 2012;3(7):225–232. (In Russ.)
8. Papkov, S. A. Stalinism of the post-war era. Forced labor and emergency legislation. *Asian Russia and neighboring states. Collection of articles*. Novosibirsk, 2013. P. 293–304. (In Russ.)
9. Pokrovskaya, I. P. Population of Karelia. Petrozavodsk, 1978. 192 p. (In Russ.)
10. Pokrovskaya, I. P. Socio-economic structure of the Karelian ASSR population. *Topics in the study of the European North history: Interuniversity collection of articles*. Petrozavodsk, 1976. P. 78–99. (In Russ.)
11. Sitnikova, E. L. Women’s employment in Russia: historical and modern aspects. *Territory Development*. 2022;3:63–70. (In Russ.)
12. Hasbulatova, O. A. Russian gender policy in the XX century: myths and realities. Ivanovo, 2005. 371 p. (In Russ.)
13. Fitzpatrick, Sh. “Social parasites”: how tramps, idle youth, and busy entrepreneurs impeded the Soviet march to communism. *Soviet social policy: scenes and actors, 1940–1985*. Moscow, 2008. P. 219–254. (In Russ.)

Received: 28 November 2022; accepted: 16 January 2023

ОКСАНА ЮРЬЕВНА РЕПУХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0348-2629; Repukhova@yandex.ru

СЕКРЕТНО-МОБИЛИЗАЦИОННОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО В СССР В ПРЕДВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

А н н о т а ц и я . Изучение истории мобилизационной подготовки в межвоенный период в СССР сохраняет острую актуальность. Одним из достижений советской мобилизационной подготовки было формирование системы секретно-мобилизационного делопроизводства в гражданских учреждениях, организациях и предприятиях. В статье представлен сравнительный анализ впервые вовлекаемых в научный оборот инструкций по секретно-мобилизационному делопроизводству в СССР 1930-х – начала 1940-х годов в городских и районных исполнительных комитетах. Анализируемые документы позволяют составить представление о регламенте обеспечения секретности мобилизационного делопроизводства указанного периода. Обоснованы выводы о том, что секретно-мобилизационное делопроизводство являлось частью системы советской общегосударственной мобилизационной подготовки и развивалось в течение предвоенного десятилетия, отражая ее изменения. В 1930 году впервые была разработана «рамочная» инструкция по ведению секретно-мобилизационного делопроизводства в гражданских учреждениях и организациях. Опыт предвоенного десятилетия позволил выработать репрезентативный делопроизводственный порядок, соответствующий сложившейся к началу 1940-х годов системе мобилизационной подготовки в стране. Показаны изменения в регламенте и технике секретно-мобилизационного делопроизводства, требованиях к его организации, сотрудникам и их функциям, выявлены основные направления и тенденции в развитии общегосударственной системы мобилизационной подготовки в динамике предвоенного десятилетия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : мобилизационная подготовка в СССР, секретно-мобилизационное делопроизводство, районные и городские исполнительные комитеты

Д л я ц и т и р о в а н и я : Репухова О. Ю. Секретно-мобилизационное делопроизводство в СССР в предвоенное десятилетие // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 50–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.886

ВВЕДЕНИЕ

История мобилизационной политики Советского государства в условиях модернизации межвоенного периода вызывает значительный интерес современных исследователей. Анализируются ее роль и значение в модернизации страны [11], ее политические, экономические [9], пространственные аспекты [8]. При этом к осмыслению секретности как специфической особенности советского общества межвоенного периода обращались отечественные и зарубежные авторы в контексте изучения истории «партийной тайны» [2], форм политического контроля за распространением информации, настроениями в советском обществе [3], истории государственного контроля путем введения паспортной системы и администрирования на районном уровне [14], режимности на предприятиях [13] и в уч-

реждениях [15]. Исследования специалистов позволили выявить многоуровневость советской секретности [7: 125], показать широкую трактовку «государственной и партийной тайны» [7: 129], раскрыть организацию защиты информации путем ограничения и фильтрации органами безопасности круга лиц, имевших к ней доступ. Важное значение имеют выводы об истории советского государственного делопроизводства в целом [1].

Ограниченный доступ к архивным фондам, позволяющим изучать историю мобилизационной подготовки, открылся сравнительно недавно [12: 14], а источники делопроизводственного характера фактически не введены в научный оборот. Первые упоминания о многоуровневой системе секретности в отношении информации, касающейся вопросов мобилизационной под-

готовки, появились в исследованиях на рубеже 1990-х – 2000-х годов [4: 10]. В работах последних лет рассмотрены советские принципы защиты информации и критерии отнесения сведений к государственной тайне [5], поставлены вопросы о специфике изучения истории защиты гос-тайны [6], впервые упоминается «Инструкция по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства в учреждениях и на предприятиях», утвержденная в 1940 году СНК СССР [5: 54]. Таким образом, историографическая традиция изучения истории формирования советского секретно-мобилизационного делопроизводства в гражданских учреждениях и организациях только складывается.

История становления и развития советского секретно-мобилизационного делопроизводства как деятельности, обеспечивающей документирование, документооборот, оперативное хранение и использование документов, отражающих мобилизационную подготовку в период 1930-х – начала 1940-х годов в гражданских учреждениях и организациях, представляет научный интерес. В 1930-х годах в СССР впервые складывалось секретно-мобилизационное делопроизводство на общегосударственном уровне, был разработан делопроизводственный порядок для всех мобилизационных органов гражданских учреждений и организаций от союзных до районных. Накопленный в течение предвоенного десятилетия опыт позволил выработать максимально полный делопроизводственный регламент, соответствующий сложившейся к началу 1940-х годов системе мобилизационной подготовки в стране. В этом смысле особенно перспективно изучение впервые вовлекаемых в научный оборот инструкций секретно-мобилизационного делопроизводства 1930 и 1941 годов. Сравнительный анализ по выборочным позициям указанных документов, их верификация с другими источниками, выявленными в федеральных (ГА РФ, РГВА, РГАС) и региональных (НА РК, ЦГА СПб) архивах, позволяют составить представление о правилах и технике секретно-мобилизационного делопроизводства, требованиях к его организации, сотрудникам, их функциям, выявить основные направления и тенденции в развитии общегосударственной системы мобилизационной подготовки в динамике предвоенного десятилетия.

* * *

Переломным в формировании системы советской мобилизационной подготовки был 1930 год. В апреле был разработан первый общегосударственный мобилизационный план (МП 1930 года), включавший в себя эвакуационный план. Начиная с конца 1920-х годов

в союзных и объединенных наркоматах и ведомствах были сформированы мобилизационные отделы (или бюро) [9: 57]. Ситуация, когда сотрудники моботделов выполняли мобилизационную работу как дополнительную нагрузку, по совместительству, не оправдывала себя, и мобработку рассматривали как основную. С 1930 года начали вменять функции по мобподготовке в компетенцию районных (и городских) исполнительных комитетов (исполкомов). Система мобподготовки приобрела вертикальную структуру. Моборганы были созданы на всех уровнях исполнительной власти государства: от общесоюзных, республиканских до районных [9: 57].

В следующее десятилетие система общегосударственной мобподготовки развивалась с точки зрения управления, структуры и направлений реализации: от сформулированных в наиболее общем виде в 1920-х годах¹ к конкретным для исполнения низовыми административными аппаратами (РИК, горсовет, сельсовет) в 1930-х – начале 1940-х годов. Одним из результатов ее развития была разработка МП, которые в течение напряженного предвоенного десятилетия приходилось неоднократно корректировать (в 1933, 1935, 1938, 1940 годах²) как с учетом изменений внешнеполитических угроз для Советского государства, так и в связи с утечками секретно-мобилизационной информации.

Секретно-мобилизационное делопроизводство являлось частью системы советской общегосударственной мобподготовки. Его развитие в течение предвоенного десятилетия отражало изменения системы мобподготовки: с момента введения первого общесоюзного МП в 1930 году и до рубежа 1940–1941 годов, когда МП 1940 года разрабатывали уже на фоне начавшейся Второй мировой войны.

По мере вовлечения в процесс мобподготовки гражданских учреждений, расширения направлений мобработки, разветвления мобаппарата и, соответственно, увеличения численности гражданских служащих – мобработников, получивших доступ к секретной информации, нарастала потребность в организации и регламентации их взаимодействия с целью предотвращения утечек о мобилизационном и эвакуационном планировании.

Необходимость четкой организации секретно-мобилизационного делопроизводства и дисциплины в ее соблюдении была связана, помимо прочего, с тем, что сотрудники в мобаппарате гражданских учреждений чаще всего не имели военного или другого опыта службы в силовых структурах. С созданием мобилизационных органов в 1930 году на уровне РИКов,

горсоветов, сельсоветов, когда мобработка стала зоной ответственности председателей сельсоветов и правлений колхозов, директоров совхозов³, круг лиц, имевших доступ к информации по проведению мобподготовки, расширился и обеспечить его укомплектование подготовленными специалистами было сложно.

Для оказания помощи низовому административному аппарату в организации мобподготовки (составление заявок к МП и его исполнение) на места были направлены комиссии и инструкторы по мобработе⁴. Были организованы специальные обучающие курсы для мобработников [10]. Но в начале 1930-х годов даже теория организации мобработки на уровне местной исполнительной власти была плохо продумана. При подготовке курсов мобработников гражданских учреждений при штабе РККА Московского военного округа в 1930 году их организаторы ожидали, что самые большие трудности в преподавании вызовут именно темы «Мобработка и мобплан РИКа», «т. к. на этот счет очень мало имеется руководящих указаний...»⁵.

Таким образом, в начале 1930-х годов сложилась ситуация, когда по мере вовлечения в общегосударственную мобподготовку исполнительных органов на местах остро требовалась регламентация секретно-мобилизационного делопроизводства. В октябре 1930 года ОГПУ была разработана и введена инструкция по ведению единого секретно-мобилизационного делопроизводства в райисполкомах⁶. Это было сделано впервые, поскольку прежний регламент делопроизводства, разработанный военным ведомством, не был предназначен к применению низовой гражданской исполнительной властью. Спустя десять лет, на рубеже 1940–1941 годов, на основе приобретенного опыта мобработки инструкция 1930 года была переработана, дополнена и утверждена в 1941 году как инструкция по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства в исполнительных комитетах районных и городских Советов депутатов трудящихся⁷.

Если инструкция по ведению единого секретно-мобилизационного делопроизводства в райисполкомах 1930 года содержала всего 6 разделов (Общее положение, Помещение секретного делопроизводства и хранение документов, Техника секретного делопроизводства, Прием пакетов и исполнение секретной корреспонденции, Конвертирование и отправка секретных пакетов, Заключительная часть) (46 пунктов сквозной нумерации)⁸, то в документе 1941 года издания выделено 14 разделов и приложения (109 пунктов сквозной нумерации)⁹.

В текст инструкции были введены новые разделы: О порядке обращения секретных докумен-

тов внутри учреждения и предприятия, О порядке печатания секретных материалов, О порядке уничтожения секретных и мобилизационных документов или дел, О секретных и мобилизационных архивах, Организация секретных заседаний (совещаний) и обращение с секретными материалами на них, О пользовании секретными материалами при командировках, О порядке приема и сдачи дел секретного (мобилизационного) отдела, Порядок инспектирования секретных и военных (мобилизационных) отделов, О порядке пользования инструкцией и ответственность за нарушение секретности. Содержание внесенных в 1941 году в текст инструкции новых разделов регламентировало те формы взаимодействия по мобподготовке, которые активно реализовывались в течение 1930-х годов, но либо не были освещены в инструкции 1930 года, либо были затронуты поверхностно.

Другие разделы, уже предусмотренные в инструкции 1930 года, значительно выросли по объему за счет детального описания регламента действий. Например, в инструкции 1930 года раздел «Конвертирование и отправка секретных пакетов» содержит три абзаца довольно общих фраз, а в инструкции 1941 года конвертированию секретной и мобкорреспонденции посвящено 8 пунктов, содержание которых не предполагает двойного толкования¹⁰. Необходимость расширения содержания разделов в инструкции, их конкретизация были продиктованы негативными прецедентами в практике мобработки 1930-х годов.

В 1930 году для ведения секретно-мобилизационного делопроизводства в районном исполкоме, помимо других отделов (общего, земельного, финансового, административного и других¹¹), были сформированы секретные отделы. Для ведения мобделопроизводства был назначен ответственный – заведующий секретным мобделопроизводством. Это была его основная работа, но инструкция 1930 года позволяла, в случае небольшой нагрузки, привлекать его для выполнения других функций по совместительству. В больших районах, где предполагалась значительная по объему секретная переписка, выделяли дополнительную штатную единицу уполномоченного, на которого возлагалась обязанность по ведению секретной переписки по совместительству¹².

К 1940 году секретные отделы РИКов, состоявшие из одного заведующего секретным мобделопроизводством, переросли в секретные части, включавшие как минимум начальника части и машинисток секретных и мобилизационных документов. Более того, руководитель РИКа, горсовета исходя из реальной ситуации вырабатывал и утверждал номенклатуру должностей,

связанных с секретными и мобилизационными документами и работами¹³. Причем, если инструкцией 1930 года допускалось, в случае недостаточной нагрузки машинистки секретной работой, ее привлечение к печатанию несекретной переписки¹⁴, то в инструкции 1941 года такая возможность даже не упоминается. Аналогичная ситуация была с рабочей нагрузкой начальника секретной части: возможности привлекать его для выполнения других функций в инструкции 1941 года нет. Объем секретно-мобилизационного делопроизводства вырос.

Кандидаты на замещение должностей в секретной части должны были быть членами ВКП(б) и иметь безупречную репутацию. В 1930 году кандидата на должности, связанные с секретно-мобилизационной работой в сельсовете, еще могли назначить без предварительного согласования в районном отделении ОГПУ¹⁵. Инструкция 1941 года предписывала, что кандидаты на должности, связанные с секретными и мобилизационными работами и документами, должны получать разрешение в НКВД¹⁶.

Для оформления допуска согласовываемого кандидата на должность в секретную часть в начале 1930-х годов необходимо было представить в органы госбезопасности анкету и рекомендации от двух членов ВКП(б). Инструкция 1941 года повысила эти требования: анкета сопровождалась фотокарточкой, подробной автобиографией, политическим и деловым отзывом (характеристикой) с последнего места работы оформляемого и препроводительным письмом руководителя исполкома, в котором подробно обосновывалась необходимость допуска кандидата к секретно-мобилизационной работе¹⁷. Оформление и согласование допуска к секретным работам и документам осуществлялось так, чтобы сам кандидат об этом не знал¹⁸. Районный отдел органа госбезопасности оформлял принятое после проверки решение специальным извещением. Затем кандидат проходил инструкцию и давал подписку о неразглашении государственной тайны¹⁹.

В инструкции 1941 года дополнительно подчеркивалось, что работник, отведенный органами НКВД от секретной или мобработки, ни в коем случае к ней не допускался, при этом категорически было запрещено ссылаться на органы НКВД²⁰. В случае дальнейшего увольнения сотрудника с секретно-мобилизационной работы исполком направлял в райотдел органа госбезопасности извещение о причинах увольнения и снятии с учета, а также подробную характеристику на него. Увольняемый сотрудник снова предоставлял подписку о неразглашении государственной тайны²¹.

Круг обязанностей сотрудников секретной части в течение предвоенного десятилетия оставался таким, каким его сформировали в инструкции 1930 года²². Однако в начале 1940-х годов формулировки функциональных обязанностей были конкретизированы и расширены с точки зрения ответственности за сохранение государственной тайны: организация постановки секретного делопроизводства и обеспечение сохранения государственной тайны; наблюдение за правильным обращением с секретными материалами; обработка секретной переписки; учет сотрудников, допускаемых к секретным и мобилизационным документам; исполнение секретной переписки по поручению руководителя; организация и ведение секретного архива; организация хранения и правильного использования множительных аппаратов²³.

Отметим, что рост объема секретно-мобилизационного делопроизводства сказался даже на периодичности внутренней ревизии наличия документов: если инструкция 1930 года требовала, чтобы заведующий секретным мобделопроизводством производил проверку наличия документов по описи с регулярностью раз в десять дней²⁴, то в инструкции 1941 года указано требование проводить подобную проверку один раз в месяц²⁵.

Для ведения секретно-мобилизационного делопроизводства с начала 1930-х годов в здании местного исполкома требовалось выделить изолированное помещение, вход в которое был категорически запрещен для посторонних лиц. На ночь помещение опечатывали. Даже его уборка проводилась в присутствии сотрудника секретного делопроизводства²⁶. Для выдачи справок, приема секретной корреспонденции было предусмотрено отдельное помещение, «устроен барьер или прорезано окошко»²⁷. Хранение секретно-мобилизационной корреспонденции и документов разрешалось только в нескораемых шкафах. Изымать секретные документы и работать с ними «на дому» категорически запрещалось²⁸.

К концу предвоенного десятилетия алгоритм хранения секретных и мобилизационных документов в целом оставался прежним, но в инструкции 1941 года он описан более подробно (объем информации вырос в два раза), содержит детали, которые прежде не учитывались: о креплении легких сейфов, хранении ключей от хранилищ учреждения, противопожарном обеспечении помещения секретной части, требованиях к дверным замкам и решеткам на окнах и т. п.²⁹ Важно отметить, что инструкция 1941 года указывала на обеспечение хранения мобилизационных документов и дел в сейфах отдельно от секретных документов³⁰.

К началу 1940-х годов был существенно упорядочен регламент техники секретно-мобилизационного делопроизводства. Если в инструкции 1930 года этому вопросу посвящено три раздела, информация в которых размещена отчасти хаотично³¹, то в инструкции 1941 года последовательно и подробно изложен порядок учета, регистрации, рассылки секретных и мобилизационных документов, порядок обращения документов внутри учреждения, порядок печатания документов, порядок учета и ведения секретно-мобилизационных дел³². Об уровне детализации техники секретно-мобилизационного делопроизводства можно судить по описанию порядка конвертирования корреспонденции, содержащей указания вплоть до типа прошивки конверта и вида иглы³³. А негативный опыт, связанный с утечкой информации о мобработе, например, получил отражение в описании функциональных обязанностей машинистки, вплоть до директивы о том, что «за разбором непонятных слов в черновике машинистка обращается к заведующему секретной частью или к работнику, давшему для печати документ»³⁴.

Репрезентативным к ситуации в начале 1940-х годов было включение в инструкцию раздела о секретных и мобилизационных архивах. Если в инструкции 1930 года о ведении и хранении архива только упоминается как об обязанности ответственного за секретно-мобилизационное делопроизводство³⁵, то в документе 1941 года заданы регламент оформления архивных дел и их передача, согласно постановления ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1936 года, в областные архивные управления НКВД³⁶. Впервые были прописаны действия сотрудников секретной части в условиях оперативной эвакуации в пограничной полосе. При этом секретные материалы, необходимые для текущей работы в исполкомах, расположенных в пограничной полосе, были разделены на категории: 1-й категории материалы, подлежащие эвакуации в случае угрозы, и 2-й – подлежащие уничтожению на месте. Распределение материалов по этим категориям утверждалось председателем исполкома³⁷.

В течение предвоенного десятилетия объемом секретной и мобилизационной корреспонденции значительно вырос, и это потребовало привлечения к ее доставке всей сложившейся в стране почтовой сети. Если в начале 1930-х годов иногороднюю секретно-мобилизационную корреспонденцию пересылали через фельдъегерскую связь ОГПУ и только в те населенные пункты, где фельдсвязь не была установлена, документы пересылали через пункты НКПТ почтой «Особой важности»³⁸, то согласно инструкции 1941 года эту пересылку осуществляло Управление Специальной связи НКС СССР³⁹. При этом

следует учитывать, что требования мобподготовки к почтовым служащим были сформированы органами госбезопасности еще в 1920-х годах. Кроме того, ситуация свидетельствовала о том, что часть несвойственных органам госбезопасности функций в начале 1940-х годов были переложены на наркоматы, характер работы которых более им соответствовал.

Согласно инструкции 1930 года, отправка секретно-мобилизационных документов в учреждения производилась в пакетах с указанием уровня секретности и срочности корреспонденции литерами, введенными фельдъегерским корпусом («А», «В», «К»). Серией «К» пересылалась совершенно секретная и секретная (срочная и несрочная) корреспонденция, предназначенная, ввиду ее особой важности или персональной принадлежности, только в собственные руки (под личную расписку на конверте) адресата. Серией «А» пересылали совершенно секретную и секретную срочную секретно-мобилизационную корреспонденцию, серией «В» – остальную совершенно секретную и секретную переписку⁴⁰. Разделение всех секретных и мобилизационных документов на две категории: совершенно секретные и секретные, правила применения литер сохранились и в начале 1940-х годов⁴¹.

Инструкция 1941 года содержала важное уточнение в распределении сведений между совершенно секретной и секретной перепиской, свидетельствующее о направлениях мобработы на уровне районных и городских исполкомов. К совершенно секретной переписке были отнесены сведения о МП исполкома и все относящиеся к нему материалы; решения суженных заседаний (СЗ) исполкома и материалы проверки исполнения этих решений; переписка по укомплектованию людским составом и материалами войсковых частей; отвод помещений для войсковых частей; поставка для армии автотранспорта, повозок и упряжи; заявки войсковых частей по оборонному строительству; вопросы, связанные с местной противовоздушной обороной; вопросы материального обеспечения капитального строительства НКО и НКВД; организация госпиталей; переписка по вопросам мобилизационного фонда⁴². К секретной переписке были отнесены сведения по отводу военному ведомству земель под оборонное строительство; вопросы о выполнении спецзаказа местными предприятиями; сведения о заболеваемости скота; вопросы организации секретного и мобилизационного делопроизводства⁴³.

Показателем негативных прецедентов в практике мобработы 1930-х годов и роста уровня секретности было введение в инструкцию 1941 года специального раздела об организации и проведении секретных заседаний исполкомов, посвященных вопросам мобподготовки⁴⁴. Инструк-

ция 1930 года содержала общее указание о том, что вопросы мобработки должны обсуждаться на закрытых заседаниях без секретарей и докладчиков с ведением протокола самим председательствующим⁴⁵. С февраля 1931 года эти закрытые заседания были преобразованы решением СНК РСФСР в СЗ президиумов РИКов. В инструкции 1941 года были представлены детальный регламент проведения секретных СЗ и обращение с секретными материалами на них. Особо секретные СЗ должны были проводиться руководителем учреждения, без секретарей и со строго ограниченным кругом участников⁴⁶. Более того, в начале 1940-х годов список членов секретных СЗ не был утвержденным: выдача постоянных мандатов представителям исполкомов, участвующих в секретных заседаниях, или постоянных справок об их допуске к секретным работам была запрещена. На каждое секретное заседание мандат или справка выдавались отдельно⁴⁷.

Анализ содержания инструкций 1930 и 1941 годов позволяет сделать вывод о проявлении на рубеже 1940–1941 годов тенденции к ограничению вмешательства органов госбезопасности во все без исключения направления реализации мобподготовки, что проявлялось с конца 1926 года и было обусловлено доктриной политической охраны государственной границы. Так, в примечании к разделу о порядке инспектирования секретных и мобилизационных (военных) отделов указан перечень видов деятельности, которые могли самостоятельно обследовать органы НКВД: ведение делопроизводства, порядок обращения и хранения мобилизационных документов, порядок допуска к этим документам,

состояние помещения и охраны⁴⁸. А вот проверку мобготовности и существа мобработки представители органов НКВД могли проводить только по поручению Комитета Обороны при СНК СССР⁴⁹, влияние которого возросло в связи с началом Второй мировой войны в 1939 году.

ВЫВОДЫ

Секретно-мобилизационное делопроизводство являлось частью системы советской общегосударственной мобподготовки и развивалось в течение предвоенного десятилетия, отражая ее изменения. С вменением функций по мобподготовке в компетенцию районных и городских исполкомов с начала 1930-х годов в СССР был впервые разработан «рамочный» секретно-мобилизационный делопроизводственный порядок для гражданских учреждений. На основе опыта проведения мобработки в предвоенное десятилетие регламент обеспечения секретности и техники секретно-мобилизационного делопроизводства были значительно расширены и детализированы в 1941 году. Требования к обеспечению секретности делопроизводства и сотрудникам секретных частей возросли. В содержании инструкций получили отражение эвакуационное планирование, направления мобработки на уровне районных и городских исполкомов, регламент проведения секретных суженных заседаний исполкомов, разграничение сфер контроля мобработки между органами безопасности и военным ведомством. Опыт предвоенного десятилетия позволил выработать репрезентативный делопроизводственный регламент, соответствующий сложившейся к началу 1940-х годов системе мобилизационной подготовки в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8418. Оп. 1. Д. 111. Л. 13–61.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 92. Д. 209. Л. 218.

³ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р 690. Оп. 10. Д. 2. Л. 8–9.

⁴ Там же.

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7. Оп. 10. Д. 961. Л. 899–900.

⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 19–11.

⁷ Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 8–9.

⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 19–11.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 1–34.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Постановление президиума ЦИК СССР № 42 ст. 433 от 8 августа 1930 г. «О типовых ориентировочных штатах районных исполнительных комитетов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://istmat.org/node/49994> (дата обращения 10.06.2022).

¹² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 18.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 3.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 12.

¹⁵ Там же. Л. 18–17.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Там же.

²¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 18–17; ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 4.

²² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 19.

- ²³ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 2.
²⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 16.
²⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 2.
²⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 16.
²⁷ Там же. Л. 17.
²⁸ Там же.
²⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 12.
³⁰ Там же. Л. 11.
³¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 16–11.
³² ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 6–11.
³³ Там же. Л. 7.
³⁴ Там же. Л. 10.
³⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 19.
³⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 14.
³⁷ Там же.
³⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 15.
³⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 8.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Там же. Л. 6–8.
⁴² Там же. Л. 33.
⁴³ Там же. Л. 33–34.
⁴⁴ Там же. Л. 14–16.
⁴⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 13.
⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 16.
⁴⁷ Там же. Л. 14–16.
⁴⁸ Там же. Л. 18.
⁴⁹ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева Е. В. Становление и развитие советского государственного делопроизводства // Экономическая история. 2018. Т. 14, № 4. С. 369–380.
2. Зеленев М. В. Создание и функционирование общесоюзного органа военной цензуры – Отдела военной цензуры при Уполномоченном СНК СССР по охране военных и государственных тайн в 1933–1940 гг. // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: Материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. В. Блюма, 27–28 мая 2014 г. / Науч. ред. М. В. Зеленев. СПб., 2015. С. 248–257.
3. Измозик В. С. Государственный политический контроль за населением советской России (1917–1928). СПб., 2021. 278 с.
4. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999. 275 с.
5. Куренков Г. А. Защита государственной тайны в СССР как элемент системы обеспечения безопасности страны перед Великой Отечественной войной // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2018. Т. 4 (70), № 3. С. 51–59.
6. Куренков Г. А. Специфика изучения истории защиты государственной тайны // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: Материалы XXVI междунар. науч. конф. / Сост. А. А. Плеханов. М., 2022. С. 341–348.
7. Парамонов В. Н. Секретность в советском обществе в 1920–1940-х гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2 (93). С. 125–133.
8. Побережников И. В. Восточные регионы в контексте российских модернизаций: специфика развития (XVIII – начало XX в.) // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков: специфика регионального развития: Сб. статей / Отв. ред. А. С. Бушуев. Казань, 2012. С. 28–35.
9. Репухова О. Ю. Поиск оптимальной структуры управления общегосударственной «военизацией» в СССР в 1920-х гг. // Исторические чтения на Лубянке. Органы государственной безопасности России в годы реорганизаций и реформ в XIX–XXI веках: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. / Сост. А. А. Плеханов, А. Б. Таранин. М., 2020. С. 51–60.
10. Репухова О. Ю. Организация курсов подготовки мобилизационных работников гражданских наркоматов и учреждений Советского государства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 80–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.416
11. Сенявский А. С. Мобилизационная модель экономического развития как основа форсированной индустриальной модернизации СССР. Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков: специфика регионального развития: Сб. статей / Отв. ред. А. С. Бушуев. Казань, 2012. С. 126–137.
12. Симонов Н. С. ВПК СССР: Темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. М., 2015. 500 с.
13. Соколов А. К. Режимность на советских предприятиях // Режимные люди в СССР / [Отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов]. М., 2009. С. 99–127.
14. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня: Пер. с англ. М., 2008. 422 с.
15. Хорхордина Т. И. Хранители секретных документов // Режимные люди в СССР / [Отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов]. М., 2009. С. 67–96.

Поступила в редакцию 17.01.2023; принята к публикации 27.02.2023

Original article

Oksana Yu. Repukhova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-0348-2629; Repukhova@yandex.ru

CLASSIFIED MOBILIZATION RECORDS MANAGEMENT IN THE USSR DURING THE PRE-WAR DECADE

Abstract. The study of the history of mobilization training in the interwar period in the USSR remains highly relevant. One of the achievements of Soviet mobilization training was the formation of a system of secret mobilization records management in civilian institutions, organizations, and enterprises. The article is aimed at conducting a comparative analysis of previously unstudied instructions on classified mobilization records management in the Soviet city and district executive committees during the 1930s and early 1940s. The analyzed documents help to form a picture of the regulations for ensuring the secrecy of mobilization records management in the said period. The article substantiated the conclusions that classified mobilization records management was part of the Soviet nationwide mobilization training system and developed during the pre-war decade, reflecting the changes of this system. In 1930, the first-of-its-kind “framework” instruction on classified mobilization paper management in civil institutions and organizations was developed. The experience of the pre-war decade made it possible to develop a representative documentation management procedure that corresponded to the country’s system of mobilization training formed by the early 1940s. The article traces changes in the regulations and techniques of classified mobilization paper management, and the requirements for its organization, employees and their functions. It also identifies the main directions and trends in the development of the national mobilization training system in the dynamics of the pre-war decade.

Key words: mobilization training in the USSR, classified mobilization records management, district and city executive committees

For citation: Repukhova, O. Yu. Classified mobilization records management in the USSR during the pre-war decade. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):50–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.886

REFERENCES

1. Zaitseva, E. V. Formation and development of state records management in the Soviet period. *Russian Journal of Economic History*. 2018;14(4):369–380. (In Russ.)
2. Zelenov, M. V. Creation and functioning of the all-Union body of military censorship – the Department of Military Censorship under the Commissioner of the USSR Council of People’s Commissars for the Protection of Military and State Secrets in 1933–1940. *History of books and censorship in Russia. The III Blum Readings: Proceedings of the III international research conference in memory of A. V. Blum*. St. Petersburg, 2015. P. 248–257. (In Russ.)
3. Izmozik, V. S. State political control over the population of Soviet Russia (1917–1928). St. Petersburg, 2021. 278 p. (In Russ.)
4. Kilin, Yu. M. Karelia in the politics of the Soviet state, 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. 275 p. (In Russ.)
5. Kurenkov, G. A. Protection of state secrets in the USSR as a part of the security system of the country before the Great Patriotic War. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science*. 2018;4(70),3:51–59. (In Russ.)
6. Kurenkov, G. A. Specifics of studying the history of protecting state secrets. *Lubyanka Historical Readings. Russian and foreign special services: history and modern times: Proceedings of the XXVI international research conference*. (A. A. Plekhanov, Ed.). Moscow, 2022. P. 341–348. (In Russ.)
7. Paramonov, V. N. Privacy in Soviet society in 1920–1940s. *Vestnik of Samara State University*. 2012;2/2(93):125–133. (In Russ.)
8. Poberezhnikov, I. V. Eastern regions in the context of Russian modernizations: specifics of development (XVIII – early XX centuries). *Historical experience of Russian modernizations of the XIX–XXI centuries: region-specific development: Collection of articles*. (A. S. Bushuyev, Ed.). Kazan, 2012. P. 28–35. (In Russ.)
9. Repukhova, O. Yu. The search for the optimal structure of managing the nationwide “paramilitarization” in the USSR in the 1920s. *Lubyanka Historical Readings. Russian state security bodies during the reorganization and reforms of the XIX–XXI centuries: Proceedings of the XXIV international research conference*. Moscow, 2020. P. 51–60. (In Russ.)
10. Repukhova, O. Yu. Organization of training courses for mobilization personnel of civil People’s Commissariats and other government agencies in the Soviet state. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;8(185):80–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.416 (In Russ.)
11. Senyavsky, A. S. Mobilization model of economic development as the foundation for forced industrial modernization in the USSR. *Historical experience of Russian modernizations of the XIX–XXI centuries: region-specific development: Collection of articles*. (A. S. Bushuyev, Ed.). Kazan, 2012. P. 126–137. (In Russ.)
12. Simonov, N. S. Military industrial complex of the USSR: Economic growth rates, structure, organization of production, management. Moscow, 2009. 500 p. (In Russ.)
13. Sokolov, A. K. Regimentation of Soviet enterprises. *Regimented people in the USSR*. (T. S. Kondratyeva, A. K. Sokolov, Eds.). Moscow, 2009. P. 99–127. (In Russ.)
14. Fitzpatrick, Sh. Stalin’s peasants. Social history of Soviet Russia in the 1930s. Moscow, 2008. 422 p. (In Russ.)
15. Horhordina, T. I. Classified document keepers. *Regimented people in the USSR*. (T. S. Kondratyeva, A. K. Sokolov, Eds.). Moscow, 2009. P. 67–96. (In Russ.)

Received: 17 January 2023; accepted: 27 February 2023

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской
академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

ЛУБОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОСТРОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В БЫЛИНАХ

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются фантазийные (выдуманные) топонимы, проникающие в былины на позднем этапе их развития, что является отражением затухания в песенном эпосе функции исторической памяти. Эффективным источником фантазийных топонимов стала рукописная традиция повестей и их лубочных изданий (переделок). В области пространства в былинах прочитываются следы «Повести об Андрее Критском», «Повести о Еруслане Лазаревиче», «Повести о Бове-королевиче», «Гистории о российском матросе Василии Кориотском». Этот факт в очередной раз свидетельствует о взаимопроницаемости устной и письменной составляющих в традиционной культуре русского народа. Фантазийные топонимы, порожденные лубочной литературой, образуют пространство не только былин-новообразований («Подсолнечное царство», «Женитьба Пересмякина племянника», «Рында», «Гарвес», «Еруслан Лазаревич»), но и становятся элементами пространства традиционных сюжетов («Козарин», «Иван Годинович», «Волх Всеславьевич», «Вольга и Микула», «Василий Игнатьевич и Батыга», контаминация былин о Добрыне: «Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем», «Добрыня и Алеша» и «Добрыня и Змей»).

К л ю ч е в ы е с л о в а : былины, пространство в былинах, былинные топонимы, древнерусские повести, лубочные сказки

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванова Т. Г. Лубочная литература и ее влияние на построение пространства в былинах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 58–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.887

ВВЕДЕНИЕ

Пространство русского эпоса, при всех мифологических основах былин и условности основных сюжетов (Илья Муромец пленяет чудовище Соловья-разбойника, от свиста которого погибают люди; Добрыня Никитич бьется со Змеем, пышущим огнем; Алеша Попович убивает Тугарина Змеевича, который умеет летать; Илья один сражается со всем татарским войском и т. д.), весьма узнаваемо. Это Киев, Чернигов, Муром, Рязань, Ростов, Галич, Новгород, Днепр, Волхов, Хвалынское (Каспийское) море, Верейское / Вирянское (Балтийское) море и т. д., то есть пространство Древнерусского государства, а также зарубежья – Золотая Орда (Орда), Литва, Иерусалим, Индия и пр. Все это многообразие топонимов свидетельствует о широте географических представлений творцов былин и о глубине исторической памяти эпоса. Однако на позднем этапе жизни былин историческая память жанра начинает угасать и в песенном эпосе появляются фантазийные (выдуманные) топонимы, отдельные механизмы возникновения которых мы и попытаемся рассмотреть.

Наиболее эффективным способом создания фантазийных топонимов оказывается опора на рукописную повесть и лубочную литературу. Утрата былинной традицией функции исторической памяти проявляется в смыкании эпического пространства с пространством древнерусских рукописных повестей и производных от них лубочных повестей и сказок.

На Пинеге в одном из вариантов «Козарина» имеется *земля Критское*, откуда, как заявляет спасенная полонянка, она родом: «Я *земли Критское*, роду-племени богатырского» (Былины Пинеги, № 88, ст. 30; сказитель Василий Кокорин из д. Кеврола)¹, при этом собиратель А. Д. Григорьев делает следующее пояснение: «Название земли появилось, конечно, под влиянием сказания об Андрее Критском» (Былины Пинеги. С. 636). Рукописная «Повесть об Андрее Критском» основана на популярном в разных формах литературы и фольклора Эдиповом сюжете²: отцу героя предсказано, что сын убьет его и женится на своей матери; родившегося младенца мать приказывает привязать к доске и от-

править в море; его спасают монашенки, которых он, войдя в возраст, растлевает; затем герой появляется в Крите, нанимается сторожить виноградник своего неузнанного отца и убивает его, приняв за вора; после этого Андрей женится на своей матери, но та, признав по шраму в нем сына, отправляет его каяться; три исповедника не дают герою отпущения грехов, и он их убивает; епископ накладывает на Андрея покаяние — долгое сидение в погребке; в конце концов раскаявшийся герой освобождается из погреба и, получив прощение, становится епископом Крита. Эдипов сюжет в этом произведении, считающемся оригинальным русским памятником (XVI век), связывается с именем византийского церковного писателя и православного святого Андрея, архиепископа Критского (VII–VIII века), чье каноническое житие не имеет ничего общего с коллизией Повести³. Источником Повести, скорее всего, является одно из духовных произведений архиепископа Андрея о безымянном герое — «Великий покаянный канон», читающийся в церкви в четверг пятой недели Великого поста. Основная идея канона связана с представлением о всеисильности раскаяния даже самых больших грешников. Текст Повести в краткой и распространенной редакциях дошел до нашего времени в 47 списках XVI–XIX веков. Один из списков начинается предложением: «Бѣ град Критъ, и в том градѣ бѣ некий купецъ именемъ Поуливачъ» (Повесть об Андрее Критском. С. 270), где обозначен топоним, заинтересовавший пинежскую былинную традицию.

Отметим, что «Повесть об Андрее Критском», в отличие от «Повести о Бове» и «Повести о Еруслане Лазаревиче», о которых мы будем говорить далее, не нашла отражение в лубочной литературе, которая была посредником между рукописной повестью и устной традицией. Тем не менее сюжет Повести оказался привлекательным для фольклора, где христианская идея покаяния исчезла, а на первый план вышла занимательность рассказа. В форме сказки (СУС 931 «Кровосмеситель (Андрей Критский)») повесть зарегистрирована в фольклоре всех трех восточнославянских народов. Устные сказочные варианты сюжета рассмотрены М. Н. Климовой и В. Л. Кляусом [7], [11].

Таким образом, механизмы появления в пинежской былине о Козарине топонима *земля Критское* следующие: Повесть об Андрее Критском → ее устные сказочные варианты → топоним в былине. Тема инцеста, разворачивающаяся в Повести, в сознании крестьян была соположена с былинной о Козарине, которая также строится на этом древ-

нем мотиве: герой, как известно, после спасения не узнавший им сестры предлагает ей брачные отношения, но эпос не допускает инцеста, который мог бы дискредитировать образ богатыря, сражающегося с врагами Руси⁴. Общий мотив инцеста и стал основанием для использования пинежскими сказителями топонима *земля Критская* в сюжете о Козарине.

В пинежской традиции в одном из вариантов того же сюжета о Козарине мы находим топоним *Флоринский город*. Козарин оказывается уроженцем этого города. Былинщица М. Е. Лобанова из д. Пильегоры начинает старину следующими строками: «Во Флоринском славном новом городе / У купца Петра, гостя богатого» (Былины Пинеги, № 77, ст. 1–2; см. также: ст. 103, 195 — в форме *Фралынский*). В отрывке, зафиксированном на фонограф, представлена форма *Фралыкский*: «Во Фралыкском было в новом городе» (№ 77а, ст. 1). Мы полагаем, что источником этого топонима могло быть еще оно произведение древнерусской литературы — «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» (о Гистории см. ниже). Флоренская земля — это, как следует из текста Повести, однозначно итальянский город Флоренция⁵.

Повторим еще раз, что появление топонимов *земля Критское* и *Флоринский город* в былине о Козарине, где подвиг богатыря заключается в борьбе с татарами (освобождение девушки-полонянки), свидетельствует о затухании исторической мысли в былинах. Пинежский материал эти процессы затухания демонстрирует наглядно. Местная традиция предлагает разные топонимы для родного города Козарина. *Чернигов* (*Чернигов*, *Чернилов*) (Былины Пинеги, № 78, 78а, 80) и *Галицин* (*Галичин*; от былинного Галич; № 82, 82а) остаются в рамках классического былинного пространства. *Москва* (№ 85, 87) — это уже шаг к разрушению того пространства, которое создано русским эпосом. На Пинеге имеются варианты, в которых локус никак не обозначен (Былины Пинеги, № 79, 81, 83). И наконец, топонимы *земля Критское* и *город Флоринский* полностью вписываются в общую картину процессов выхолащивания в русском эпосе функции исторической памяти.

Источником для конструирования фантазийных топонимов в былинах является еще одно произведение древнерусской литературы — «Повесть о Бове королевиче»⁶. Сюжет о Бове впервые зарегистрирован в одной из частей французской поэмы «Французские короли» (XIV век). В своем пути на Русь Бова прошел следующие этапы:

Италия (народно-лубочные издания поэм и прозаических произведений о Бове) → Дубровник (сербский перевод), находившийся в XV–XVI веках под большим культурным итальянским влиянием → Белоруссия с ее восточнославянской культурой внутри Речи Посполитой, для магнатов которой в 1540-е годы была создана «Повесть о Бове» (так называемый познанский список) → русская рукописная «Повесть о Бове» (не позднее середины XVI века), претерпевшая трансформацию от рыцарского куртуазного романа к богатырской сказке → лубочные издания сказки о Бове (XVIII–XIX века) → устные сказки [13].

В. Д. Кузьмина выделила на русской почве пять редакций рукописной «Повести о Бове» (74 списка). В лубочных изданиях насчитывается 20 редакций (учтено 225 книжных изданий XVIII–XX веков). Имеются также «забавные листы» (лубочные картинки) с изображением персонажей и эпизодов из сказки о Бове (всего 88 изданий) [12], см. также: [19]. Устные варианты сказки – СУС 707В* «Бова-королевич» (16 русских вариантов). Один из выразительных устных вариантов – сказка А. Д. Ломтева из Пермской губернии «Боба-королевич» (Зеленин, № 18).

В сюжете Повести о Бове есть король Гвидон, правитель города Антона, отец Бовы; его неверная жена Милитриса и ее любовник Додон, которые убивают Гвидона; попытка убить мальчика Бову; верный дядька Бовы Симбалда, помогающий герою в его борьбе с Додоном и Милитрисой. Весь этот образный ряд находит место в русской литературе, в том числе и у А. С. Пушкина. Нам же важно указать на случаи влияния Повести (лубочной сказки) о Бове на топонимику былин. Обратим внимание на былинку «Женитьба Пересмякина племянника» сказительницы с Зимнего берега Белого моря Марфы Крюковой – известной любительницы чтения лубочной литературы. «Женитьба Пересмякина племянника» – это былина-новообразование, то есть произведение, сочиненное сказителем былинным стихом на основе внебылинных знаний. Как выяснил Н. В. Васильев⁷, эта старина Марфы Крюковой восходит к уже названной нами «Гистории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» – памятнику литературы времен Петра I, построенному по законам западноевропейского любовно-авантюрного романа. «Гистория» была научно осмыслена и опубликована по одному из списков Л. Н. Майковым⁸. В 1914 году «Гистория» в рамках задуманной Б. И. Дунаевым «Библиотеки старорусских повестей», предна-

значенной прежде всего для учащихся, была напечатана издательством И. Д. Сытина (Гистория о российском матросе 1914). Это издание не было лубочным в прямом смысле этого термина, но иллюстрировано оно было лубочными картинками с изображением персонажей из других произведений. Лубочных же изданий, то есть изданий, обращенных к самым широким слоям низовой читающей публики, «Гистория», кажется, не имела. Былина «Женитьба Пересмякина племянника» впервые была записана от Марфы Крюковой в 1901 году (повторная запись относится к 1939 году), то есть сказительница никак не могла пользоваться изданием Б. И. Дунаева. Тем не менее полагаем, что Марфа Крюкова могла познакомиться с сюжетом или по неизвестному нам рукописному варианту «Гистории», или по невыявленному пока лубочному изданию «Гистории».

По сюжету «Гистории», дворянский сын Василий Кориотский, по скудости жизни, записывается в Санкт-Петербурге в матросы и едет для обучения в Голландию; при возвращении в Россию корабль, на котором он плывет, разбивает буря, и герой оказывается на острове, где живут морские разбойники; Василий Кориотский вскоре становится разбойничьим атаманом; пленницей разбойников оказывается «флоренская королевна» Ираклия, в которую Василий влюбляется и бежит с нею от разбойников; после ряда приключений герой женится на Ираклии и становится «королем флоренским».

Марфа Крюкова в былине «Женитьба Пересмякина племянника» достаточно полно воспроизводит сюжет «Гистории», но изменяет именную и топонимический ряд. Так, ее герой именуется не Василий Кориотский, а Пересмякин племянник. Безымянный разбойничий остров, на котором оказывается Пересмякин племянник, получает имя – **Милитрийские острова**: «Подули-то верты неспособныя / Со тех *остовов Милитрийских*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 32, ст. 24–25; см. также: ст. 71, 79; № 32в, ст. 35, 38, 90). Н. В. Васильев предполагает, что *Милитрийские острова* – это Мальтийские острова, встречающиеся в рукописных повестях: «Что же касается Милитрийских островов вместо безымянного острова повести, то это не что иное, как Мальтийские острова, весьма часто встречающиеся в наших повестях»⁹. Однако более убедительным нам представляется второе предположение Н. В. Васильева: «Искажению могло содействовать имя Милитрисы Кирбитьевны в популярнейшей повести о Бове Королевиче»¹⁰. В «Повести о Бове» Милитриса, повторим, – злая

и коварная мать Бовы, в результате преследований которой он был вынужден бежать из своего королевства и оказался на службе у короля Зензедея.

Топоним *Милитрийские (Мелетрийские, Милотрийские, Милотриски) острова* зарегистрирован и в других былинах Марфы Крюковой. Она создает топонимическое учение богатырей на *Милитрийских островах*, используемый ею в нескольких сюжетах. В старине «Волх Всеславьевич» Волх «премудрое ученье» проходит на *Милотрийских островах*: «Уезжал у нас Волх же Светославьевич / На *Милотрийськи-ти* уезжал *славны острова*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 1а, ст. 61–62). Эта же тема разворачивается и в былинке «Вольга и Микула» – на *Милитрийских островах* учится Вольга: «Вот отправил его в ученьица восточныя, / На *Милотриски-ти* на славныя на *острова*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 2б, ст. 62; см. также: № 2в, ст. 846). Еруслан Лазаревич в неопубликованной былинке-новообразовании Марфы Крюковой также обучается восточным премудростям на *Милитрийских островах* [18: 144–145].

Топоним *Милитрийские острова* был подхвачен сестрой Марфы Крюковой П. С. Пахоловой. В ее старине в сюжете «Василий Игнатьевич и Батыга» у «прехитрых-премудрых» учителей Васька-пьяница учится также на *Милитрийских островах*: «А когда отдал ня-ко родной батюшка, / Он учить-то на славны *острова* же все да *Милитрийския...*» (Былины Зимнего берега Белого моря, № 119, ст. 317–318). «Повесть (сказка) о Бове-королевиче», таким образом, стала почвой, на которой был сконструирован один из фантазийных топонимов былин Зимнего берега.

Из сказки о Бове рождается еще один былинный топоним – *царство Малобруново*. В сложной контаминированной мезенской былинке сказителя В. П. Аникиева («Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем», «Добрыня и Алеша» и «Добрыня и Змей») Добрыня Никитич привозит подарочки для князя Владимира:

«Подарочки: еичко изумрудово,
Второ еичко брельянтово,
Из отдалённого *царства Малобрунова*»
(Былины Мезени, № 25, ст. 279).

Один из героев «Повести о Бове» *Маркобрун* был противником главного героя. Король Маркобрун из Задонского царства угрожает королю Зензедею сжечь его царство и требует себе в жены его дочь Дружневну. После ряда приключений Бова, живший у Зензедея на положении холопа, освобождает Дружневну накануне ее свадьбы с Маркобруном. Имя Маркобрун

и дало толчок мезенскому сказителю для создания былинного локуса *царство Малобруново*.

Еще одно произведение древнерусской литературы, которое вступало во взаимодействие с устной эпической поэзией, – «Повесть о Еруслане Лазаревиче», замешанная на фольклорных мотивах¹¹. Следует подчеркнуть, что сюжет о Еруслане Лазаревиче занял особое место в фольклорной традиции. «Повесть о Еруслане Лазаревиче» нашла подробное освещение в монографии Л. Н. Пушкарева [18]¹². Исследователь обозначил фольклорный путь Еруслана Лазаревича на русской почве: рукописная Повесть (XVII век) → лубочная сказка (с конца XVIII века) в разных редакциях → устная сказка → былина на сюжет о Еруслане. Последнее звено в цепочке (былины на сюжет о Еруслане) – это то принципиально новое, что отличает бытование сюжета в устной традиции от «Повести о Бове» и «Повести об Андрее Критском».

Еруслан Лазаревич, воспринятый из лубка, что вполне ожидаемо, оказался чрезвычайно популярным в сказочной традиции. В Указателе сказочных сюжетов зарегистрировано 24 устных варианта (СУС – 650В* «Еруслан Лазаревич»). Мы хотели бы обратить внимание на разные тенденции в освоении лубочной книжки двумя принципиально разными жанрами – сказкой и былинной. Конечно, во многих вариантах сказочники стремятся максимально точно повторить все особенности лубочной сказки (см., например, сказку с Терского берега Белого моря – Балашов, № 81), включая топоним Картаусово царство. Однако в других текстах сказка, с отсутствием в ней установки на историческое пространство, опускает все топонимы. Так, в рязанском тексте сохранены имена Лазаря Лазаревича, Еруслана Лазаревича, детские игры героя, добывание богатырского коня у Ивашки пастыря, змеборство, встреча с Раслановой головой, женитьба Еруслана по указанию Раслана, исцеление ослепленного отца (Смирнов. Вып. 2. С. 611–613). При этом, повторим, в тексте нет ни одного географического названия.

Как мы уже сказали, богатырский образ Еруслана Лазаревича, представленный в Повести и сказке, дал некоторым сказителям основание для создания былин-новообразований на данный сюжет. Еще А. Д. Григорьеву некоторые сказители указывали на то, что слышали былинку о Еруслане Лазаревиче. Так, некий старик Моисей из д. Печь-Гора Архангельского уезда сообщил собирателю, что на Кедах он слышал такого рода былинку (Архангельские былины 1904: 148). В д. Дорогая Гора на Мезени, по словам А. Д. Григорьева, также пели о Еруслане (Архангельские былины 1910: 130–131).

Варианты былины о Еруслане были записаны уже в советское время. Следует отметить, что все зафиксированные тексты используют только часть мотивов и сюжетных поворотов, имеющих в Повести. Так, былина зимнебережной сказительницы А. В. Стрелковой «Про Еруслана Лазаревича» построена на мотиве «бой отца с сыном», хорошо известном русскому эпосу (былина «Илья Муромец и Сокольник»): Еруслан Лазаревич женится на прекрасной Василиске Вахрамеевне; оставляет ее, она рождает сына Лазаря Еруслановича; герой, не узнав сына, вступает с ним в поединок. Сказительница использует в своем тексте топоним *царьско Вахрамеевско* – еще один пример фантазийных топонимов в былинах, сконструированный от имени царя Вахрамея, отца героини повести (БПиЗб, № 129, ст. 35, 139, 142).

Гораздо большее количество мотивов лубочной повести преобразует в песенно-эпический вид пудожский сказитель Г. А. Якушев: богатырское детство героя, калечащего в играх детей; изгнание его из царства; добыча богатырского коня и доспехов и пр. Из былины исключается эпизод освобождения героем царства Картауса от Данилы Белого и исцеления ослепленных родственников Еруслана. Повествование старины Г. А. Якушева, как и А. В. Стрелковой, сводится к одному из главных мотивов повести – «бой отца с сыном». В тексте Г. А. Якушева мы находим топоним, связанный с именем царя Картауса, – *город Картаульский*. Горожане приходят к отцу героя и требуют, чтобы он выслал из города своего сына, калечащего их детей:

«Вышли-ко Еруслана да Лазаря
Из того из города из *Картаульского*,
Пушай-то ходит, где, да ни шатайтсе!»

(Сок. – Чич., № 31, ст. 42–44; см. также: ст. 54).

Другой пудожанин, Ф. А. Конашков, явно отталкиваясь от сказки о Еруслане Лазаревиче, создал новый сюжет: царь Индии богатой посылает на стражу своих границ Ивашку Сорочинского; русский богатырь Данила Белый (в Повести это имя носит отрицательный персонаж) по просьбе своей дочери едет в Индию богатую, чтобы купить ей свадебные подарки; происходит поединок с Ивашкой, выясняется, что герои равны силой; Данила Белый объясняет цель своего путешествия в Индию богатую, Ивашка его пропускает; Данила покупает подарки (Сок. – Чич., № 92; повторная запись: Конашков, № 20).

Имеется также неопубликованная былина М. С. Крюковой о Еруслане Лазаревиче, рассмотренная наряду с названными записями А. М. Астаховой и Л. Н. Пушкаревым [3], [18: 138–155].

Нам важно отметить, что Еруслан в былинах выходит за рамки своего сюжета. Так, вопрос о влиянии Еруслана Лазаревича на образ Ильи Муромца был поднят еще В. Ф. Миллером, который отметил «смещение былинных подвигов Ильи Муромца с похождениями Еруслана»¹³. Мы же укажем на отражение в традиционных былинных сюжетах топонимов, сконструированных на основе «Повести о Еруслане Лазаревиче».

В кулойской былине «Иван Годинович» (запись О. Э. Озаровской в 1921 году в с. Карьеполье от сказителя Н. П. Крычакова) герой в поисках невесты отправляется не в традиционное королевство Литовское (что как-то соответствует исторической ситуации), а к королю Кртоусову в *Кртоусово царство*: «Отправлялся он тогда в *Кртоусово царство*» (Былины Кулая, № 83, ст. 71; см. также: ст. 74).

Со сказителем Н. П. Крычаковым в самом начале XX века работал также А. Д. Григорьев. В записи этого собирателя Иван Годинович ищет невесту не в *Кртоусовом царстве*, а в городе *Чернигове*: «Я поеду жа во город да во *Чернигову*» (Былины Кулая, № 82, ст. 37). *Кртоусово царство*, следовательно, в былине Н. П. Крычакова появилось между 1901 и 1921 годами. Любопытно также то, что в полевой записи О. Э. Озаровской есть указание на *Чернигов*, возникшее, вероятно, после того, как собирательница переспросила плохо понятое ею название *Кртоусово царство*. Л. И. Петрова, подготовившая текстологические комментарии к публикации кулойских былин в Своде русского фольклора, описывает этот фрагмент полевой рукописи собирательницы следующим образом:

«...судя по правке в полевой записи, слово (Кртоусово. – Т. И.) первоначально не было понято собирательницей: первые два слога (до знака переноса) выправлены и перечеркнуты, слева обведено в кружок и вставлено на это место слово “Черниговец”; однако остались незачеркнутыми четко зафиксированные (после знака переноса) три последних слога: “усово”» (Былины Кулая. С. 664).

Источник топонима *Кртоусово царство*, без сомнения, «Повесть о Еруслане Лазаревиче» (XVII век). Согласно Повести, главный герой связан с царем Картаусом родственными отношениями. Один из списков (XVII век) Повести начинается строками: «Бысть в *царствѣ Картауса Картаусовича* дядюшка ево, князь Лазарь Лазаревичь, а жена у него Епистимия, а сына родила Еруслана Лазаревича» (Повесть о Еруслане Лазаревиче 1988: 301). Один из эпизодов Повести рисует, как Еруслан Лазаревич освобождает от Данилы Белого *Картаусово царство* («И поехал Еруслонъ Лазаревичъ х *Картаусову*

царству, ажно *Картаусово царство* пусто, по-
 пленено, и огнемъ пожжено, и мхом поросло»
 (Повесть о Еруслане Лазаревиче 1988: 312)) и ис-
 целяет магической мазью ослепленных царя Кар-
 тауса и своего отца Лазаря Лазаревича.

Нам важно отметить, что топоним *Картау-
 сово царство* в песенном эпосе начинает жить
 самостоятельной жизнью – вне зависимости
 от сюжета о Еруслане. Названное нами *Кортоу-
 сово царство* кулойского сказителя Н. П. Крыча-
 кова зарегистрировано в традиционном сюжете
 «Иван Годинович».

Из «Повести о Еруслане Лазаревиче» в бы-
 линной традиции родился еще один топоним –
Подсолнечное царство. По сюжету Пове-
 сти, освободив от Данилы Белого свое родное
 Картаусово царство, Еруслан Лазаревич едет
 в Дербию-град к царю Варфоломею, убивает
 Чюдо (= Змея), угрожающее царству, женится
 на Настасье Прекрасной, но узнает, что в «Де-
 вичьем царстве, в *Солнышном граде*» (Повесть
 о Еруслане Лазаревиче 1988: 320) живет краса-
 вица краше его жены. Еруслан Лазаревич от-
 правляется в Солнечный город, живет с новой
 царевной и забывает свою жену Настасью Пре-
 красную, родившую ему сына Еруслана Ерусла-
 новича (далее развернется коллизия «бой отца
 с сыном»). Впрочем, образ Солнечного (Подсол-
 нечного) локуса известен не только в «Повести
 о Еруслане Лазаревиче», но и в русских народных
 сказках. Например, на Выгозере М. М. Пришвин
 от сказочника Мануйлы Петрова записал сказку
 «Иван-царевич в Подсолнечном царстве», опу-
 бликованную в сборнике Н. Е. Ончукова (Ончу-
 ков, № 166). Это сюжет СУС 551 «Молодильные
 яблоки» о престарелом царе, пожелавшем, чтобы
 ему из *Подсолнечного царства* привезли «моло-
 децкие яйца».

Солнечный город «Повести о Еруслане Лазаре-
 виче» и *Подсолнечное царство* сказки и дали тол-
 чок к созданию локуса *Подсолнечное царство*
 в былинно-новообразовании «О царстве Подсол-
 нечном, царе Иване Васильевиче и царевиче Фе-
 доре Ивановиче», записанной в единственном
 варианте в Кижях от сказителя А. Е. Чукова.
 Это произведение построено на сказочных сю-
 жетах «Деревянный орел» (СУС 575) и «Царь
 и купеческая дочь» (СУС 873): искусный мастер
 для царя Василия Михайловича делает «орла
 самолетного», на котором сын царя Иван Ва-
 сильевич улетает в *Подсолнечное царство*;
 он тайно посещает запертую в высоком тере-
 ме царевну Марью Лиховидьевну, она рождает
 сына Федора Ивановича; Иван Васильевич от-
 дает ребенка бабушке-завдоренке, оставив сыну
 царский перстень; выросший Федор Иванович,
 став приказчиком, влюбляется в Анну Дмитри-

евичну, невесту Ивана Васильевича; голи кабац-
 кие доносят грозному царю Ивану Васильевичу
 (явный отголосок имени героя исторических пе-
 сен XVI века) о тайных свиданиях его невесты;
 он приказывает схватить приказчика и казнить,
 но по царскому перстню узнает в своем соперни-
 ке сына; Федор Иванович женится на Анне Дми-
 триевичне, а сам Иван Васильевич на царевне
 Подсолнечного царства, получающей в конце
 старины былинное имя Марья Лебедь Белая.

В былине А. Е. Чукова читаем о Иване Васи-
 льевиче:

«Прилетел он в *царство под солнышком*,
 Слезает с орла самолетного
 И начал по *царству* похаживать,
 По *Подсолнечному* погуливать»

(Рыбников, т. 1, № 37, ст. 65–68;
 см. также: ст. 69, 105).

Соответственно властитель царства, царь Ли-
 ховид Лиховидьевич, именуется «царем Подсол-
 нечным» (ст. 111, 112).

А. Н. Веселовский былинку о Подсолнечном
 царстве вписывает в широкий круг западноев-
 ропейских средневековых литературных про-
 изведений, в которых одним из главных являет-
 ся мотив красавицы, запертой в башне (подвале)
 и охраняемой от посягательств мужчин. Исто-
 ки этого мотива, считает исследователь, надо
 искать на Востоке, откуда он двигался в Евро-
 пу и на Русь. Русская былина о Подсолнечном
 царстве есть производное от сказки. В былине
 сказочный материал прикрепляется к историче-
 ским именам Московских великих князей: Ва-
 силий Михайлович (правильно: Василий Ива-
 нович, то есть Василий III (1479–1533), великий
 князь Московский в 1505–1533 годах); грозный
 царь Иван Васильевич, то есть Иван IV Грозный
 (1530–1584), великий князь Московский и царь
 всея Руси в 1533–1584 годах; его сын Федор Ива-
 нович (1557–1598), царь в 1584–1598 годах, по-
 следний правитель из династии Рюриковичей.
 А. Н. Веселовский писал:

«...сюжет Подсолнечного царства перешел из сказки
 в былинку, когда, отвечая какому-то народно-поэтиче-
 скому требованию, исторические деятели дали свои
 имена безымянным и беспочвенным героям сказки»¹⁴.

В былинно-новообразовании о Подсолнечном
 царстве столкнулись две тенденции: с одной
 стороны, активное прорастание в эпосе зани-
 мательного начала (отсюда былинная обработка
 сказочного сюжета), с другой – попытка закон-
 сервировать важнейшую функцию эпоса – исто-
 рическую память русского народа (отсюда име-
 на реальных исторических лиц).

Былины М. С. Крюковой, большой любительницы чтения лубочной литературы, особенно ее былины-новообразования, то есть произведения, созданные на основе сказочных сюжетов, требуют дальнейшего детального изучения. Мы пока позволим себе остановиться на одной ее старине, являющейся песенно-эпическим переложением лубочной книжки.

В репертуаре Марфы Крюковой имеется старина «Рында», записанная А. В. Марковым в 1901 году и републикованная в Приложении к 9-му тому Свода русского фольклора (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 33, 33а). Второй вариант этого же произведения, гораздо более полный, с приключениями не только Рынды, но и его сына Гарвес («Гарвес»), был записан в 1934 году В. П. Чужимовым (Чужимов, «Гарвес» 1936: 119–151). «Рынду» упоминает Н. В. Васильев в статье «Беломорские былины и Повесть Петровского времени», отметив, что это произведение является «несомненно переделкой какой-то повести, пока мне неизвестной»¹⁵. Не выяснила источник «Рынды» и А. М. Астахова, указав только, что былина М. С. Крюковой является «обработкой волшебного-рыцарского повествовательного сюжета» [2: 214]¹⁶. В Своде русского фольклора комментарии ограничиваются также общими словами о некоем литературном источнике.

В результате наших разысканий было установлено, что источник «Рынды» («Гарвеса») – это анонимная авантюрно-рыцарская повесть «Заколдованный чародейственный замок, с приключениями знатного рыцаря Гарвеса» (М., 1883). В каталоге Российской национальной библиотеки зарегистрированы напечатанные в издательстве А. И. Манухина издания 1866, 1870, 1873, 1879 и 1883 годов, причем последнее названо восьмым изданием. «Заколдованный замок» – типичная рыцарско-волшебная повесть с запутанной интригой и нагромождением приключений героев. Князь Курсив «из Смурой чарованной земли» едет «искать рыцарской отваги» в замок, славящийся своими рыцарями; вступает в поединок с рыцарями, побеждает всех; на поединок с ним выезжает рыцарь Рында, которого Курсив пленяет и отвозит к себе в замок. Сестра Курсива, прекрасная Флорида, и Рында полюбили друг друга; состоялась свадьба. Соскучившись по родному замку Фортелю, Рында решает съездить на родину, чтобы затем вернуться к Флориде, но на обратном пути не может найти «очарованную землю» Курсива и возвращается домой. Далее начинается новый поворот сюжета – героем становится сын Рынды Гарвес, которого в отсутствие мужа родила Флорида.

Пройдя рыцарское обучение, Гарвес решает найти своего отца. Он приезжает в замок Фортель; его принимают в круг рыцарей; Рында покровительствует Гарвесу. Во время рыцарского турнира на пир является незнакомка, которая просит помощи, чтобы защитить ее родной город Херостин. Помочь девушке вызывается Гарвес. Они едут в Херостин; по пути Гарвес вступает в несколько поединков, освобождает от великанов девушку и пр. Спутница Гарвеса рассказывает историю Херостинской земли. Хозяина земли рыцаря Кохининского убил его воспитанник Жуан, являющийся «заклятым волшебником». Земля Херостинская превратилась в груды камней. Из замка Кайну выходит таинственный змей алого цвета. Тот, кто освободит Херостин от злодея Жуана, станет супругом прекрасной Мары, дочери бывшего властителя земель. Гарвес приезжает в замок Кайну, восхищается красотой Мары. В лесу он находит змея алого цвета, который на его глазах превращается в человека – это убитый Жуаном хозяин замка, отец Мары. Он дает герою волшебную ветку тополя, которая должна спасти Гарвеса от яда змея (по-видимому, другого). Гарвес вступает в бой со змеем, убивает его; затем сталкивается в пещере с ведьмой; описывается еще ряд его мелких приключений. Гарвес не может найти обратную дорогу в Херостин, где живет Мара. Наконец, он приезжает в роскошный замок Жуана и одерживает победу над чародеем. После этого герою открывается путь в Херостин. Далее повествование разворачивается уже не в подробностях, а прописывается скороговоркой. На свадьбу Гарвеса и Мары приезжает Рында; он получает известие, что его жена Флорида скончалась от тоски по мужу. Мара родила Гарвесу сына Проспера; Рында воспитывает внука. Когда Просперу исполнилось 23 года, он женится на красавице из Ардабарской земли.

Эта волшебная-авантюрная повесть, надо полагать, стала одной из любимейших книг Марфы Крюковой. Без сомнения, она перечитывала ее ни один раз. В своем «Гарвесе» сказительница повторяет все ключевые повороты коллизии повести, равно как и основной антропонимический ряд. Правда, у Марфы Крюковой Курсив превращается в Крусива, а Проспер в Пересвета. Нам важно обратить внимание на топонимы в ее «Рынде» и «Гарвесе». Опуская некоторые топонимы повести, сказительница активно использует географические имена *Крусив город* и *Херостин*. См.: «И дошла то эта славущка / До Крусива славна *города*, / До того ли князя *Крусивского*» (Чужимов, «Гарвес», ст. 39–41);

«Тогда поехали боһатыри / Во славной *город-от Крусивской же*» (ст. 277–278; см. также: ст. 79, 581, 586, 905 и др.). В «Рынде» мы находим тот же ***Крусив славный город*** (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 33, ст. 40, 69, 84, 119, 122, 221; см. также: № 33а, ст. 8, 9) и ***Крусинскую землю*** (№ 33, ст. 30).

Любопытно осмысление Марфой Крюковой лубочного топонима *Херестин*. Безымянная (как и в повести) девушка, приехавшая просить у рыцарей защиты для своей страны, представляется следующим образом:

«Моя мать-то есь княгина,
Как вдова она вдовет двенацать лет,
Отец родитель был-от мой
Херестина славна города»

(Чужимов, «Гарвес», ст. 1294–1297; см. также: ст. 1360, 1528–1529, 1531, 1586 и др.).

В этом месте своей старины сказительница сделала примечание: «Херестин, такой город Христиан есь в Норвеге» (Чужимов, «Гарвес», С. 133). Скорее всего, лубочный топоним в сознании Марфы Крюковой оказался связанным с именем реального норвежского города Христиансанда (Кристиансана), своеобразной столицы Южной Норвегии. Город назван в честь одного из норвежских королей, которые, как известно, в подавляющем большинстве носили имя Христиан (Кристиан). Для поморов, напомним, плавание в Норвегию было обычным делом, могли они побывать и на юге страны в Кристиансане. Любопытная Марфа Крюкова от кого-то из своих земляков и узнала название этого города, связав его с лубочным топонимом из «Заклдованного замка».

Топоним *Херестин город* у Марфы Крюковой вышел за пределы «Гарвеса». Она использует его и в своей былине «Женитьба Пересмякина племянника», напомним, основанной на «Гистории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли». Флоренская земля «Гистории» в былине Марфы Крюковой становится городом ***Херестином (Харастин, Христин) в Херестинской земле***: «Во славном-то городе *Христине* было, / У того ли у князя *Херестинского*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 32, ст. 58–59; см. также: ст. 73, 115, 136, 150, 156). Заметим также, что в других вариантах Марфы Крюковой (№ 32б и 32в) этого же произведения (с существенно измененным сюжетом) топоним *город Херестин* не употребляется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление фантазийных топонимов, повторим еще раз, является следствием затухания в песен-

ном эпосе функции исторической памяти. Проекция былин на Киевскую Русь, столь важная для носителей эпической традиции, связывающая их с глубоким прошлым этноса, постепенно отходит на второй план. Все чаще и чаще начинает доминировать функция развлечения, требовавшая сюжетного и персонажного разнообразия. Процессы рождения нового топонимического поля зарегистрированы практически во всех регионах Русского Севера: в Заонежье, на Пинеге, Кулое, Мезени, Зимнем берегу Белого моря.

Эффективным источником фантазийных топонимов на позднем этапе существования былинной традиции стала рукописная традиция Повестей и их лубочных изданий (переделок). В области пространства в былинах прочитываются следы «Повести об Андрее Критском», «Повести о Еруслане Лазаревиче», «Повести о Бове-королевиче», «Гистории о российском матросе Василии Кориотском». Этот факт в очередной раз свидетельствует о взаимопроницаемости устной и письменной составляющих в традиционной культуре русского народа.

Фантазийные топонимы, порожденные лубочной литературой, образуют пространство не только былин-новообразований («Подсолнечное царство», «Женитьба Пересмякина племянника», «Рында», «Гарвес», «Еруслан Лазаревич»), но и становятся элементами пространства традиционных сюжетов («Козарин», «Иван Годинович», «Волх Всеславьевич», «Вольга и Микула», «Василий Игнатьевич и Батыга», контаминация былин о Добрыне: «Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем», «Добрыня и Алеша» и «Добрыня и Змей»).

Продуктивной моделью создания фантазийных топонимов является конструирование имен локусов от имен персонажей, правящих в данной земле: король Кртоус – Кртоусово царство; князь Крусив – Крусив город и Крусинская земля. Такие топонимы, как Малобруново царство и Милитрийские острова также являются производными от антропонимов, правда, не названных в былинах (Маркобурн, Милитриса Кирбительвна).

Фантазийные географические имена обозначают в былинах далекие локусы, где герои находят свою суженую (Кртоусово царство, Подсолнечное царство, Крусив город, Херостин город). По мере разрушения эпической традиции топонимы, рожденные из лубка, проникают и в русский мир. Теряя привязку к Киевскому миру, былины родиной русских богатырей (Козарин) делают землю Критскую или Флоренский город.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архангельские былины 1904 – Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. М.: Университетская тип., 1904. Т. 1. 706 с.
- Архангельские былины 1910 – Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. СПб.: Тип. АН, 1910. Т. 3. 730 с.
- Балашов – Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. 447 с.
- БПиЗб – Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородин-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 606 с.
- Былины Зимнего берега – Былины Зимнего берега Белого моря / Изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков; Отв. ред. тома А. Н. Власов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. 995 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 8).
- Былины Зимнего берега. Крюкова – Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова / Изд. подгот. М. В. Рейли, Ю. И. Марченко, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2020. 1703 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 9).
- Былины Мезени – Былины Мезени / Корпус текстов и коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003. – 530 с.; 2004. – 715 с.; 2006. – 599 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 3–5).
- Былины Кулоя – Былины Кулоя / Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. 922 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 6).
- Былины Пинеги – Былины Пинеги / Изд. подгот. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли. СПб.: Наука; М.: Классика, 2012. 973 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 7).
- Гистория о российском матросе – Гистория о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли. XVIII век. Петровская эпоха. М.: [И. Д. Сытин], 1914. 44 с. (Б. И. Дунаев. Б-ка старорусских повестей).
- Заколдованный замок – Заколдованный чародейственный замок, с приключениями знатного рыцаря Гарвеса. 8-е изд. М.: Манухин, 1883. 70 с.
- Зеленин – Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина / Изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 583 с.
- Конашков – Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вступ. статья и коммент. А. М. Линевского. Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1948. 210 с.
- Ончуков – Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908. XLVIII, 646 с. (Зап. имп. Рус. геогр. об-ва по Отд-нию этнографии; Т. 33).
- Повесть об Андрее Критском – Повесть об Андрее Критском / Подгот. текста и коммент. М. Н. Климовой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 270–274, 640–641 (примеч.).
- Повесть о Бове Королевиче – Повесть о Бове Королевиче / Подгот. текста и коммент. А. М. Панченко // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 275–300, 641–643 (примеч.).
- Повесть о Еруслане – Повесть о Еруслане Лазаревиче / Подгот. текста и коммент. Н. С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 301–322, 643–645 (примеч.).
- Рыбников – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1989. Т. 1. 527 с.
- Смирнов – Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества / Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 2. С. 507–990. (Зап. Рус. геогр. об-ва по Отд-нию этнографии; Т. 44 (2)).
- Сок. – Чич. – Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч., и словарь В. И. Чичерова. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1948. 937 с. (Летописи Гос. лит. музея; Кн. 13).
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашиков, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Чужимов, «Гарвес» – Чужимов В. П. Новые записи былин в Поморье // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1936. Вып. 2/3. С. 119–151.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Список сокращений названий сборников текстов.

² Об этнографических основах Эдипова сюжета см. в статье В. Я. Проппа [15]. Тема инцеста, нашедшая место в различных памятниках мировой словесности и фольклора, имеет довольно большую научную литературу. См., например: Костомаров Н. И. Легенда о кровосмесителе // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1872. Т. 1. С. 303–311; Яцимирский А. И. К славянским легендам о кровосмешении // Пошана: Сб. Харьковского Историко-филологического общества, изданный в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1909. Т. 18. С. 404–411.

³ См. о повести: Веселовский А. Н. Андрей Критский в легенде о кровосмесителе и сказание об апостоле Андрее // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Т. 239, № 6. С. 231–237; Гудзий Н. К. К легендам о Иуде Предателе и Андрее Критском // Русский филологический вестник. Варшава, 1915. № 1. С. 3–30 (с публикацией текста Повести); [6], [8], [9], [10].

- ⁴ См. о былине «Козарин» в связи с темой инцеста в трудах Б. Н. Путилова: [16], [17: 223–230 (гл. «Былина о Михаиле Козарине и ее связь с фольклорной темой инцеста»)].
- ⁵ См. публикацию одного из списков середины XVIII века [14].
- ⁶ См. о Повести о Бове: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. 2. Славяно-романский отдел. СПб., 1888. С. 229–305 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности; Т. 44, № 3). Здесь же дана публикация одного из списков: Приложение. С. 237–262. См. современное научное издание Повести (Повесть о Бове Королевиче 1988: 275–300, 651–643 (примеч.)).
- ⁷ Васильев Н. В. Беломорские былины и Повесть Петровского времени // Этнографическое обозрение. 1904. № 3. С. 51–63.
- ⁸ Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII вв. СПб.: А. С. Суворин, 1889. С. 165–190.
- ⁹ Васильев Н. В. Беломорские былины и Повесть Петровского времени... С. 58.
- ¹⁰ Обе гипотезы излагает А. М. Астахова [2: 217].
- ¹¹ См. из исследований фольклорной основы повести: [5]; Капица Ф. С. «Повесть о Еруслане Лазаревиче» как образец жанра сказочной повести XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- ¹² См. также: [4].
- ¹³ Миллер В. Ф. Материалы для истории былинных сюжетов // Этнографическое обозрение. 1892. № 1. С. 120–130 (разд. IV. Илья Муромец и Еруслан).
- ¹⁴ Веселовский А. Н. Сказания о красавице в тереме и русская былина о Подсолнечном царстве // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Ч. 196, № 4, Отд. Науки. С. 238.
- ¹⁵ Васильев Н. В. Беломорские былины и Повесть Петровского времени... С. 57.
- ¹⁶ См. более подробный анализ «Рынды» («Гарвеса») в статье А. М. Астаховой: [1: 154–156].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахова А. М. К новым записям былин в Поморье // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1936. Вып. 2/3. С. 153–158.
2. Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск: Гос. изд-во Карел.-Фин. ССР, 1948. 396 с.
3. Астахова А. М. К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслане // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 504–509.
4. Каган М. Д. Повесть о Еруслане Лазаревиче // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб.: Наука, 1998. Ч. 3. С. 115–118.
5. Капица Ф. С. Фольклорные мотивы в сказочной повести XVII века (на примере «Повести о Еруслане Лазаревиче») // Фольклорные традиции в русской и советской литературе. М.: Мос. гос. пед. ин-т, 1987. С. 44–51.
6. Климова М. Н. Опыт текстологии Повести об Андрее Критском // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 46–61.
7. Климова М. Н. Повесть об Андрее Критском и фольклор: (некоторые аспекты сопоставительного анализа) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 27–38.
8. Климова М. Н. О художественном своеобразии Повести об Андрее Критском // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск: Наука, 1985. С. 41–51.
9. Климова М. Н. Повесть об Андрее Критском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Л.: Наука, 1989. Ч. 2. С. 211–214.
10. Климова М. Н. «Эдипов сюжет» в древнерусской литературе (повести о кровосмесителе) // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 22–34.
11. Кляус В. Л. Сюжет АТУ/СУС 931 («Эдип» / «Кровосмеситель») в устной словесности Забайкальского российско-китайского пограничья // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 3. С. 308–326.
12. Кузьмина В. Д. Русская сказка о Бове-королевиче в лубочных изданиях XVIII – нач. XX века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 185–192.
13. Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златые ключи. М.: Наука, 1964. 344 с.
14. Моисеева Г. Н. Гистория о российском матросе Василии Кириацком (к вопросу о составе и происхождении повести) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 10. С. 358–388.
15. Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 258–299.
16. Путилов Б. Н. История одной сюжетной загадки (Былина о Михаиле Козарине) // Вопросы фольклора. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1965. С. 9–21.
17. Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971. 315 с.
18. Пушкирев Л. Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М.: Наука, 1980. 183 с.
19. Салмина М. А. Повесть о Бове // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Л.: Наука, 1989. Ч. 2. С. 220–222.

Поступила в редакцию 26.09.2022; принята к публикации 16.01.2023

Original article

Tatyana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher,
Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) (St. Petersburg, Russian Federation)
tgivanova@inbox.ru

LUBOK LITERATURE AND ITS INFLUENCE ON CONSTRUCTION OF SPACE IN RUSSIAN FOLK EPICS

Abstract. The article deals with fantasy (fictional) toponyms that penetrate into Russian folk epics at the late stage of their development, which is a reflection of the fading function of historical memory in the song epics. The handwritten tradition of epic tales and their popular lubok versions was an effective source of fantasy toponyms. In terms of space in epics, one can find some traces of “The Tale of Andrew of Crete”, “The Tale of Yeruslan Lazarevich”, “The Tale of Prince Bova” and “The Story about the Russian Sailor Vasily Koriotsky”. This fact once again testifies to the mutual permeability of the oral and written components of the traditional culture of the Russian people. Fantasy toponyms generated by popular lubok literature not only form the space of newly created epics (“The Sunflower Kingdom”, “The Marriage of Peresmyaka’s Nephew”, “Rynda”, “Garves”, “Yeruslan Lazarevich”), but also become the elements of the space of traditional plots (“Kozarin”, “Ivan Godinovich”, “Volkh Vseslavyevich”, “Volga and Mikula”, “Vasily Ignatyevich and Batyga”, blended epics about Dobrynya: “The Fight of Dobrynya Nikitich with Ilya Muromets”, “Dobrynya and Alyosha” and “Dobrynya and the Serpent”).

Key words: folk epics, space in epics, epic toponyms, old Russian tales, lubok fairy tales

For citation: Ivanova, T. G. Lubok literature and its influence on construction of space in Russian folk epics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):58–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.887

REFERENCES

1. Astakhova, A. M. Newly recorded folk epics in Pomorye. *Soviet folklore: Collection of articles and materials*. Moscow; Leningrad, 1936. Issue 2/3. P. 153–158. (In Russ.)
2. Astakhova, A. M. Russian folk epics in the North. Petrozavodsk, 1948. 396 p. (In Russ.)
3. Astakhova, A. M. Reflections of the tale of Yeruslan in Russian folk epics. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1958. Vol. 14. P. 504–509. (In Russ.)
4. Kagan, M. D. The Tale of Yeruslan Lazarevich. *Dictionary of scribes and booklore of Ancient Russia. XVII century*. St. Petersburg, 1998. Ch. 3. P. 115–118. (In Russ.)
5. Kapitsa, F. S. Folklore motifs in fairy tales of the XVII century (using the example of “The Tale of Yeruslan Lazarevich”). *Folklore traditions in Russian and Soviet literature*. Moscow, 1987. P. 44–51. (In Russ.)
6. Klimova, M. N. The experience of textual history of “The Tale of Andrew of Crete”. *Old Russian handwritten books in Siberia*. Novosibirsk, 1982. P. 46–61. (In Russ.)
7. Klimova, M. N. “The Tale of Andrew of Crete” and folklore: (some aspects of comparative analysis). *Manuscript tradition of the XVI–XIX centuries in the east of Russia*. Novosibirsk. 1983. P. 27–38. (In Russ.)
8. Klimova, M. N. On the artistic originality of “The Tale of Andrew of Crete”. *Monuments of literature and social thought of the feudal era*. Novosibirsk, 1985. P. 41–51. (In Russ.)
9. Klimova, M. N. The Tale of Andrew of Crete. *Dictionary of scribes and booklore of Ancient Russia*. Issue 2 (the second half of the XIV – XVI centuries). Leningrad, 1989. Part 2. P. 211–214. (In Russ.)
10. Klimova, M. N. “Oedipus plot” in Russian ancient literature (stories about an incestuous person). *Siberian Journal of Philology*. 2008;3:22–34. (In Russ.)
11. Klyaus, V. L. The plot ATU/SUS 931 (“Oedipus” / “Incest”) in the oral literacy of the Transbaikal Russian-Chinese borderland. *Studia Litterarum*. 2020;5(3):308–326. (In Russ.)
12. Kuzmina, V. D. The Russian tale of Prince Bova in its lubok versions of the XVIII – the early XX century. *Research and materials on Ancient Russian literature*. Moscow, 1961. P. 185–192. (In Russ.)
13. Kuzmina, V. D. Chivalric romance in Russia: Bova, Peter the Golden Keys. Moscow, 1964. 344 p. (In Russ.)
14. Moiseeva, G. N. The Story about the Russian Sailor Vasily Kiriatsky (the composition and origin of the story). *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1954. Vol. 10. P. 358–388. (In Russ.)
15. Propp, V. Ya. Oedipus in the light of folklore. *Propp, V. Ya. Folklore and reality: Selected articles*. Moscow, 1976. P. 258–299. (In Russ.)
16. Putilov, B. N. The story of a plot riddle (Epic about Mikhail Kozarin). *Topics in the Study of Folklore*. Tomsk, 1965. P. 9–21. (In Russ.)
17. Putilov, B. N. Russian and South Slavic heroic epic: A comparative typological study. Moscow, 1971. 315 p. (In Russ.)
18. Pushkarev, L. N. The Tale of Yeruslan Lazarevich. Moscow, 1980. 183 p. (In Russ.)
19. Salmina, M. A. The Tale of Bova. *Dictionary of scribes and booklore of Ancient Russia*. Issue 2 (the second half of the XIV – XVI centuries). Leningrad, 1989. Part 2. P. 220–222. (In Russ.)

Received: 26 September 2022; accepted: 16 January 2023

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

ВОСПОМИНАНИЯ В. М. МОРОЗОВА О В. И. МАЛЫШЕВЕ

А н н о т а ц и я . Публикация посвящена истории дружеских взаимоотношений петрозаводского филолога В. М. Морозова (1910–1983) и известного археографа, создателя Древлехранилища в Пушкинском Доме В. И. Малышева (1910–1976). Познакомившись во время учебы на филологическом факультете Ленинградского университета в 1930-е годы, они поддерживали связи на протяжении десятилетия, до самой смерти В. И. Малышева. В. М. Морозов являлся участником первой археографической экспедиции В. И. Малышева в Карелию в 1940 году. В. И. Малышев не раз оказывал помощь своему другу в сложных жизненных обстоятельствах. После смерти В. И. Малышева В. М. Морозов написал воспоминания о нем. Заметки мемуарного характера о В. И. Малышеве содержатся также в письмах В. М. Морозова к друзьям и коллегам. Весь этот комплекс материалов находится сейчас в фонде В. И. Малышева в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 494). В. М. Морозов привел интересные биографические сведения о В. И. Малышеве, попытался дать оценку его личности и научной деятельности. Данные источники могут быть использованы в изучении истории российской филологической науки 1930–1970-х годов. Воспоминания были написаны для их возможной публикации, которая ранее не состоялась и предпринимается сейчас впервые. Тексты воспоминаний и дополнений к ним сопровождаются комментариями.

К л ю ч е в ы е с л о в а : В. И. Малышев, В. М. Морозов, мемуары, письма, биография, археография, Древлехранилище Пушкинского Дома

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена по теме Государственного задания Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН № 0186-2019-0002. Благодарю Е. В. Морозова за разрешение опубликовать архивные материалы его отца, а также Е. Д. Конусову за указание на материалы В. М. Морозова о В. И. Малышеве в Древлехранилище Пушкинского Дома и за помощь в составлении комментариев к ним для настоящей публикации.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пигин А. В. Воспоминания В. М. Морозова о В. И. Малышеве // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 69–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.888

ВВЕДЕНИЕ

Среди известных российских ученых, внесших большой вклад в сохранение и изучение культуры Карелии, важное место принадлежит Владимиру Ивановичу Малышеву (1910–1976) – выдающемуся российскому археографу, создателю Древлехранилища в Пушкинском Доме. В ходе археографических экспедиций в 1940, 1941 и 1946 годах в Поморье, Пудожский и Медвежьегорский районы В. И. Малышеву удалось собрать более 300 древнерусских и старообрядческих рукописей для архива Карельского научно-исследовательского института культуры (КНИИК) (в 1954 году они были переданы в Древлехранилище ИРЛИ, где составили основу Карельского собрания рукописей) [12]. В. И. Малышев сотрудничал и с Петрозаводским (в те годы Карело-Финским) университетом, где некоторое время читал курс палеографии,

дружил с работавшими в Петрозаводске в разные годы фольклористами О. Г. Большаковой, В. Р. Дмитриченко, А. Д. Соймоновым, К. В. Чистовым, лингвистом Н. И. Богдановым, литературоведом В. М. Морозовым. С Петрозаводском связано и одно из самых душевных воспоминаний о В. И. Малышеве его ученика, впоследствии академика, А. М. Панченко:

«Помню, как в последние летние дни 1966 г., в ясный вечер, гуляли мы вдвоем по нижним, приозерным улицам Петрозаводска. Владимир Иванович любовался крепкими бревенчатыми домами с палисадниками, с фуксиями и геранями на подоконниках, с кисейными и ситцевыми занавесками, расчувствовался и сказал: “И мне о таком домике мечталось...”» [11: 269].

* * *

После смерти В. И. Малышева его ученики, сотрудники Древлехранилища Пушкинского Дома, задумали собрать воспоминания о нем

его друзей и близких ему коллег. Воспоминания о В. И. Малышеве включались в программу «Малышевских чтений», проведение которых стало регулярным с 1977 года. Так постепенно в Древлехранилище сложилась целая подборка мемуарных текстов. На первых «Малышевских чтениях» в 1977 году с воспоминаниями о В. И. Малышеве выступал В. М. Морозов – один из самых близких его друзей. Виктор Михайлович Морозов (15.01.1910–13.08.1983) родился в Петербурге «от родителей по социальному положению служащих, по происхождению – крестьян села Шуйского Вологодской губернии»¹, несколько лет в детстве прожил с сестрой отца в этом селе, с 1924 года жил в Ленинграде с отцом (мать умерла, отец женился вторично), здесь же завершил школьное образование. Интересы Морозова в молодости были связаны с пчеловодством: он окончил соответствующие курсы и несколько лет работал по этой специальности в разных местах, преимущественно в Ленинграде. В 1935–1940 годах Морозов учился на филологическом факультете Ленинградского университета: в 1935–1937 – в Ленинградском институте философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ), который в 1937 году вошел в состав университета, в 1940–1944 – в аспирантуре того же университета; в 1942–1944 вместе с университетом находился в эвакуации в Саратове. На фронт Виктор Михайлович не был призван, потому что в 1932 году стал инвалидом, потеряв в результате несчастного случая правую ногу. В 1944–1959 годах Морозов работал в Карело-Финском (Петрозаводском) университете на кафедре литературы, несколько лет был заведующим этой кафедрой и деканом историко-филологического факультета. По свидетельству С. М. Лойтер,

«в конце 1940-х, в трудную для гонимых ленинградских ученых пору, Виктор Михайлович пригласил работать в наш (Петрозаводский. – *А. П.*) университет таких выдающихся филологов, как Л. Я. Гинзбург, Н. Я. Берковский, фольклорист и мифолог Е. М. Мелетинский» [6: 31].

В 1959 году Морозов не прошел переизбрание по конкурсу, некоторое время работал в библиотеке, помышляя об отъезде из Петрозаводска. Но в 1962 году ему удалось закрепиться на кафедре литературы Карельского педагогического института, где он проработал до выхода на пенсию в 1974 году (три года в должности заведующего кафедрой). Однако и позднее Виктора Михайловича неоднократно приглашали в университет и пединститут для руководства государственной экзаменационной комиссией и чтения отдельных

лекционных курсов². А читал он в течение своей долгой преподавательской жизни много разных предметов: историю древнерусской литературы, русской литературы XVIII века и первой трети XIX века, Введение в литературоведение, Библиографию русской литературы, спецкурс по творчеству А. С. Пушкина и ряд других. Кандидатская диссертация (1961) Морозова была посвящена журналу «Финский вестник», который он изучал в контексте русской журналистики 1840-х годов. Список научных публикаций Морозова включает также несколько статей о В. Г. Белинском. В Петрозаводске Виктор Михайлович был широко известен как страстный библиофил, особенно его интересовали книги, посвященные юмору и сатире³. Человек открытый и общительный, Морозов был дружен со многими известными филологами (К. В. Чистов, Л. Я. Гинзбург, Е. М. Мелетинский, Л. А. Дмитриев и другие), с некоторыми из них состоял в переписке. Он хранил также память обо всех, с кем дружил или просто был знаком в студенческие годы, – однокурсник Морозова Н. И. Ченцов охарактеризовал его как «неутомимого и всезнающего (бывших лифлийцев)»⁴.

В студенческие годы, во время обучения в ЛИФЛИ, и началось общение В. М. Морозова и В. И. Малышева, переросшее постепенно в дружбу. В 1940 году состоялась их совместная археографическая экспедиция в Поморье по заданию КНИИК, для которого они всего за две недели приобрели 150 рукописей XV–XIX веков, несколько старопечатных книг XVI–XVII веков и 10 лубочных картинок XVIII–XIX веков [8: 149]. После войны 1941–1945 годов их встречи, как отмечал В. М. Морозов, «носили эпизодический характер». Морозов часто бывал в Ленинграде и старался навестить своего друга дома или на работе, а Малышев несколько раз приезжал в Петрозаводск. Отношения приходилось поддерживать главным образом благодаря переписке. В личном фонде Малышева в Рукописном отделе ИРЛИ хранится около 150 писем и открыток Морозова, написанных в период с июня 1945 по апрель 1976 года⁵. Ответные письма Малышева представлены гораздо меньшим числом – 15 (апрель 1953 – апрель 1976 года)⁶; очевидно, что основная их часть оказалась утрачена (см. публикацию переписки В. И. Малышева и В. М. Морозова: [13]).

В свое время А. М. Панченко развенчал миф о том, что В. И. Малышев являлся «фанатиком дела, который так горячо полюбил древнерусские рукописи и протопопа Аввакума, что махнул рукой на все остальное» [11: 269]. В. И. Ма-

лышева «с равным успехом... можно изображать и «фанатиком родства»» [11: 270] и, пожалуй, можно добавить – «фанатиком дружбы». Дело в том, что привязанность В. И. Малышева к В. М. Морозову была лишена какого-либо «корыстного» начала, поскольку последний был далек от археографии. В. М. Морозов иногда сообщал В. И. Малышеву некоторые сведения, относящиеся к рукописям, или попадавшие ему в печати заметки о протопопе Аввакуме, но все же их дружба была основана на другом. Их объединяли прежде всего студенческое прошлое, общий круг друзей и знакомых, новостями о которых они охотно обменивались, дела семейные, с приближением старости – все чаще вопросы здоровья. Разумеется, два литературоведа, выпускники блистательного филологического факультета ЛГУ не могли не обсуждать и проблемы науки, новые книги, судьбы ученых, защиты диссертаций и т. п., но этот профессиональный диалог редко уходил в чисто практическое, интересное для В. И. Малышева как собирателя рукописей русло.

Свои воспоминания, с которыми В. М. Морозов выступил на «Малышевских чтениях» 1977 года, он оформил на бумаге не сразу: окончательный текст был составлен 10 июня 1978 года. Получив воспоминания, В. П. Бударгин, заведующий Древлехранилищем после смерти В. И. Малышева, написал автору:

«За воспоминания Вам огромное спасибо. С интересом прочитал и перечитал их. Есть в них драгоценные крупинки жизни Владимира Ивановича в 30–40-е годы. Основание теперь положено, и если еще вдруг в памяти воскреснут какие-то эпизоды, то записать их будет уже проще. Думаю, что многое сможете Вы уточнить и по отношению к “Владимиру Ивановичу” Д. А. Жукова (“Новый мир”, 1978, № 7). Всякие такого рода уточнения и дополнения легко будет ввести в основной текст Вашего повествования. Возможно, что-то удастся опубликовать (есть у нас кое-какие планы на этот счет)» (письмо от 2 октября 1978 года)⁷.

О «планах на этот счет» В. М. Морозову сообщал и Л. А. Дмитриев:

«Мы все же надеемся как-то издать воспоминания о Володе <...>. По-видимому, это будет выглядеть так. Издадим вторую книгу о Древлехранилище. Первую (“Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома”, 1972) ты, наверное, знаешь. Первая часть книги будет посвящена описанию рукописей и публикации текстов, а вторая – истории создания Древлехранилища. Вот в этой 2-ой части и опубликуем материалы о Володе. Иначе, к сожалению, нельзя – теперь, чтобы издать книгу и даже статью, посвященную кому бы то ни было персонально, нужны разрешения столь высоких инстанций, что это просто невозможно» (письмо от 20 октября 1978 года).

«Вторая книга» о Древлехранилище увидела свет только в 1985 году: здесь были опубликованы размышления-воспоминания Д. С. Лихачева [5] и А. М. Панченко [11]. В третий «малышевский» сборник (1990) также был помещен мемуарный раздел [1], [15], [16]⁸, но воспоминания В. М. Морозова сюда опять не вошли и до настоящего времени оставались неизданными⁹.

Письмо В. П. Бударгина от 2 октября 1978 года подвигло В. М. Морозова на написание дополнений и уточнений к воспоминаниям. Все они были высланы В. П. Бударгину в 1978–1981 годах для возможного включения в воспоминания в случае их публикации или по крайней мере «для сведения». По просьбе В. М. Морозова воспоминания о В. И. Малышеве написали Е. Я. Ленсу и А. И. Кузьмин, они также были отсланы в Пушкинский Дом, причем воспоминания Е. Я. Ленсу – с комментариями В. М. Морозова.

Помимо воспоминаний о В. И. Малышеве и переписки с В. П. Бударгиным, в Древлехранилище до недавнего времени хранились и другие материалы В. М. Морозова, так или иначе связанные с В. И. Малышевым. Этот небольшой архив петрозаводского филолога включает письма к нему А. Х. Горфункеля (2), Л. А. Дмитриева (6), Д. А. Жукова (1), А. И. Кузьмина (1) и письма В. М. Морозова к Л. А. Дмитриеву (1) и Д. А. Жукову (1). Три письма В. И. Малышева к В. М. Морозову прислала в Древлехранилище вдова последнего С. М. Зеликина. Все эти документы долгие годы находились в Древлехранилище (без шифров), но в 2022 году были переданы в РО ИРЛИ в фонд В. И. Малышева (ф. 494).

В воспоминаниях В. М. Морозова особый интерес представляют сведения о событиях довоенных лет – о студенческих буднях В. И. Малышева и об их совместной археографической поездке в Поморье в 1940 году. Рассказ об этой экспедиции содержит интересные бытовые детали, зарисовки Петрозаводска и поморских сел, характеристики владельцев книг – старообрядцев, описание «методов» В. И. Малышева по собиранию рукописей, его успехов и неудач. В поездке из Петрозаводска до Беломорска молодые ученые ехали «с известным сказителем-сказочником Федором Николаевичем Свиныным, у него и останавливались в Сумском Посаде». Скорее всего, эта встреча не была случайной: Ф. Н. Свинына хорошо знали в КНИИК, в 1930-е годы фольклористы института записали от него более 60 сказок и произведений других жанров, в 1941 году была завершена подготовка к изданию сборника его сказок¹⁰. Вероятно, в сентябре 1940 года он приезжал в КНИИК, и его попро-

сили сопроводить собирателей рукописей и оказать им помощь. Во время археографической экспедиции 1940 года от Свинына была получена и рукописная часть его библиотеки¹¹.

Менее подробно В. М. Морозов пишет о своем общении с В. И. Малышевым после войны. Характеризуя человеческие качества Малышева, в частности его «неизбывный гуманизм» и стремление оказывать содействие людям, порой даже малознакомым, Морозов кратко упоминает (не в основном тексте, а в примечании) ту «дружескую помощь В. Малышева», которую привелось ему испытать «в тяжелые моменты жизни (1949, 1959)».

В 1949 году, в период борьбы с «космополитизмом», В. М. Морозову, как он писал в своей автобиографии, был

«вынесен Горкомом КП(б) КФССР строгий выговор за допущение космополитических ошибок в преподавании и, главное, за непартийное поведение в период рассмотрения такого рода ошибок в работе всей кафедры литературы (Петрозаводского университета. – А. П.)»¹².

«Партийной критике» за «космополитические „идейки“» подверглись тогда и другие преподаватели этой кафедры – Е. М. Мелетинский, Л. Я. Гинзбург и Л. В. Павлов¹³.

В 1959 году закончился срок пребывания В. М. Морозова в должности старшего преподавателя кафедры литературы Петрозаводского университета, и он должен был переизбираться по конкурсу. Но неожиданно для В. М. Морозова документы на конкурс подал и другой литературовед – выпускник филологического факультета ЛГУ И. М. Губарев, которого В. М. Морозов и В. И. Малышев хорошо помнили еще со студенческих лет как человека с дурной репутацией. Не случайно в своих воспоминаниях В. М. Морозов – не без удовольствия, но без всяких пояснений – отмечает, что в повести «Паруса, изорванные в клочья» (1963) писатель А. И. Кузьмин (близкий друг Малышева по ЛГУ) дал своему отрицательному герою имя «Ваньки Губарева», в то время как «положительный по человеческим и боевым качествам матрос носит имя Володимерко Малышев». По конкурсу в 1959 году прошел И. М. Губарев: в отличие от В. М. Морозова он уже успел к этому времени защитить кандидатскую диссертацию¹⁴. В. М. Морозов остался на некоторое время без работы.

В чем заключалась «дружеская помощь» Морозову со стороны Малышева в 1949 году – неизвестно (их переписка этого времени не сохранилась). Но в 1959 году Малышев пытался увеличить шансы своего петрозаводского друга на победу в конкурсе, добиваясь получения

от видных ученых-пушкинодомцев положительных отзывов о его научной деятельности. Эти хлопоты не увенчались успехом, но, как справедливо отмечал В. М. Морозов, «во всяком случае не по вине В. Малышева».

Материалы, которые В. М. Морозов присылал частями в Древлехранилище вслед за текстом воспоминаний, содержат как небольшие дополнения к ним, так и разнообразную другую информацию: о поездке на первые «Малышевские чтения» (Морозов оформил этот рассказ как выписки из своих писем друзьям в Минске – супругам А. Я. Скир и Т. М. Луценко и однокурснице Е. Я. Ленсу), впечатления от повести Д. А. Жукова «Владимир Иванович» и от общения с ее автором, комментарии к воспоминаниям Е. Я. Ленсу о В. И. Малышеве, к воспоминаниям В. И. Малышева об академике М. Н. Тихомирове и др.

Одно дополнение к воспоминаниям дает повод вернуться к мысли А. М. Панченко о Владимире Ивановиче как о «фанатике родства» – о человеке, обладавшем «сильными семейными чувствами» [11: 269]. В 1943 году из письма А. И. Малышевой (тетки, сестры отца) В. И. Малышев узнал о гибели на фронте своего старшего брата Николая¹⁵, которого очень любил и памяти которого впоследствии посвятил книгу «Повесть о Сухане» (1956). По-видимому, он пытался после войны найти хоть какую-то информацию о пребывании своего брата на фронте. В 1964 году в журнале «Огонек» ему попала на глаза заметка «Снимок из Дрездена»¹⁶, в которой приводились воспоминания А. С. Бондарчука, врача из Петрозаводска, о советских пленных, находившихся в 1943 году в лазарете для заключенных лагеря Шморкау. Среди них А. С. Бондарчук упомянул и «врача Малышева». В. И. Малышев попросил В. М. Морозова связаться с А. С. Бондарчуком, чтобы узнать подробности о «враче Малышеве», предполагая, что этим врачом мог быть его брат Николай. В поисках была особенно заинтересована мачеха В. И. Малышева Александра Александровна, которую он нежно любил и называл мамой. К сожалению, письмо самого В. И. Малышева с этой просьбой не сохранилось. Но из писем В. М. Морозова можно понять, что В. И. Малышев и его мама надеялись на обнаружение Николая живым.

«Между нами говоря, я очень слабо верю на (*sic!*) обнаружение твоего брата: тебя-то уж он всяко мог отыскать в Л<енингра>де, а тем более сестру – ведь она жила по тому же адресу, что и до войны? Но выяснение судьбы оправдывает все возможные поиски!»¹⁷ – писал В. М. Морозов В. И. Малышеву.

Надежды, действительно, не оправдались: «врач Малышев» оказался совсем другим человеком¹⁸.

Материалы В. М. Морозова – не только его собственные письма, но и письма к нему – интересны также откликами разных людей на повесть Д. А. Жукова «Владимир Иванович», опубликованную в журнале «Новый мир» (1978. № 7. С. 173–242). В письме от 21 октября 1978 года к В. П. Бударагину В. М. Морозов писал о своем двойственном впечатлении от этого произведения. Положительно оценив сам факт обращения писателя к личности В. И. Малышева, он отметил и недостатки повести: ненужную «беллетризацию» (включение «романтической любовной истории на фронте»), художественные просчеты («“кинематографический” (по “кадрам”) стиль повествования»), ошибочную интерпретацию отдельных фактов. Весьма критически В. М. Морозов отзывался и о личности самого Жукова. Мнение Морозова, как следует из писем к нему, в целом разделяли и другие друзья и коллеги Владимира Ивановича. Наиболее мягкая оценка принадлежит А. И. Кузьмину:

«В повести Жукова имеются некоторые банальности, придуманные автором, но, слава Богу, что это произведение появилось и многие узнают о нашем дорогом друге. За то, что Жуков написал эту повесть и напечатал, нужно быть ему благодарным» (письмо к В. М. Морозову от 15 января 1979 года).

Однако остальные корреспонденты В. М. Морозова были не столь благосклонны. Одной из причин решения друзей и учеников Малышева собрать и опубликовать воспоминания

о нем было желание противопоставить «подлинного» Малышева «жуковским пошlostям» (письмо Л. А. Дмитриева В. М. Морозову от 20 октября 1978 года).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В. М. Морозов прекрасно осознавал значение В. И. Малышева для российской науки и культуры, отмечал в своих мемуарах демократизм и глубоко национальный смысл его подвижнических трудов. Собираение рукописей, как писал Морозов, это «подлинный глубокопатриотический подвиг» Малышева, «весь пафос деятельности» которого – «в преумножении именно национально-русского духовного богатства». Как участник карельской экспедиции В. И. Малышева 1940 года В. М. Морозов тоже оказался причастен к этому большому делу. В сохранении рукописного наследия Карелии есть и его вклад.

Публикуемые ниже материалы разделены на две части: 1) воспоминания В. М. Морозова; 2) дополнения к воспоминаниям в письмах к друзьям и коллегам. Воспоминания издаются в полном объеме, а письма выборочно, поскольку в некоторых из них В. М. Морозов повторял текст почти дословно либо касался вопросов, не представляющих большого интереса. Публикуемые письма воспроизводятся с некоторыми сокращениями, в основном по причинам этического характера. Тексты сопровождаются комментариями, которые обозначены римскими цифрами. Примечания, пронумерованные с помощью арабских цифр, принадлежат В. М. Морозову.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автобиография В. М. Морозова в личном листке по учету кадров (Архив Петрозаводского государственного университета, ф. 1178, оп. 4, д. 5/119 (15 декабря 1944 – 5 сентября 1959), л. 20).

² Так, в 1979/80 учебном году автор настоящей публикации слушал в университете в исполнении В. М. Морозова курс по истории древнерусской литературы.

³ Часть библиотеки В. М. Морозова после его смерти была приобретена Петрозаводским университетом.

⁴ Письмо Н. И. Ченцова к В. И. Малышеву от 28 мая 1967 года (РО ИРЛИ, ф. 494 (фонд В. И. Малышева), оп. 2, д. 1305, л. 3): «Не так давно был у меня неутомимый, всезнающий (бывших лифтийцев) Виктор Морозов».

⁵ РО ИРЛИ, ф. 494 (фонд В. И. Малышева), оп. 2, д. 870 и 871.

⁶ 11 писем находятся в личном архиве Е. В. Морозова (Петрозаводск) – сына В. М. Морозова, четыре письма находились в Древлехранилище ИРЛИ (три из них в 1986 году передала вдова В. М. Морозова С. М. Зеликина), в 2022 году переданы в РО ИРЛИ.

⁷ Свои воспоминания В. М. Морозов выслал также А. И. Кузьмину, который в письме к автору отозвался о них следующим образом: «Воспоминания твои о В. И. Малышеве почитал с удовольствием. Удивился, как много сохранилось в твоей памяти. Мои воспоминания – скромнее. Все, что ты пишешь, очень интересно!» (письмо от 15 января 1979 года).

⁸ К материалам мемуарного характера следует отнести также публикации докладов на «Малышевских чтениях» в 1980 и 1981 годах [2].

⁹ Остаются неопубликованными также следующие воспоминания: Борисов Н. П. Встречи с В. И. Малышевым. 1987, январь: 1) Оригинал статьи, 6 л.; 2) Машинопись статьи, 5 л.; Гунькин Г. Три поездки в Ленинград: Воспоминания о В. И. Малышеве. Машинопись с правкой, 26 л. Б. д. (в настоящее время Е. Д. Конусова готовит этот текст к публикации); Кузьмин А. И. 1) Наш Володя. Б. д. Машинопись (2-й экз.), 7 с., без окончания; 2) Страничка из воспоминаний (сокращенный вариант предыдущего текста). Б. д. Машинопись, 3 с.

- ¹⁰ Составленный в 1941 году сборник был опубликован только в 2016 году: Избранные сказки Ф. Н. Свинына / Подбор текстов, вступ. ст. и коммент. О. Г. Большаковой и В. Р. Дмитриченко; Подгот. текстов к печати, предисл., науч. ред. А. С. Лызловой. Петрозаводск: Издат-Принт, 2016. 200 с.
- ¹¹ См.: Малышев В. И. Памятники древней культуры // Ленинское знамя (газета). Петрозаводск, 24 августа 1946. № 169.
- ¹² Архив Петрозаводского государственного университета, ф. 1178, оп. 4, д. 5/119 (15 декабря 1944 – 5 сентября 1959), л. 22.
- ¹³ См.: О проявлениях космополитизма в работе кафедры литературы Университета // Ленинское знамя (газета). Петрозаводск, 23 марта 1949. № 57.
- ¹⁴ По мнению И. П. Лупановой, которая заведовала в эти годы кафедрой литературы Петрозаводского университета, в таком решении «сработала „пятая графа“». Правда, сам Морозов был русским, но женат – кошмар! – на Сарре Мироновне» [7: 197]. В своих воспоминаниях И. П. Лупанова дает резко отрицательную оценку профессиональным и человеческим качествам И. М. Губарева [7: 196–198].
- ¹⁵ См.: В. И. Малышев. Переписка (1941–1945). В поисках древних рукописей / Публикация Г. В. Маркелова // «Верили в Победу свято». Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома / Сост. Л. Г. Агамаян. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2015. С. 104.
- ¹⁶ Рудим В. Снимок из Дрездена // Огонек. 1964. № 51 (1956). 13 декабря. С. 14–15.
- ¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 494 (фонд В. И. Малышева), оп. 2, д. 870, л. 125–126 (письмо от 15 января 1965 года).
- ¹⁸ В своих воспоминаниях о войне А. С. Бондарчук указывает другую фамилию этого врача – Малыш Феодосий Васильевич (Бондарчук А. С. Записки бывшего военнопленного. Петрозаводск, 1995. С. 49).

ТЕКСТЫ

<I. Воспоминания>

Владимир Иванович Малышев (23 июля 1910 – 2 мая 1976) (Материалы к воспоминаниям)¹

В. И. Малышев, если я не ошибаюсь, поступил на исторический факультет ЛИФЛИ^{II} в 1933 году, но через год перешел на литературный факультет, существовавший отдельно с факультетом лингвистическим¹. А я поступил на тот же факультет в 1935 г. Как мы познакомились, конечно, теперь не установишь. Произошло это, очевидно, через кого-то из общих знакомых (скорее всего – через Анатолия Михайловича Кальнера^{III}). Надо думать, что еще до знакомства с В. Малышевым мне было известно его студенческое прозвище – «Аввакум», порожденное его интересом к древнерусской письменности вообще и к личности протопопа Аввакума – в частности.

Летние каникулы В. Малышев проводил в поездках-поисках древнерусских рукописей, осуществляя эти поездки на свой страх и риск, на свои студенческие средства. Возвращался он в Ленинград поздней осенью, где-нибудь в ноябре, а то и позже. К этому времени его уже отчисляли из института за неявку на занятия. Но В. Малышев привозил «мешок» рукописных книг, благодаря чему его высокие покровители – академики А. С. Орлов, В. В. Струве, Б. Д. Греков, И. И. Мещанинов, С. П. Обнорский^{IV} добивались беспрекословного восстановления В. Малышева в числе студентов. Он включается в подготовку к зимней экзаменационной сессии, которая, естественно, затягивается на второй семестр. Но летняя сессия проходит более или менее нормально. А после нее он вновь на каникулы едет за рукописями, и опять до самой поздней осени... Им подлинно владела «одна, но пламенная страсть»^V.

Ездил В. Малышев за рукописями в различные места, но в первую очередь на Север – в район р. Печоры, где встречал подчас примечательных людей, оказавшихся там отнюдь не по доброй воле. Так, например, он рассказывал о встрече с одним из героев гражданской войны – Авксентьевским^{VI}. Разумеется, о подобных встречах становилось известно от самого В. Малышева, и иногда это оборачивалось, мягко выражаясь, не в его пользу: однажды его чуть не исключили из комсомола за то, что, общаясь с двумя бывшими монахами – 80-летним и 70-летним, – он не вел с ними антирелигиозной пропаганды.

В. Малышев имел комнату в коммунальной квартире. После войны жил он тоже в коммунальной квартире (на Боровой ул<ице>). В субботу и на воскресенье ездил к сестре на Невскую заставу, являвшую собою в ту пору довольно глухую, «патриархальную» окраину Ленинграда. Сестра была для него самым близким человеком^{VII}; смерть ее (после войны) он будет очень тяжело переживать.

В. Малышев вовсе не был аскетом, как это можно было бы предположить, исходя из его научных интересов. Бывало, при посещении студенческого общежития (на пр. Добролюбова) сразу можно было узнать, нет ли тут Малышева. А разгадка в следующем: на двери каждой комнаты имелся почтовый ящик (из фанеры или картона), но у В. Малышева в «веселом» настроении была мания их снимать и складывать где-нибудь в углу коридора. Отсутствие на дверях комнат почтовых ящиков и свидетельствовало о присутствии В. Малышева в общежитии... Подобные похождения не всегда проходили бесследно – вставал вопрос и об исключении из комсомола. Но, как я недавно узнал, в таком случае А. С. Орлов – декан литературного факультета ЛИФЛИ являлся в комитет КСМ^{VIII} и решительно заявлял: «Вы не вздумайте исключать моего Малышева!»

Большим мастером был В. Малышев и на выдумки-анекдоты. Например, по-серьезному обсуждалась его версия, что их однокурсник – Миша Зеленов (личность «историческая», очень колоритная) якобы отбыл на Северный полюс. И все потому, что Миша неделю не мог «собратиться» на занятия после очередного «загула».

Литературные, художественные и научные (литературоведческие и исторические) связи и знакомства В. Малышева были необычайно обширны; он обладал исключительной способностью устанавливать контакты с интересными для него людьми – писателями, художниками, учеными, деятельность которых как-либо пересекалась с его древнерусскими изысканиями. В числе необозримо многих знакомых В. Малышева можно назвать Н. Клюева, В. Шишкова, А. Чапыгина, А. Прокофьева, Л. Леонова, художника И. Билибина^{IX} (по возвращении последнего из-за границы). Летом 1945 г. В. Малышев долго ходил возле гостиницы «Астория», где остановился Андре Мазон^X: с одной стороны, велико было желание личного знакомства с выдающимся французским славистом, но, с другой стороны, встреча капитана советской армии с иностранным членом Академии наук СССР (прибывшим на ее 220-летие) могла иметь неприятные последствия.

Литературные знакомства В. Малышева делали его главным организатором встреч писателей со студентами. Не всегда они кончались мирным исходом, ибо, как известно, студенты-филологи все (или через одного!) сами поэты, а отсюда пренебрежительное отношение к профессиональным литераторам, особенно к молодым. Так, например, запомнился вечер А. Чуркина^{XI}: он читает стихи, а из зала кричат: «Хватит!» Растерявшийся поэт спрашивает: «Продолжать ли?» На это сидящий в первом ряду в качестве организатора В. Малышев спокойным голосом отвечает: «Читай дальше!» И чтение стихов продолжается, хотя во всеобщем сплошном шуме что-либо понять уже невозможно...

Кончил В. Малышев филологический факультет ЛГУ в 1939 году. Среди студентов ходили слухи, что он сдает государственные экзамены по школьным учебникам. Но это были не слухи, а реальность – об этом мне позднее рассказывал П. Н. Берков^{XII}. И никого подобный факт не смущал: к окончанию вуза В. Малышев уже представлял собою такого уникального специалиста, что все прочие его знания являлись как бы формальным «довеском». Подлинно, он сам себя сделал дипломированным специалистом. И ни у кого не могла подняться рука, чтобы лишить В. И. Малышева права на диплом о высшем образовании. Нечто подобное произойдет со сдачей кандидатского минимума.

По окончании ЛГУ В. Малышев был направлен на работу в Рукописный отдел БАН, которым руководил акад. А. С. Орлов. Но с осени того же года он участвует в войне с Финляндией. В этот же период В. Малышев побывал в Валаамском монастыре, где имелася богатая библиотека, однако все ценные рукописные книги монахи уже успели вывезти за границу.

Демобилизация В. Малышева совпала с сокращением штатов в БАНе. Как молодой специалист, принятый на работу по распределению, он не подпадал под сокращение. Подлежала увольнению одинокая женщина, на руках которой был ребенок. Вместо нее «по сокращению штатов» В. Малышев уволился сам.

Когда В. Малышев остался без работы, возникла идея экспедиции в Карелию за древнерусскими рукописями. Ее реализует А. Д. Соймов^{XIII} – зав.<едующий> сектором фольклора Карельского научно-исследовательского института культуры (КНИИК – первооснова будущего Карельского филиала Академии наук СССР)² и М. М. Михайлов^{XIV} – сотрудник того же сектора³. Идея экспедиции нашла поддержку директора КНИИК В. И. Машезерского^{4, XV}.

В экспедиции я принял участие в качестве рабочей силы. Поездка состоялась в сентябре 1940 г., в промежутки времени между сдачей мною вступительных экзаменов в аспирантуру и утверждением ВКВШ^{XVI} приема в аспирантуру⁵.

Довоенный Петрозаводск – почти сплошь деревянный город. Каменных зданий насчитывалось, вероятно, не более двух десятков (включая ампирные строения Губернского правления XVIII века). По пути с вокзала, находившегося на окраине города, в КНИИК (на ул. Пушкинской – здание погибло во время войны) был рынок, где мы купили раков, большим любителем которых был В. Малышев, и по-деревенски съели их прямо на улице. Бросилась в глаза такая картина: калитка во двор одного из зданий бывшего Губернского правления, с указанием, что там помещается Наркомфин, висела на одной петле...

В КНИИК нас снабдили соответствующими удостоверениями, кое-какими деньгами. Из Ленинграда мы прихватили для своего пропитания чай, монпа<н>сье («ландрин»), сахар, пригодившиеся и для «обменных операций» с владельцами рукописных книг.

Из Петрозаводска на Север выехали вместе с известным сказителем-сказочником Федором Николаевичем Свиным^{XVII}. У него и останавливались в Сумском Посаде. Почему-то ж<елезные> д<орожные> билеты нам продали только до Медвежьей Горы. Здесь В. Малышев побежал на вокзал, чтобы купить билеты до ст<анции> Сорока (г. Беломорск). Но касса была закрыта. Между тем вагон полупустой. А следующий поезд пойдет только через двое суток. Решаем ехать «зайцами», но предварительно договорившись с проводником. «Договоренность» нам обошлась примерно в стоимость билетов. Проводник поместил нас всех троих в багажнике, где хранятся постельные принадлежности; было мягко, но крайне неудобно – в согнутом положении. Ф. Н. Свиный говорил: «Едем, как кролики. Обязательно напишу сказку...» Увы, не написал⁶.

От Беломорска до Сумского Посада ехали в рабочем поезде: шло строительство линии от ст<анции> Сорока Кировской ж<елезной> д<ороги> до ст<анции> Обозерская Архангельской ж<елезной> д<ороги>⁷.

Председатель Сумпосадского сельсовета (большевик с дореволюционным партийным стажем, из бывших политических ссыльных), узнав о цели нашего приезда, когда мы явились к нему для регистрации, предложил нам выделить... милиционера, чтобы с его помощью и охраной понести борьбу с религией – «опиумом для народа». Но мы отказались от этой помощи.

К великому сожалению, за три года до нашего приезда в Сумском Посаде была уничтожена церковь, поставленная еще в 14 веке^{XVIII}. Остатки разрушенной церкви оказались на территории лагеря заключенных («Услаг» – «Услон»), куда, естественно, мы даже не делали попытки проникнуть: никто нас <не> пустил бы (а добиваться не было смысла, так как искать что-либо из рукописей через 3 года после ликвидации церкви было бесполезно). Между тем, как выяснилось впоследствии, часть церковного имущества (книги, иконы) была присвоена местными жителями. Но нам об этом никто не сказал. Я на этом останавливаюсь по следующему поводу: несколько лет назад (в 1973–74 гг.) в Сумский Посад из Ленинграда приезжали «бородатые молодые люди» и увезли до 10 ящиков с иконами и книгами. Книги были приобретены у местной жительницы, которая, как почти достоверно известно, в 1930-е годы входила в состав так называемой «двадцатки» – органа церковного самоуправления; не исключено, что и иконы были куплены у нее же (в основном за водку), а к ней попали из той же Сумпосадской церкви. Об этой операции «бородатых» я сообщил В. И. Малышеву^{XIX}, но он так и не смог узнать, кто это был из Ленинграда. Надо думать – из числа расплодившихся спекулянтов, которых так органически ненавидел В. И. Малышев.

Сумский Посад – большое поморское село. В 1940 году почти в каждой избе – своя секта или особый «толк». Разумеется, осматривал, оценивал, торговался и приобретал книги В. И. Малышев. А я только «подпевал» ему и думал при этом: если бы ко мне так приставали, то, честное слово, отдал бы последние, простите, штаны, только отвяжитесь...

Но и у В. И. Малышева не всегда это удавалось. Так, несколько раз он торговал книги у двух старух, между которыми были явно иерархические отношения, вызванные не только разностью возраста – одной лет 80, другой около 70-ти, но старшая по годам, очевидно, была «старшей» и по сектантской иерархии. По-видимому, книги не представляли большой ценности, но главное – за них просили... муку. Откуда она у нас? Мы могли предложить чай, конфеты, сахар. Но это не устраивало книговладельцев, т<ак> к<ак> одна из них ни разу в жизни не съела ни конфетки, ни кусочка сахара, а другая только в детстве съела конфету. Все это запретное, ибо искусственное. (Можно и нужно употреблять только «естественные» продукты, в данном случае – мед). Для дополнительного давления на владельца книг В. И. Малышев пригласил меня. Тут произошло следующее: во время разговора со старшей женщиной он попросил воды напиться. Младшая что-то долго шептала за занавеской, наконец подала ему ковш с водой; продолжая беседу, он, еще не приложившись к ковшу, сделал попытку поставить ковш на стол. Обе хозяйки резко встопенились и запретили ставить ковш. Тогда В. И. Малышев выпил воду, а младшая из женщин с ярко выраженным неудовольствием почти выхватила из его рук опорожненный ковш и выбежала из избы. Можно предположить, что этот ковш был выброшен как опоганенный прикосновением «иноверца».

В 15-ти километрах от Сумского Посада находится дер. Пертозеро, но какая разница в окружающей природе! Сумский Посад расположен в тундровой части Беломорского побережья, а Пертозеро – в лесном оазисе, поразившем нас яркими красками осенней листвы. В деревне всего 6–7 изб, поставленных в один ряд на узком перешейке, разделяющем два озера. Прямо от изб начинается спуск к обоим озерам. Одно из них круглое, до 1,5 км в диаметре, другое вытянуто на 5–6 км в длину и шириной до полукилометра. По берегам озер вырытые в земле кельи, в которых в прежние времена жили местные отшельники^{XX}. Они питались лесными дарами – грибами, ягодами – и рыбой из озер. По субботам (летом на лодках) прибывали в Пертозеро, справляли всенощную службу, ночевали, а после воскресной заутрени разъезжались по своим скитам. Когда мы там были – в сентябре месяце – такая благодать в этом оазисе, что истинно – только с богом беседовать!

В эту пору проходила ликвидация хуторов, к разряду которых причислили и Пертозеро, поэтому жители деревни были переселены в Сумский Посад. Для охраны же изб и огородов остался один старик лет 70 с 6-и – 7-илетним внуком. Дед в свое время, когда ему было 17 лет, в числе других местных жителей-старообрядцев – при Александре III – ездил в Архангельск (в губернскую епархию?) для получения старообрядческих книг (в первую очередь богослужебных), которые были у него отобраны во времена Николая I (при очередном на них тогда гонении). Надо думать, что к старости наш хозяин не стал безбожником. Но он понял, что нам рукописные книги нужны, что мы явились отнюдь не для их уничтожения, и потому он с В. И. Малышевым обзавели чердаки всех домов и собрали несколько мешков книг. Дед, кстати сказать, не отказался от наших «обменных» конфет и чая (в отличие от сумпосадских бабок).

С большим трудом на подводе собранные книги вывезли в Сумский Посад, а оттуда – в Беломорск (по ж<елезной> д<ороге>). Кое-что нашли и в ближайших к Беломорску деревнях.

Строго говоря, наша поездка была первой экспедицией В. И. Малышева, т<ак> к<ак> все его предшествующие поездки носили, так сказать, индивидуальный характер. Было собрано около 150 рукописных книг XV–XIX вв., несколько старопечатных книг XVI–XVII вв. и 10 лубочных картинок XVIII–XIX вв. Отчет об экспедиции «Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска» В. И. Малышев поместил в V томе «Трудов Отдела древнерусской литературы» ИРЛИ (с. 149–155), который вышел из печати в 1947 году. Но отклики на нашу экспедицию (не без участия В. И. Малышева) появились сразу же в центральных газетах

(«Известия», «Литературная газета» и др.) и в местных. Среди них и курьезные, например, сообщение о том, что найдены старопечатные книги XIV века (хотя здесь, вероятно, просто опечатка: вместо XVI века).

К 1 октября я возвратился в Ленинград, а В. И. Малышев остался в Петрозаводске. Он не спеша и тщательно описывал как привезенные нами рукописи, так и те, что имелись в хранилищах Петрозаводска. Одновременно вел занятия по палеографии со студентами только что открытого Карело-Финского университета – по 2 часа в неделю, соответственно этой нагрузке получая зарплату. Но последнее – размеры заработка – никогда не волновали В. Малышева.

Весной 1941 года В. Малышев еще раз съездил на Карельское Поморье (Кемь – Беломорск), о чем пишет в указанном отчете.

С началом Великой Отечественной войны В. И. Малышев – в рядах действующей армии. Осенью 1941 г. он был ранен, и я его навещал в госпитале (в Академии связи, на Петроградской стороне). После излечения он опять на Ленинградском фронте.

Вновь мы встретились летом 1944 года, по возвращении ЛГУ из Саратова: я ездил к В. И. Малышеву, когда Финляндия вышла из войны, в распоряжение его воинской части в районе Токсово – Кавголово. Между прочим, под его началом служил бывший директор ЛИФЛИ, а перед самой войной – проректор по административно-хозяйственной части ЛГУ А. <М>. Морген^{xxi}.

С передвижением фронта за пределы Советского Союза В. И. Малышев «организовал» себе «экспедицию» вдоль нашей западной границы до южных старообрядческих поселений, оказавшихся разделенными между Молдавией и Румынией. Именно в этой поездке он нашел под Ригой список «Слова о погибели Земли Русской»^{xxii}, о котором вспоминал Д. С. Лихачев на панихиде В. И. Малышева.

В упоминавшемся выше отчете «Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска» В. Малышев эпически сообщает: «Осенью 1945 г. мне довелось быть в военной командировке в гг. Барануле, Тюмени и Тобольске» (стр. 155). В действительности все обстояло не так уж просто. Туда он попал, сопровождая ж<елезно>д<орожный> эшелон демобилизуемых фронтовиков. А оказавшись в Сибири, не мог не «захватить» в Тобольск, связанный с именем протопопа Аввакума. В. Малышев пишет, что был «в военной командировке», но, как легко догадаться, она не предусматривала обследование рукописных древлехранилищ. В это время начался ледостав, гражданских самолетов почти не было. С величайшим трудом В. Малышев оттуда выбрался, а ведь мог попасть под трибунал.

После войны наши встречи носили эпизодический характер. Несколько раз В. Малышев бывал в Петрозаводске, в т<ом> ч<исле> в 1954 году, когда приезжал за рукописным собранием Карело-Финской базы АН СССР (бывш<его> КНИИК), переданным ИРЛИ по решению Президиума Академии наук^{xxiii}.

В тот же раз В. Малышев забрал у меня в Петрозаводском (Карело-Финском) университете Евангелие царевны Софьи Алексеевны, собственноручно переписанное ею для Вас<илия> Вас<ильевича> Голицына^{xxiv}, отбывавшего при Петре I заточение на севере. В науке оно известно с 19 века^{xxv}. И тогда уже в нем сохранялось только 3 миниатюры евангелистов (из положенных 4-х). Перед Великой Отечественной войной Евангелие находилось в Петрозаводске. Окупанты его вывозили в Финляндию. А при возвращении советского имущества из Финляндии Евангелие поступило в Карело-Финский университет, и я его демонстрировал студентам на занятиях по древнерусской литературе. А когда В. Малышев приехал за рукописями Карело-Финской базы АН СССР, я, как сказано выше, отдал ему это Евангелие.

Некоторое время назад в газете «Советская культура» появилась заметка, в которой сообщалось, что Евангелие Софьи Алексеевны реставрировано ленинградскими специалистами, а то, дескать, оно не имело даже переплета. Это такая несусветная выдумка, что я вынужден был о ней написать Л. А. Дмитриеву^{xxvi}! Достаточно сказать, что если бы не было переплета, то книга вообще не существовала бы, т. е. она распалась бы на отдельные листы. (Другое дело, что не было оклада на книге, как об этом справедливо пишет Т. Г. Лазарева)⁸.

В сентябре 1971 г. я на несколько дней останавливался у В. Малышева. Тогда мы с ним побывали на выставках самоваров и дореволюционных вывесок. У него болело сердце, но интерес к этой своеобразной старине заставил его, преодолевая недомогание, подняться на верхний этаж Русского музея, где были развернуты указанные выставки. По пути в музей из газет узнали о смерти А. Д. Чуркина, с которым, как я отмечал выше, В. Малышев был довольно близок в прошлом.

В последние годы жизни В. Малышева редкий месяц, а подчас и неделя проходили без того, чтобы не появлялось его имя в печати: то его очередное «письмо в редакцию», то отклики на подобные «письма», то просто упоминание его имени – в «Литературной газете», «Литературной России», «Известиях», «Ленинградской правде», журнале «Человек и закон» и многих других, в том числе местных газетах, журналах, в книгах (не говоря уже об изданиях ИРЛИ – «Труды Отдела древнерусской литературы», «Русская литература»...).

Иногда эти сообщения имели весьма своеобразный характер. Таков, например, отчет о 25-летию Древлехранилища, созданного в ИРЛИ В. Малышевым. Из-за болезни он не мог присутствовать на заседании, посвященном юбилею, участники которого приняли «приветственное письмо В. И. Малышеву»⁹ как какому-то... партийно-государственному руководителю.

Но еще более примечательны «Записки из археографических экспедиций» Н. <Н.>Покровского^{xvii} – «Книга глаголемая». Рассказывая о плане археографического обследования Сибири, автор сообщает, что план

«встретил поддержку президента Сибирского отделения АН СССР М. А. Лаврентьева и главы новосибирских историков А. П. Окладникова^{xxviii}». В приведенной цитате, как видим, расшифровывается, кто такие академики М. А. Лаврентьев и А. П. Окладников, которых могут и не знать малосведущие читатели молодежного журнала «Знание – сила». Но тем же читателям уж вовсе непозволительно не знать «самого»... В. И. Малышева. Н. <Н.> Покровский продолжает: «В 1965 году из Академгородка <...> в таежные поселки Сибири ушли группы археографов Е. И. Скоп и Е. К. Ромодановская^{xxix}, прошедших первоклассную школу под руководством самого Владимира Ивановича Малышева»¹⁰. А кто такой Малышев? Даже не поясняется, достаточно того, что он есть «сам»!

И не только как личность В. И. Малышев стал объектом статей, очерков, повестей, но и самое его имя, отделившись от своего носителя, вошло в художественную литературу. Так, вероятно, мало кому известно, что в исторической повести доктора филологических наук А. И. Кузьмина^{xxx} «Паруса, изорванные в клочья» (1963), посвященной героическому походу русской эскадры вокруг Европы и знаменитому Чесменскому бою (1770), положительный по человеческим и боевым качествам матрос носит имя Володимерко Малышев. Он противопоставлен Ваньке Губареву^{xxxi} – трусу, лстецу и доносчику, которого за воровство вешают на рее.

Я уже говорил выше, что В. Малышев был вполне земной человек: он совершенно реально мыслил и очень правильно оценивал людей, с которыми приводилось сталкиваться. Будучи сам от природы необычайно простым, в полном смысле демократом (это определение в применении к В. Малышеву звучит даже как-то слишком выспренно), он был естественен в общении с кем бы то ни было – от уборщицы до президента Академии наук. И потому ужасно презирал часто встречающихся среди «ученых» двуличных людей – карьеристов, чинопочитателей, подхалимов. Но ему был присущ какой-то неизбывный гуманизм, в силу которого он продолжал помогать (устраивать на работу, продвигать в печать и т. п.) тем людям, которые к тому времени уже отплатили ему за его добро неблагодарностью, и он об этой их неблагодарности знал, а все-таки помогал. Заинтересованность в судьбе людей, часто даже малознакомых (а то и вовсе незнакомых) заставляла его принимать все меры для оказания помощи. В тяжелые времена борьбы с так называемым «космополитизмом» (1949) сколько раз он писал: «Надо (того-то) устроить на работу!» – «Но, Володя, нет ставки!» – «Все равно, надо устроить!» И так как у него была масса знакомых по всему необъятному Советскому Союзу, то его ходатайства часто увенчивались успехом. А если эти усилия терпели неудачу, то уж во всяком случае не по вине В. Малышева¹¹.

На защите докторской диссертации В. И. Малышева (19<68>) акад. М. П. Алексеев^{xxxii} говорил о нем как о типично русском человеке и ученом. Это же я хочу здесь повторить и пояснить. В. И. Малышев совершил подлинный глубокопатриотический подвиг всей своей жизнью, без оглядки отданной собиранию (и тем самым раскрытию) духовных богатств русского народа: он сделал объектами научных исследований тысячи ранее неизвестных рукописных памятников (списков), среди коих некоторые не были вообще известны или были известны лишь в других редакциях. Он их собрал не только в Древлехранилище ИРЛИ, достойном носить имя В. И. Малышева! Но и в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (где он работал после Великой Отечественной войны до перехода в ИРЛИ); там окно его кабинета до самого закрытия библиотеки ежедневно светилось на углу Невского пр<оспекта> и Садовой ул<ицы>. О его роли в формировании рукописной коллекции Библиотеки АН СССР есть специальные работы¹². Он способствовал созданию или расширению и пополнению рукописных и старопечатных собраний Ленинградского университета, Сибирского отделения АН СССР¹³ и разных других научных и просветительских центров. Это громадной важности культурное завоевание – результат собирательской деятельности самого В. И. Малышева и его многочисленных учеников и последователей, равно как его же посредничества в приобретении частных коллекций государственными хранилищами.

И все это становится нашим национальным достоянием! Весь пафос деятельности В. И. Малышева в умножении именно национально-русского духовного богатства. И вот здесь проявился его человеческий русско-национальный характер – характер, чуждый национализма и шовинизма! Именно поэтому его друзья не только русские, но и татары, карелы, вепсы, евреи, белорусы, грузины, коми, украинцы и многие-многие другие – без каких-либо национальных исключений.

Я думаю, что эти подлинно национальные качества русского человека, чуждого национальной ограниченности, но наделенного чувством интернационального гуманизма, есть определяющая черта Владимира Ивановича Малышева – человека; черта, которую – я хочу надеяться – он передал и своим последователям и приемникам на научном поприще!

10 июня 1978. В. Морозов (г. Петрозаводск).

<Примечания В. М. Морозова к тексту «Воспоминаний», в оригинале размещены постранично>

¹ В 1938 г. (?) эти факультеты будут слиты в единый – филологический факультет, который войдет в состав ЛГУ, после чего ЛИФЛИ прекратит свое существование.

² До того решением Ленинградского обкома РКП(б) А. Д. Соймонов был снят с учебы на стационаре ЛГУ и направлен на работу в КНИИК (в Петрозаводск).

³ М. М. Михайлов окончил ЛГУ в 1940 году, но был связан с Карелией (стараниями М. К. Азадовского^{xxxiii}) еще раньше, поэтому на работу был распределен в КНИИК. М. М. Михайлов погиб во время войны под Петрозаводском.

⁴ Впоследствии В. И. Машезерский – заслуженный деятель науки РСФСР; скончался 75-и лет, через год после В. И. Малышева.

⁵ Об этом должен был сообщить мне в Петрозаводск Н. В. Новиков^{xxxiv}, также поступивший в аспирантуру. В заочную аспирантуру поступал М. М. Михайлов.

⁶ Позднее привелось встретиться с Ф. Н. Свиным только единожды – в 1946 году на совещании в Союзе писателей Карелии.

⁷ Эта линия сыграла очень важную роль в годы Великой Отечественной войны: по ней перевозили войска, снаряжение, по ней шли грузы, поступающие от союзников в Мурманск.

⁸ Т. Лазарева. Строки, перешагнувшие века. – В сб.: «По одной истории на 50 блокнотов». Л., 1973. С. 260–261.

⁹ Русская литература, 1975, № 3, С. 252.

¹⁰ Знание – сила, 1973, № 3, с. 37.

¹¹ Дружескую помощь В. Малышева привелось и мне испытать в тяжелые моменты жизни (1949, 1959).

¹² См.: М. В. Кукушкина. Рукописи Библиотеки АН СССР, собранные при участии В. И. Малышева. Сб. Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., «Наука», 1972, с. 401–405.

¹³ См., например: В. И. Малышев. Об одном важном источнике Тихонравовского собрания (страничка воспоминаний) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Т. XXXII, Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII веков. Л., «Наука», 1977, стр. 395–401.

<II. Дополнения к воспоминаниям В. М. Морозова в его письмах к друзьям и коллегам>

<1. Воспоминания о поездке на «Малышевские чтения» в апреле 1977 года>^{xxxv}

Из моих писем о поездке в Л<енингра>д в конце апреля 1977 на «Чтения памяти В. И. Малышева» (1-я годовщина смерти)

Из письма к А. <Я. >Скиру <и> Т. <М. >Луценко^{xxxvi} от 8 мая 1977 г.

Не писал к 1 мая потому, что собирался в Минск.

«А тут пришло приглашение из ИРЛИ принять участие в “Чтениях памяти В. И. Малышева” с воспоминаниями о нем, назначенных на 25 апр<еля>^{xxxvii} (хотя он умер 2 мая – но это дата не для поминок; хотя ленинградцы собирались побывать в этот день на могиле). Выехал я в Л<енингра>д 22-го, предполагая числа 27–28-го доехать до Минска. <...> Пробыл в Л<енингра>де до 30 апр<еля> и 1 мая вернулся в П<етрозавод>ск. Очень намял культю^{xxxviii}. <...>

В ИРЛИ я выступил (на ½ часа, не зная, что по регламенту дается 10 минут), по-видимому, неплохо. Сужу об этом не только по отзывам некоторых из присутствующих (в т<ом> ч<исле> Лени Гумницкого), но и потому, что против меня выступил чл.-корр. АН В. Г. Базанов^{xxxix} (у нас старая дружба с 1949 года – со времен т<ак> наз<ываемого> космополитизма!). Ему не понравилось, что я сказал о Малышеве, а именно, что он, так много сделавший для расширения наших представлений о кругозоре духовных интересов древних русских людей, был лишен к<аких>-либо элементов национализма. Поэтому его друзьями были не только русские, но и евреи, карелы, финны, татары, белорусы, коми и др<угие>! И я хотел бы, чтобы преемники В<ладимира> И<вановича> М<алыше>ва на научном поприще продолжали и развивали эти его человеческие качества, которые характеризуют его истинно-русский национальный характер! – Примерно так я закончил. И это не понравилось В. Г. Базанову, заявившему: “Национализм не грозит советской интеллигенции...” (Но, повторяю, это отголосок событий 1949 г., когда из-за него меня собирались исключать из партии. Кстати, по иронии судьбы – не только у меня, но и у него жена – еврейка. <...>).

Леня Гумницкий был на моем выступлении, а потом еще часа два бродили по городу (мимо общежития) <...>».

Из письма к Леле Ленсу^{xl} от 8 (же!) мая 1977 г.

Посылаю тебе программу «Чтений». Д. С. Лихачева не было (он приехал дня через 2–3 с курорта), а с воспоминаниями не выступили М. <И.> Малова, Г. <Н.> Моисеева, И. Н. Заволоко^{xli} – глава прибалтийских старообрядцев; он подарил ИРЛИ подлинную рукопись протоп<опа> Аввакума, изданную фототипически в конце 1975 г.^{xlii} <...> Зато вместо отсутствующих «воспомятелей» выступили <В. Г.> Базанов и А. И. Копанев^{xliii} – историк. Возможно, его знают Скиры по общежитию: он жил некот<орое> время в одной комнате с <Н. И.> Ченцовым^{xliiv} и занимался монастырским землевладением (что нам тогда казалось чуть ли не бредом каким-то; а теперь он доктор и возглавляет Ленинг<радское> отд<еление> археографической комиссии АН).

Между прочим он говорил (и не только он), что о М<алыше>ве создавались разные легенды. И вот пример. Один видный ленингр<адский> писатель спрашивал его: верно ли, что над могилой В<ладимира>

Ив<ановича> в момент похорон пролетела стая лебедей? Вот какие слухи! А ему – Копаневу – из зала дружно возражают: так ведь летел косяк – не лебедей, а журавлей. Пикантность в том, что Копанев сам был на кладбище и не видел. (Кстати, Сарра^{XLV} тоже разговаривала в тот момент и не видела журавлей). <...>

Позднее я узнал, что имя Малышева не дали Древлехранилищу, хотя ходатайство ИРЛИ поддержали и Отд<еление> лит<ературы> и яз<ыка>, и Президиум АН, но в Верх<овном> Совете (РСФСР?) задержали: есть какое-то постановление, по которому «присваивать» имя можно только через 5 лет после смерти (а другим – при жизни?!)

В выступлении А. М. Панченко было интересно два момента: что В. И. интересовали не просто (и не столько) рукописи, но самый процесс общения с людьми – любителями и владельцами этих рукописей^{XLVI}. И второе: говоря об общественной активности В. М<алыше>ва, кот<орый> добился того, что на месте несуществующего города Пустозерска, на том месте поставлен знак-столб с соответствующим обозначением, Панченко сказал, что одно советское судно названо «Пустозерск», и добавил: «Мы, конечно, понимаем, что В. И. хотел видеть другое название, но он ведь был реалистически мыслящим человеком...»^{XLVII}

Писал ли я раньше, что м<еся>ца 2 (3?) назад получил письмо от Дм. Жукова^{XLVIII} <...> с просьбой сообщить какие-либо сведения о Малышеве, м<ожет> б<ыть> «анекдотического» хар<акте>ра, особенно периода войны? <...> Словом, я жался-мялся и все-таки скупно, но Жукову написал^{XLIX}. Адресовал в Дом творчества в Комарово. А т<ак> к<ак> прошло недели две, не уверен был, что застало ли его там мое письмо. С этим незнанием приезжаю в Л<енингра>д, спрашиваю: «Здесь ли Жуков?» – Здесь! Обрисовали его, а я, оказывается, уже заприметил его и даже перекинулся неск<олькими> фразами у книжного киоска и на выставке новых рукописей в Древлехранилище. Как его справедливо обрисовали, очень похож на Михалкова^L – рослый, видный, напористый, ухоженный. И сообщили: он говорил, что получил от меня письмо. Т<ак> к<ак> нас никто не представлял, то ясно, что меня он не мог узнать. Но после-то моего выступления мог подойти и как-то отреагировать на мое письмо.

А когда шло «воспоминательное» заседание, Жуков подсел в президиум, о чем-то говорил с В. Бударагиным^{LI} (он ведает теперь Древлехранилищем); затем сел на свое место. Председательствовавшая Демкова^{LII} тоже поделилась воспоминаниями о В. И. – и закрыла заседание. Тогда Жуков к ней: почему ему не дали слово? – «А Вы у меня не просили!» – «Но я говорил Бударагину». – «А он мне ничего не сказал. Разговаривайте с ним».

После этого был показан кинофильм – капустник под названием «Дамочки и протопоп». Протопоп – это Малышев, а «дамочки» – это пр<ежде> всего ИРЛИйские женщины, но там и мужчины фигурировали. Все хохотали, а я ничего не усмотрел смешного, т<ак> к<ак> не знаю «действ<ующих> лиц». Лента всего на 7–10 мин<ут>.

И в конце вновь Жуков к Демковой и Бударагину с претензией. А его поддержала (агрессивно) Мария (Ивановна?) Привалова^{LIII}, училась младше нас на 1–2 курса. <...> Почему Жукову не дали слово, могу только догадываться.

Когда вышла в свет книга «Рус<ские> писатели 17 века» (с «Аввакумом» Жукова)^{LIV}, я пытался ее достать через Володю. А он в обиде на Жукова: второй автор (о Сим<еоне> Полоцком) прислал Володе книгу, а Жуков – нет. Но я почувствовал, что тут что-то и по существу кроется, а не только то, что не прислана книга – пришлет же, надо думать. (А в самой книге Жуков благодарит В<ладимира> Ив<ановича>). Но как-то разговор ушел в сторону, и я не вызнал причину недовольства Володи Жуковым.

Пояснил ее мне уже после заседания («Чтений») в ИРЛИ В. Бударагин (через два дня). Когда Жуков собрался писать об Аввакуме и приехал с женой в Лен<ингра>д, то В<олодя> поселил их у себя в квартире. К тому времени умерла его мать, и была свободна вторая комната. И вот в отсутствие В<оло>ди они навели там порядок: выбросили крупу и еще что-то, что оставалось после матери. Намерения, впрочем, хорошие, но надо же спросить хозяина!? В<олодя> так был возмущен бесцеремонностью Жуковых, что тут же их выгнал из квартиры^{LV}. И вот с этого эпизода Жуков начинает свою «повесть», очевидно, представляя Володю таким «чудаком»: ему делают добро, а он выгоняет из квартиры. И описывается этот эпизод с целью некоей попытки реабилитировать себя, ибо об этом столкновении многие знают (а я не знал). Но больше всего в ИРЛИ боятся, как бы Жуков не сделал из В<олоди> такого замшелого славянофила. <...> А как-никак ИРЛИ – душеприказчик Малышева.

И вот к середине мая должен возвратиться из Болгарии Панченко и в Москве забрать рукопись Жукова (ему нужна рецензия на рукопись для издательства) и проверить, что там написано.

Из перспективы, что В. И. у Жукова будет «славянофилом», легко догадаться, что если бы он выступил (после меня) с воспоминаниями о В<оло>де, чего ему не дали сделать, то он, конечно, «поддал» бы мне, если мое выступление вызвало неодобрение Базанова <...>. По той же причине, надо думать, Жуков не подошел ко мне с целью познакомиться после моего выступления. Правда, он был увлечен переживаниями по поводу того, что ему не предоставили слово^{LV1}.

Жукову нынче 50 лет, и ему предоставлена возможность издать сборник работ, в кот<орый> войдут работа об Аввакуме и «повесть» о Малышеве. А издат<ельств>во («Молодая гвардия») уже придумало название книги – «Несгибаемые»^{LVII} (что-то уж очень претенциозное для В<ладимира> Ив<ановича>). <...>

В ИРЛИ к «Чтениям» была организована выставка, посвященная В<оло>де. Небольшая, но с любовью, интересная. В частности, я узнал: к 60-летию В<оло>ди «выбили» медаль (из мягкого металла!), а в ж<урнале>

«Художник» (№ 3 за этот год) воспроизведен живописный портрет В<оло>ди работы худ<ожника> Козлова^{LXVIII} (кажется, из Вологды). <...>

P.S. Некоторые комментарии к посылаемому буклету «Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома» (кстати, составленному В. Малышевым)^{LIX}:

1. Рис<унок> Аввакума^{LX} считается первой карикатурой на Руси – против Вселенских патриархов, кот<орые> «судили» протопопа.

2. Евангелие, переписанное царевной Софьей. Она его отправила своему фактич<ескому> мужу Вас<илию> Вас<ильевичу> Голицыну, кот<орого> Петр I заточил то ли в Каргополь, то ли в Сумский посад. В Евангелии было, естественно, 4 «лица» 4-х евангелистов, но уже до революции один (одно «лицо») пропал. А в науке это Евангелие известно уже с 19 века. Перед Вел<икой> Отеч<ественной> войной оно было в Петрозаводске – в госуд<арственном> музее (?) КФСР. Во время войны оккупанты вывезли его в Финляндию (в ряду, разумеется, других книг). Кстати, в том университетском доме, в котором я все время живу^{LXI}, у финнов была своего рода книжная палата: сюда свозили все книги с оккупированной Карелии, сортировали и отправляли в Финляндию. А когда по условиям мирного договора возвращали сов<етское> имущество обратно, то Евангелие попало в университет. И я лет 7 хранил его в кабинете кафедры, демонстрируя студентам (по курсу др<евне>рус<ской> л<итерату>ры). В 1954 году В. Малышев приехал в П<етрозаводск> забирать все др<евне>рус<ские> рукописи из К<арело>-Ф<инского> филиала АН (по решению Президиума АН), я отдал ему и Евангелие Софьи Алексеевны (под расписку!). Оно было в деревянном переплете, но, конечно, без оклада. А теперь его реставрировали весьма прилично (в мастерской Библ<иотеки> АН – в БАНе)^{LXII}.

<2. Письма В. М. Морозова к В. П. Будагину>^{LXIII}

21. X. <19>78 г.

Дорогой Владимир Павлович! <...>

Посланная рукопись, Владимир Павлович, – материал для любого использования (хотя и пытался ей придать «христианский» вид!)^{LXIV} Ниже укажу некоторые моменты, которые уже необходимо добавить в рукопись.

Теперь о повести Дм. Жукова (ее прочла мне жена – уж очень мелкий шрифт!) Надеюсь, он прислал в Древлехранилище экземпляр «Нового мира»?!

Имеются ли рецензии на «повесть»: в «Комс<омольской> правде» (10 авг<уста> <19>78 <г.>)^{LXV}, «Лит<ературной> России (5 сент<ября> <19>78 <г.>, № 37, стр. 15)^{LXVI} и «Литер<атурной> газете (11 окт<ября>, № 41, стр. 4)^{LXVII}? У меня только по одному экз<емпляр>у, и потому послать не могу. <...>

Да, что слышно с отдельным изданием повести Жукова (т. е. в виде книжки?). Если что узнаете, сообщите!

Итак, о «повести». Мое впечатление двойственное. С одной стороны, заслуживает искренней благодарности самый факт создания ее! Теперь всякий интересующийся Вл<адимиром> Ив<анович>ем должен будет обращаться к ней! (И кстати сказать, люди «посторонние» отзываются о «повести» и о ее «герое» с большим восхищением!) Хорош портрет А. С. Орлова. Не думаю, что это из рассказов Вл<адимира> Ив<анович>а. (Может быть, от М. И. Приваловой и других?).

С другой стороны, раздражает «беллетризация» (правда, без которой не было бы оправдания жанру «повести») – совершенно не в духе Вл<адимира> Ив<анович>а рассказ о романтической любовной истории на фронте (хотя самый факт и мог быть – чего в жизни не бывает!) Раздражает и «кинематографический» (по «кадрам») стиль повествования. Но это теперь весьма модно. (А т<ак> к<ак> Жуков все-таки не художник, то и не удивительно его подражание моде). Глупо об А. Мазоне (он его не знает и явно не понимает, за что же Мазон удостоился избрания в нашу Академию).

Вы мне рассказывали о конфликте Вл<адимира> Ив<анович>а с Жуковым (и его женой) из-за крупы, оставшейся после смерти мамы. И Вы были правы, говоря, что Жуков использует этот конфликт (т. е. так трактует его), чтобы оправдать себя (и жену), а Вл<адимира> Ив<анович>а представить неким чудачком, который не понимает доброе делаемое ему. Представьте себе, он этого добился: М. М. Гин^{LXVIII}, который и любит, и уважает Вл<адимира> Ив<анович>а, обратил на данный эпизод особое внимание и говорил мне: «а все-таки у Володи были «чудинки». Вероятно, я по натуре консерватор, но я целиком на стороне Вл<адимира> Ив<анович>а!

В «повести» есть один существенный недостаток, который, увы!, присущ всем знавшим о близости Вл<адимира> Ив<анович>а к А. С. Орлову. А именно: все убеждены, что научным знанием нашей древней литературы Вл<адимир> Ив<анович> обязан целиком и полностью А. С. Орлову. Но это далеко не так (и об этом я, возможно, уже писал Вам раньше). Дело в том, что текстологию древней литературы Вл<адимир> Ив<анович> изучал у М. Н. Яковлева^{LXIX}. И изучал он вместе с Еленой Яковлевной Ленсу – зав<едующей> кафедрой литературы Минского педагогического института. (У них в ин<ститу>те было одно из заседаний вашей «бригады», когда вы были в Минске). Правда, Елена Яковлевна недолго занималась у Михаила Николаевича и сбежала. Но они – только двое – занимались на квартире Яковлева (жена которого их подкармливала пирогами – а это было так здорово в голодные 30-е годы). Я уже не один раз просил Ел<ену> Як<овлевну> записать и послать Вам небольшие по объему, но важные фактами воспоминания об этих занятиях с М. Н. Яковлевым. Может быть, стоит Вам самому написать ей такую просьбу? Вот ее адрес: <...> Об этих их занятиях я узнал от нее недавно. Кстати замечу, что Ел<ена> Як<овлевна> – моя однокурсница и, стало быть, была на курсе младше Вл<адимира>а Ив<анович>а. <...>

18. X. <19>80.

Дорогой Вл<адими>р Павлович!

<...> Наконец-то могу послать воспоминания Ел<ены> Як<овлевны> Ленсу^{LXX}. Но предварительно попытаюсь их перепечатать (благо они краткие). А Вы отыскиали воспоминания А. И. Кузьмина? С фактографической точки зрения они интереснее. Я не имею их полного текста, т<ак> к<ак> А<лександр> Ив<анович> прислал мне только 7 стр<ани>ц, без конца. Но он же прислал 1 стр<ани>цу рукописную, которая раскрывает такую черту Вл<адимира> Ив<анович>а, очень для него характерную: розыгрыши других лиц, создание «слухов» о них (напр<имер>, я тоже пишу: Мих. Зеленов якобы «улетел» на Сев<ерный> полюс).

Да, А<лександр> Ив<анович> пишет о стихотв<орении> в стенгазете ЛИФЛИ (или уже филфака ЛГУ?), в котором повествуется о похождениях А<лександра> Ив<анович>а и Вл<адимира> Ив<анович>а^{LXXI}. В мае 1979 года я был у М. С. Лев, говорили о Вл<адимире> Ив<ановиче>. Представьте себе, и сама Мар<ия> Сем<еновна> и ее сестра Сарра Сем<еновна> Лашанская^{LXXII} (особенно последняя) помнят это «поносное» стихотв<орени>е наизусть! (Я не помню).

Воспоминания Е. Я. Ленсу очень краткие, но мне представляется, что они весьма важны с определенной точки зрения (и это необходимо отметить при их использовании). Не исключено, что я Вам об этом уже писал.

Так чем же интересны сообщаемые Е. Я. Ленсу сведения о совместных с Вл<адимиром> Ив<ановичем> ее занятиях в семинаре М. Н. Яковлева? Конечно, не «слоеными пирожками», которыми «семинаристов» потчевала жена М. Н. (хотя и это важно для голодных в Л<енингра>де 30-х годов). Существенен самый факт обучения В<ладимира> Ив<анович>а у Яковлева. Надо помнить (знать), что М. Н. Яковлев, будучи профессором, являлся «ассистентом» при акад<еми>ке А. С. Орлове. Но в научном отношении они во многом расходились, отнюдь не были «единомышленниками» (об этих расхождениях В<ладимир> Ив<анович> не мог не знать, т<ак> к<ак> А. С. Орлов – при его экспансивном характере, при его невоздержанной ехидности в отношении инакомыслящих – не мог не язвить по поводу каких-либо суждений М. Н. Яковлева (с последним я не был знаком и потому не могу судить о его «характере»).

В порядке отступления. Одно время (1–2 года) в 30-е годы экзаменатор мог принимать экзамен по своему курсу обязательно с «ассистентом». Таким при Орлове был Яковлев, с которым академик, конечно, не считался: он ставил в зачетке «отлично» и затем, показывая Яковлеву, говорил: «Я думаю, Мих<аил> Никол<аевич>, достаточно?!» Это не «легенда», а факт.

Или вот еще факт. На нашем (моем и Е. Я. Ленсу) курсе учился Ваня Чикаревский (я с ним начинал на подготовит<ельных> курсах в ЛИФЛИ). Первые 2 года я учился на немецком цикле и одновременно работал (при этом получал стипендию). После раб<от>ы приезжаю в институт, чтобы узнать, как сдали русисты др<евне>рус<скую> л<итерату>ру. В коридоре II этажа сидит Чикаревский (уже «навеселе»): «Ну, Ваня, как сдал?» – «Вот только академик и смог оценить!» И это была единственная пятерка у него за все 5 лет обучения. (Но следует сказать, что за время учения, к окончанию филфака Чикаревский очень вырос и заслуженно получал «хорошо»). За что же он получил «пятерку»? Он отвечал об апокрифах, но почему-то их называл «акокрифы». То ли не разобрался в чужих конспектах, то ли в собственном не мог отличить «п» от «к». «Ассистент» возмущается этой неграмотностью, зато академик расплывается: «Вы послушайте, Мих<аил> Ник<олаевич>, язык-то какой, язык-то какой, чисто русский! Ну давайте Вашу зачетку» – и 5! <...>

Все знавшие (да и не знавшие) В. И. М<алыше>ва считали (и справедливо), что он ученик ак<адемика> Орлова. Но вот воспоминания Е. Я. Ленсу свидетельствуют, что свои познания др<евне>рус<ской> письменности он искал и черпал, где только можно было, независимо от личности, носящей эти знания (Орлов ли, Яковлев ли)! Иначе говоря, им руководили стремления к познанию «истины» – др<евне>рус<ской> л<итерату>ры. Вот в этом и значительность крайне кратких воспоминаний Е. Я. Ленсу.

Вл<адимир> Павл<ович>, что-то подобное, мне кажется, надо предпослать этим воспоминаниям, если используете их.

Несколько слов о самой Е<лене> Як<овлевне> (сверх того, что сообщает она). Во-первых, не так давно я узнал от Лидии Яковл<евны> Гинзбург^{LXXIII} (лично она не знакома с Ленсу), что в свое время Гр<игорий> Ал<ександрович> Гуковский^{LXXIV} называл ей Ел<ену> Як<овлевну> как любимую свою ученицу (я – ее однокашник – об этом не знал). Из этого становится понятным, почему Гр<игорий> Ал<ександрович> намеревался из Саратова переехать в Ригу и не один, а вместе с Ленсу (но задержался в Л<енингра>де, и это стало роковым для его судьбы). Но все это уже не имеет отношения к Вл<адимиру> Ив<ановичу>.

Во-вторых, Е. Я. Ленсу 1½ года не заведует кафедрой в пед<агогическом> ин<ститу>те г. Минска; она работает там же, однако в ин<ститу>те усовершенствования учителей. Но может быть, ей было бы приятнее фигурировать (если будете указывать ее «должность») в качестве зав<едующей> каф<едрой> пед<агогического> ин<ститу>та? (Или хотя бы «бывшей» зав<едующей>).

Третье. Дом<ашний> адрес Ел. Як. Ленсу: 220005, Минск, Красная ул., д. 16, кв. 17.

Вл<адими>р Павл<ович>, помимо перечисленных материалов (Е. Я. Ленсу и А. И. Кузьмина) посылаю дополнения к моим воспоминаниям чисто фактического характера, скорее для сведения, нежели для включения в мои воспоминания. <...>

Приветы знакомым!

Ваш В. М.

<Без даты>^{LXXV}

Дорогой Владимир Павлович!

Вот некоторые дополнения-замечания, которые могут быть учтены в моих воспоминаниях (в случае их публикации) в качестве дополнений:

1. Послевоенный адрес Вл<адимира> Ив<ановича>: Ленинград, 126, Боровая ул., д. 11/13, кв. 51. В этой комнате – в комм<унальной> квартире он «принимал» акад<емика> М. Н. Тихомирова^{LXXVI}, как сообщает в своих воспоминаниях о комплектовании собрания Тихомирова^{LXXVII}.

2. В повести А. И. Кузьмина «Паруса, изорванные в клочья» фигурирует еще одно достоверное имя (используется), приписанное хорошему матросу – Сергей Миронов^{LXXVIII} (уникальный специалист по голланд<скому> языку в военно-педагогическом институте, доктор филол<огических> наук).

3. Мих<аил> Ник<олаевич> Яковлев – профессор ЛИФЛИ, ассистент А. С. Орлова и его антагонист в некоторых вопросах др<евне>рус<ской> литературы. Руководил текстологическими занятиями Вл<адимира> Ив<ановича> (вместе с Е. Я. Ленсу).

4. Развернуть характеристику Невской заставы (где жила сестра Вл<адимира> Ив<ановича>) как окраины индустриального города: иллюзия деревни – отвечала ностальгии по деревне. В основном именно здесь жили извозчики, т. е. занятые отхожим промыслом – неким промежуточным этапом по «пути» из деревни в город. Правда, извозчики со своим транспортом селились – встречались и в центре города, напр<имер>, на ул. Ямской – ныне ул. Достоевского. В новом – после Великой Отечественной войны – строительстве подобного «этапа» уже нельзя наблюдать; напротив – полный разрыв с деревней.

5. В период совместной жизни В<ладимира> Ив<ановича> с мамой (т. е. уже на ул. Торжковской – Новоторжковской?) в ж<урнале> «Огонек» появился очерк Бондарчука – хирурга из Петрозаводска, который рассказывал о подпольной работе^{LXXIX}.

<Без даты>

Вступл<ение> к Ленсу.

Занятия практической палеографией (текстологией?) у М. Н. Яковлева, который, как широко известно, далеко не во всем придерживался тех же взглядов, что А. С. Орлов, приучал<и> Вл<адимира> Ив<ановича> один и тот же <...> историко-литературный факт, литерат<урное> произведение прошлого, приучал<и> к мысли о возможности различных трактовок этого факта (произведения) как показатель сложности (противоречивости) этого факта (произведения). А отсюда терпимость к чужим (и чуждым) точкам зрения (при внутренней убежденности в какой-то определенной – своей точке зрения).

Во всяком случае эти занятия не просто давали дополнит<ельные> знания, но и расширяли самый кругозор будущего ученого, заставляли видеть возможность различных трактовок одного и того же явления как отражение многозначности самого этого ист<орико>-лит<ературного> явления.

Вл<адимир> Павл<ович>! Примерно такое вступление, я думаю, необходимо к воспоминаниям Е. Я. Ленсу.

В. М.

<3. По поводу воспоминаний В. И. Малышева об академике М. Н. Тихомирове^{LXXX}>

Воспоминания В<ладимира> И<вановича> об акад<емике> М. Н. Тихомирове^{LXXXI} написаны безыскусственно, с живой интонацией, так присущей разговору В<ладимира> И<вановича>, с бытовыми деталями и с научными археографическими данными (сведениями). Самый объект воспоминаний – покупка М<ихаилом> Н<иколаевичем> коллекции древнерусских рукописей у ленинградского коллекционера^{LXXXII} важна для В<ладимира> И<вановича> потому, что позволяет уточнить происхождение рукописного собрания М<ихаила> Н<иколаевича>, которое было им завещано Сибирскому отделению АН СССР. И В<ладимира> И<вановича> при этом волнует (интересует) не просто классификация рукописных книг в собрании М<ихаила> Н<иколаевича>: откуда и от кого они к нему поступили? <...> За этим стоит очень важная проблема – социальная (а не только литературоведческая, археографическая), поставленная в свое время Н. К. Пиксановым^{LXXXIII}: проблема «литературных гнезд» («очагов»), помимо столиц – С.-П<етер>бурга и Москвы. Эту проблему на своем специфическом материале и решал В<ладимир> Ив<анович>. С этим связано создание им в Древлехранилище «коллекций» по определенным районам («очагам») России: Карельское, Печорское и др.

При этом следует отметить демократическую устремленность поисков В<ладимира> И<вановича>, которые привели его к собиранию крестьянских дневников, воспоминаний, писем, в т<ом> ч<исле> нового и новейшего времени (включая XX век). Надо помнить, что и рукописные книги и непосредственно крестьянские документы – все это свидетельства подлинно народной (в социальном смысле) культуры, просвещенности. И не должно смущать, что подавляющая масса собрания Древлехранилища религиозного содержания. Должно помнить ставшие аксиомой слова Энгельса, что классовая борьба в условиях Средневековья (феодализма) часто проходила в религиозных формах. Именно с этим связан раскол в русской церкви 17 века.

КОММЕНТАРИИ

- ^I Машинопись с правкой шариковой ручкой (2 экз.), всего 15 страниц; в конце текста поставленная рукой В. М. Морозова дата и его подпись.
- ^{II} ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии, лингвистики и истории; организован в 1930 году, состоял из четырех факультетов (отделений): лингвистического, литературного, исторического, философского; в 1937 году вошел в состав Ленинградского государственного университета.
- ^{III} Анатолий Михайлович Кальнер – однокурсник В. М. Морозова по филологическому факультету ЛГУ, учился на немецком отделении.
- ^{IV} Александр Сергеевич Орлов (1871–1947) – исследователь древнерусской литературы, профессор ЛГУ, академик АН СССР (1931), в 1932–1947 годах заведующий Отделом древнерусской литературы ИРЛИ. Василий Васильевич Струве (1889–1965) – историк-востоковед, академик АН СССР (1935). Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) – историк-медиевист, академик АН СССР (1935). Иван Иванович Мещанинов (1883–1967) – археолог и лингвист, академик АН СССР (1932). Сергей Петрович Обнорский (1888–1962) – лингвист, академик АН СССР (1939). Все эти ученые являлись в 1930-е годы преподавателями ЛИФЛИ.
- ^V Цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» (1839).
- ^{VI} Константин Алексеевич Аксентьевский (1890–1941) – советский военачальник, участник Первой мировой и Гражданской войн. С декабря 1934 года занимал руководящие должности в Ухто-Печорском исправительно-трудовом лагере НКВД, в июле 1938 года был арестован по уголовному обвинению и находился в тюремном заключении в Ухтпечлаге до февраля 1939 года; в июле 1939 года дело было прекращено.
- ^{VII} Мария Ивановна Малышева (1912–1960).
- ^{VIII} КСМ – Комсомол (Коммунистический союз молодежи).
- ^{IX} Николай Алексеевич Ключев (1884–1937) – поэт. Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) – писатель. Алексей Павлович Чапыгин (1870–1937) – писатель. Александр Андреевич Прокофьев (1900–1971) – поэт и журналист. Леонид Максимович Леонов (1899–1994) – писатель (об эпистолярном общении с ним В. И. Малышева см.: [2: 281–284]). Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) – художник.
- ^X Андре Мазон (1881–1967) – французский славист; член Французской Академии (с 1935 года), иностранный член АН СССР (с 1928 года).
- ^{XI} Александр Дмитриевич Чуркин (1903–1971) – поэт, редактор; уроженец Каргопольского уезда Олонецкой губернии, учился в военных учебных заведениях, стихи начал писать в 1920-е годы, первая книга стихов «Выход весны» опубликована в 1931 году, работал в редакции газет и журналов («Резец» и др.), большую часть жизни прожил в Ленинграде.
- ^{XII} Павел Наумович Берков (1896–1969) – доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР (1960), специалист в области русской литературы XVIII века, с 1936 года работал в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.
- ^{XIII} Алексей Дмитриевич Соймонов (1912–1995) – фольклорист, кандидат филологических наук; выпускник филологического факультета ЛГУ (1939), в 1930-е годы работал в КНИИК, где заведовал сектором фольклора; в 1949–1978 годах работал в Пушкинском Доме в Отделе (секторе) русского фольклора.
- ^{XIV} Михаил Михайлович Михайлов (1908–1941(?)) – фольклорист, выпускник филологического факультета ЛГУ (1940), в КНИИК был принят на работу в 1940 году, но сотрудничал с институтом и в 1930-е годы.
- ^{XV} Виктор Иванович Машезерский (1902–1977) – историк, кандидат исторических наук, в КНИИК (позднее институт вошел в систему АН СССР) в разные годы занимал должности директора, заведующего сектором истории; в 1946–1949 годах являлся научным секретарем Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР.
- ^{XVI} ВКВШ – Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете Народных Комиссаров СССР.
- ^{XVII} Федор Николаевич Свинын (1879–1946) – знаток фольклорной традиции из поморского села Сумский Посад. От Ф. Н. Свинына фольклористами КНИИК в 1930–1940-е годы были записаны сказки, былины, новины, загадки и другие фольклорные тексты (см.: Избранные сказки Ф. Н. Свинына / Подбор текстов, вступ. ст. и коммент. О. Г. Большаковой и В. Р. Дмитриченко; Подгот. текстов к печати, предисл., науч. ред. А. С. Лызловой. Петрозаводск: Издат-Принт, 2016. 200 с.).
- ^{XVIII} Храмовый комплекс в Сумском Посаде состоял из двух церквей: Успения Богородицы (1690-е годы) и Николая Чудотворца (1765–1767 годы). Им предшествовали более ранние постройки. Под Никольским храмом в усыпальнице находились мощи св. Елисея Сумского. Храмы Сумского Посада были закрыты и сломаны в 1930-е годы.
- ^{XIX} См. в письме В. М. Морозова к В. И. Малышеву от 27 апреля 1974 года: «Тут мне рассказывал врач из Беломорска <...> неприятную историю. Два года назад в Сумский Посад приезжали из Л<енингра>да 4 чел<овека> “бородастых” и за водку (и за деньги) собрали 10 мешков икон и рукописей, и все это отправили в Л<енингра>д. Но кто они – никто не знает. А главное в следующем: они откупили рукописи, которые были в Сумпосадской церкви и которые перед уничтожением церкви забрала женщина (имевшая отношение к церкви – из “двадцатки”?) и все годы книги (возможно, и иконы) хранила. А мы с тобой об этом не знали» [13: 385].
- ^{XX} На Пертозере существовал старообрядческий филипповский скит, основанный в 1830-е годы вдовой прапорщика Анной Карташовой, переехавшей сюда из Петербурга (см.: Рогачев К. Пертозерский раскольничий скит (в Кемском уезде)) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 6. 15 марта. С. 12–16). В 1849 году скит был razoren, но через несколько десятилетий возродился и просуществовал до середины XX века; последняя настоятельница скита Марфа Васильевна Позднякова умерла в августе 1958 года.

- xxi Арон Михайлович Морген (1899–?) – проректор по административно-хозяйственной части и директор ЛИФЛИ в 1937–1939 годах (у В. М. Морозова – ошибочно: А. С. Морген). По воспоминаниям А. И. Кузьмина, проректор Морген «с большим сочувствием относился» к выставкам, которые устраивал на факультете В. И. Малышев. Судьба еще раз свела их на фронте: «Шел 1942 год, Малышев командовал ротой на фронте, на Карельском перешейке. К нему прислали для рытья окопов группу красноармейцев из ополчения. Один из них – пожилой, сильно похудевший человек показался знакомым. Он неумело орудовал лопатой и все поглядывал на Малышева.
– Арон Михайлович! – бросился к старому знакомому командир роты.
– Володя!
Малышев оставил его у себя в роте, делился с ним своим офицерским пайком и всем, что имел» (Кузьмин А. И. Наш Володя (машинопись). С. 2 (рукопись находилась в Древлехранилище, в 2022 году передана в РО ИРЛИ, ф. 494)).
- xxii Слово о гибели Русской земли – отрывок произведения о татаро-монгольском нашествии, сохранившийся в двух списках. Один из списков Слова был найден В. И. Малышевым в 1945 году в библиотеке рижской Гребеншиковской старообрядческой общины (ИРЛИ, собрание отдельных поступлений, оп. 24, № 26).
- xxiii В 1954 году из Карело-Финской базы АН СССР в ИРЛИ было передано собрание рукописей и старопечатных книг (всего 373), найденных преимущественно самим В. И. Малышевым в 1940, 1941 и 1946 годах на территории Карелии и составивших основу Карельского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома.
- xxiv Василий Васильевич Голицын (1643–1714) – дипломат, государственный деятель, фаворит царевны Софьи Алексеевны. В 1689 году был лишен боярских чинов и имений. Скончался после почти 25 лет ссылки в Великопинежской волости Архангельской губернии; похоронен в Красногорском монастыре.
- xxv В XIX веке Евангелие находилось в библиотеке Спасо-Преображенского монастыря (Строкиной пустыни) в Каргополе, в начале XX века – в древлехранилище при Братском Назарьевском доме в Петрозаводске. После Второй мировой войны оно оказалось в Петрозаводском государственном университете, откуда в 1954 году поступило в Древлехранилище Пушкинского Дома (Карельское собрание, № 241, XVII век, в лист, 486 л., полуустав).
- xxvi Лев Александрович Дмитриев (1921–1993) – доктор филологических наук, историк древнерусской литературы; сотрудник Пушкинского Дома (1953–1993), член-корреспондент АН СССР (1984).
- xxvii Николай Николаевич Покровский (1930–2013) – доктор исторических наук, профессор, академик РАН (1992), создатель новосибирской археографической школы. В. М. Морозов цитирует статью [14].
- xxviii Михаил Алексеевич Лаврентьев (1900–1980) – доктор технических и доктор физико-математических наук, основатель Сибирского отделения АН СССР и Новосибирского Академгородка, академик АН СССР (1946), вице-президент АН СССР (1957–1976). Алексей Павлович Окладников (1908–1981) – доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР (1968), археолог, этнограф.
- xxix Елена Ивановна Дергачева-Скоп (1937–2022) – доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета, специалист в области древнерусской литературы и археографии. Елена Константиновна Ромодановская (1937–2013) – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН (1991), директор Института филологии Сибирского отделения РАН (1998–2012), специалист в области древнерусской литературы и археографии.
- xxx Александр Иванович Кузьмин (1916–2010) – доктор филологических наук, выпускник филологического факультета ЛГУ, музейный работник, в 1963–1986 годах работал в Институте мировой литературы РАН, писатель, близкий друг В. И. Малышева со студенческих лет, автор воспоминаний о нем – «Наш Володя».
- xxxi По мнению В. М. Морозова, А. И. Кузьмин намекал на Ивана Михайловича Губарева (см.: [13: 375–376]). И. М. Губарев (1917–?) – выпускник филологического факультета ЛГУ (1941), специалист по творчеству Н. В. Гоголя. Согласно письмам В. М. Морозова к В. И. Малышеву, И. М. Губарев совершил в молодости какой-то непорядочный поступок по отношению к А. И. Кузьмину [13: 368]. В 1959 году И. М. Губарев прошел по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры литературы Петрозаводского государственного университета, опередив по баллам уже работавшего в этой должности В. М. Морозова. Последний временно остался без работы, а И. М. Губарев проработал в Петрозаводском университете до 1964 года, после чего уехал из Петрозаводска. В дополнениях к своим воспоминаниям В. М. Морозов указывает прообраз еще одного персонажа повести А. И. Кузьмина – матроса Миронова (см. ниже).
- xxxii Михаил Павлович Алексеев (1896–1981) – доктор филологических наук, академик АН СССР (1958), сотрудник ИРЛИ (1934–1941, 1942–1981), специалист по творчеству А. С. Пушкина.
- xxxiii Марк Константинович Азадовский (1888–1954) – доктор общественных наук по разделу литературоведения, фольклорист, в разные годы преподавал в Иркутском, Томском, Ленинградском университетах, в 1938–1949 годах работал в Пушкинском Доме. Молодые фольклористы (М. М. Михайлов, А. Д. Соймонов, Н. В. Новиков и др.), работавшие с конца 1930-х годов в КНИИК или сотрудничавшие с ним, являлись его учениками (см.: [4: 478–479]).
- xxxiv Николай Владимирович Новиков (1911–1997) – доктор филологических наук, фольклорист; в 1953–1967 годах работал в Пушкинском Доме. С В. И. Малышевым и В. М. Морозовым он был знаком со времени обучения на филологическом факультете ЛГУ, который окончил в 1940 году.
- xxxv Рукопись, 7 сложенных пополам листов, черная шариковая ручка; включает выписки из двух писем – 1) А. Я. Скиру и его жене Т. М. Луценко и 2) Е. Я. Ленсу.
- xxxvi Арон Яковлевич Скир (1913–1996) – филолог, выпускник филологического факультета Ленинградского университета, преподаватель в Архангельском (1940) и Минском (с 1945 года) педагогических институтах,

- Минском институте иностранных языков (1948–1980); Татьяна Михайловна Луценко (1918–2005) – филолог, преподаватель зарубежной литературы в педагогических институтах Архангельска (1940–1942), Рязани (1942–1947), Минска (1948–1996), жена А. Я. Скира.
- xxxvii Первые «Малышевские чтения» состоялись 25 апреля 1977 года. Со вступительным словом должен был выступать Д. С. Лихачев. Вечернее заседание было отведено воспоминаниям о В. И. Малышеве. Согласно программе Чтений, в числе выступавших с воспоминаниями были Л. М. Лотман, В. М. Морозов, В. Г. Базанов, А. Х. Горфункель и Н. С. Демкова.
- xxxviii В 1932 году В. М. Морозов попал под трамвай, в результате чего у него была частично ампутирована правая нога; он ходил на костылях.
- xxxix Василий Григорьевич Базанов (1911–1981) – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1962), литературовед, фольклорист; в 1930–1950-е годы работал в Петрозаводске в местных вузах и в академическом институте; сотрудник (1945–1981) и директор (1965–1975) Пушкинского Дома.
- xl Елена Яковлевна Ленсу (1914–2005) – литературовед, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Минского государственного педагогического института им. А. М. Горького.
- xli Марфа Ивановна Малова (1907–1978) – литературовед-архивист, научный сотрудник Пушкинского Дома (1934–1941, 1945–1978); Галина Николаевна Моисеева (1922–1993) – доктор филологических наук, литературовед, специалист по истории древнерусской литературы и литературы XVIII века, научный сотрудник Пушкинского Дома (1952–1993); Иван Никифорович Заволоко (1897–1984) – старообрядческий деятель, проживавший в Риге, историк старообрядчества, краевед.
- xlii Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; Отв. ред. В. И. Малышев. Л.: Наука, 1975. XIV, 263 с., 193 л.: фототипическое воспроизведение текста.
- xliii Александр Ильич Копанев (1915–1990) – доктор исторических наук, археограф; заведующий Отделом рукописей Библиотеки Академии наук СССР.
- xliv Николай Ильич Ченцов (1905–?) – однокурсник В. М. Морозова по ЛГУ.
- xlv Сарра Мироновна Зеликина (1915–2004) – кандидат биологических наук, работала в Алма-Ате и в Петрозаводске, жена В. М. Морозова.
- xlvi На первых «Малышевских чтениях» 25 апреля 1977 года А. М. Панченко выступил с докладом «Владимир Иванович Малышев как собиратель древнерусских рукописей». Позднее некоторые свои мысли, прозвучавшие в докладе, А. М. Панченко повторил в статьях о В. И. Малышеве. Так, в одной из статей он писал: «Книга, как таковая, текст, как таковой, не представляли для В. И. Малышева исключительно самодовлеющего интереса. Его всегда занимало то, что лежит “за текстом”, “за книгой”, его занимали авторы, редакторы, писцы, владельцы, читатели. Общение с книгой было для него прежде всего общением с людьми, которых эта книга объединила вокруг себя. Археографические проблемы он решал как проблемы человеческого общения» [10: 215].
- xlvii Ср.: «В 1960 г. Малышев воззвал к общественному мнению – выступил в “Советской России” с письмом “Сохранить память о Пустозерске”. Он писал об этом и в других газетах, сам заказал проект монумента, придумал надпись, участвовал в строительных работах, – а летом 1964 г. памятник был открыт. На этом Малышев не успокоился и спустя пять лет добился того, что одно из судов нашего торгового флота было названо “Пустозерск”» [11: 273].
- xlviii Дмитрий Анатольевич Жуков (1927–2015) – писатель, литературовед, переводчик; автор повести о В. И. Малышеве «Владимир Иванович» (1978).
- xlix Оба письма – Д. А. Жукова к В. М. Морозову и ответное – сохранились. Письмо Жукова – без даты, до 26 февраля 1977 года; письмо Морозова (черновик) – от 26 февраля 1977 года.
- l В. М. Морозов имеет в виду писателя Сергея Владимировича Михалкова (1913–2009).
- li Владимир Павлович Будагагин (р. 1945) – филолог-славист, археограф, поэт, переводчик; сотрудник Пушкинского Дома (1968–1969; с 1971 года по настоящее время).
- lii Наталья Сергеевна Демкова (Сарафанова) (1932–2018) – доктор филологических наук, профессор ЛГУ, исследователь древнерусской литературы, археограф, сотрудница Пушкинского Дома (1958–1964).
- liii Мария Ивановна Привалова (1911–1993) – кандидат филологических наук, лингвист, доцент кафедры русского языка филологического факультета ЛГУ, преподавала в 1948–1976 годах.
- liv Речь идет об издании [3].
- lv Об этом происшествии см. также в письме А. Х. Горфункеля к В. М. Морозову от 12 ноября 1978 года.
- lvi Свои впечатления от встречи с Д. А. Жуковым на «Малышевских чтениях» 1977 года В. М. Морозов изложил также в письме к Л. А. Дмитриеву от 12 ноября 1978 года.
- lvii Вероятно, речь идет об издании: Жуков Д. А. Огнепальный. М.: Молодая гвардия, 1979. 431 с.
- lviii Энгельс Васильевич Козлов (1926–2007) – художник, портретист; уроженец с. Троицко-Печорск Коми АССР. Портрет В. И. Малышева был написан им в 1972 году, принадлежит Пушкинскому Дому. В упомянутом журнале «Художник» опубликована репродукция портрета на цветной вклейке, она служит иллюстрацией к статье о творчестве Э. В. Козлова: Губарев А. Размышления о человеке и природе // Художник. 1977. № 3. С. 19–22.
- lix Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома: Буклет / [Изд. подгот. В. И. Малышев]. Л.: Наука, 1971. 6 с.
- lx Рисунок протопопа Аввакума находится в Пустозерском сборнике Заволоко (ИРЛИ, собрание отдельных поступлений, оп. 24, № 43, л. 2).

- LXI В. М. Морозов проживал в Петрозаводске в доме № 336 на проспекте Ленина. Дом находится рядом с Петрозаводским университетом, в нем жили многие университетские преподаватели.
- LXII Рукопись реставрировалась в период со 2 февраля по 2 июля 1976 года. По сведениям В. П. Бударagina, реставрационные работы осуществлялись в Лаборатории консервации и реставрации документов Ленинградского филиала Архива АН.
- LXIII Переписка В. П. Бударagina и В. М. Морозова включает 5 писем В. П. Бударagina (6 апреля 1977, 10 апреля 1978, 2 октября 1978, 24 октября 1978, 13 мая 1980) и 6 писем В. М. Морозова (25 января 1978, 21 октября 1978, 18 октября 1980 – письмо в черновике и беловике (фрагмент), 15/16 октября 1981, два письма без даты).
- LXIV В. М. Морозов имеет в виду свои воспоминания о В. И. Малышеве, завершённые 10 июня 1978 года и высланные В. П. Бударагину.
- LXV Лошиц Ю. Эта необычная жизнь... // Комсомольская правда (газета). 1978. 10 августа. С. 4.
- LXVI Коробов В. Подвижничество ученого // Литературная Россия (газета). 1978. № 37 (15 сент.). С. 15.
- LXVII Осетров Е. Повесть о собирателе // Литературная газета. 1978. № 41 (11 окт.). С. 4.
- LXVIII Моисей Михайлович Гин (1919–1984) – доктор филологических наук, профессор Петрозаводского государственного университета, специалист по творчеству Н. А. Некрасова.
- LXIX По-видимому, речь идет о Михаиле Алексеевиче Яковлеве (1886–1962) – исследователе древнерусской литературы, театроведе и историке балета. В 1930–1937 годах он был доцентом ЛИФЛИ, где обучался В. И. Малышев. Е. Я. Ленсу и вслед за ней В. М. Морозов называют его «Николаевичем», но, скорее всего, это ошибка.
- LXX В материалах В. М. Морозова сохранился текст этих воспоминаний – автограф (?) Е. Я. Ленсу (2 листа):
«Владимир Иванович Малышев был старше нас на один курс. Мое знакомство с ним состоялось осенью 1935 года на квартире профессора Яковлева М. Н.
М. Н. Яковлев вел у нас семинар по древнерусской литературе и однажды пригласил к себе для знакомства с древними рукописями, находившимися в его личной библиотеке. И вот несколько вечеров, приходя к М. Н. Яковлеву, я заставала там Володю Малышева. Мы вдвоем сидели в разных концах большой комнаты, каждый занимался своим делом. Откровенно сказать, я томила над “Вертоградом многоцветным” Симеона Полоцкого, не зная, что мне с ним делать. Для студентки первого курса, мало знакомой с культурой и жизнью Древней Руси, книга древнего поэта оказалась за семью печатями. И потому я часто с искренней завистью поглядывала на Володю Малышева, который работал сосредоточенно и самозабвенно.
После занятий жена профессора приглашала нас пить чай с домашними очень вкусными слоеными пирожками. Мы оба очень стеснялись, но, видимо, отказать себе не могли.
Потом, молча проделав путь от дверей квартиры М. Н. Яковлева до улицы, вежливо прощались и расходились в разные стороны. Володя Малышев был замкнут и молчалив. Но все его поведение во время этих семинарских занятий, его отношение к книгам, которые он изучал, не могло не внушать к этому человеку глубокого уважения.
Доцент кафедры русской и зарубежной литературы Минского государственного педагогического института им. А. М. Горького Ленсу Елена Яковлевна. Ленинградский университет окончила в 1940 г., а с 1940 по 1943 была аспиранткой кафедры русской литературы».
- На обороте л. 2 рукой В. М. Морозова написан адрес Е. Я. Ленсу в Минске и сделана приписка для В. П. Бударagina: «Сейчас она не работает в пед<а>гогическом институте, поэтому и подпись (здесь) со ссылкой на место работы должна измениться. Запросите ее! <...> В. М.».
- LXXI «Как-то, – писал А. И. Кузьмин в воспоминаниях “Наш Володя”, – в факультетской стенгазете появилось стихотворение, пародирующее “Лесной царь” Гёте:
Кто скачет, кто мчится по разным пивным,
То Малышев пьяный, вдвоем с Кузьминым.
Володю качает от водок и вин,
Прижав его, держит и греет Кузьмин...» (С. 3).
- LXXII Сарра Семеновна Маслова-Лашанская (1919–1990) – доктор филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии ЛГУ, специалист в области шведского языка. Ее старшая сестра Мария Семеновна Лев несколько десятков лет работала секретарем деканата филологического факультета ЛГУ.
- LXXIII Лидия Яковлевна Гинзбург (1902–1990) – доктор филологических наук, литературовед, мемуарист; в 1947–1950 годах работала в Карело-Финском государственном университете, позднее состояла с В. М. Морозовым в переписке.
- LXXIV Григорий Александрович Гуковский (1902–1950) – доктор филологических наук, профессор ЛГУ, литературовед, критик; сотрудник Пушкинского Дома (1929–1932, 1934–1941, 1946–1949).
- LXXV Возможно, этот текст был приложен к письму от 18 октября 1980 года. Те же пять кратких дополнений к воспоминаниям, но изложенных несколько иначе В. М. Морозов отправил В. П. Бударагину в письме от 15/16 октября 1981 года.
- LXXVI Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965) – доктор исторических наук, источниковед, академик АН СССР (1953).
- LXXVII См. в воспоминаниях В. И. Малышева: «В середине марта 1956 г. мне сообщили, что М. Н. Тихомиров и его ученик Александр Николаевич Мальцев собираются в ближайшие дни приехать за рукописями В. Ф. Груз-

- дева. А через два или три дня я уже встречал их на Московском вокзале. С вокзала мы поехали прямо ко мне, на Боровую улицу, д. 11. Наскоро попив по-холостяцки чайку (все трое мы были холостяками), обменявшись новостями и поговорив о предстоящей работе, мы направились к В. Ф. Груздеву на работу в клинику глазных болезней Военно-Морской медицинской академии...» [9: 399].
- LXXVIII Сергей Александрович Миронов (1910–1998) – специалист по германскому языкознанию; выпускник немецкого отделения филологического факультета ЛГУ (1937), кандидат филологических наук (1940), сотрудник Военного института иностранных языков (1945–1953), старший научный сотрудник Сектора германских языков Института языкознания АН СССР (с 1956).
- LXXIX Текст явно не дописан. В письме к В. П. Бударагину от 15/16 октября 1981 года этот пункт изложен следующим образом: «Поиски единокровного брата, погибшего во время Вел<икой> Отеч<ественной> войны. Через врача Бондарчука, опубликовавшего в “Огоньке” очерк о подпольной работе в одном из немецких концентр<ационных> лагерей, среди участников подпольной группы был назван Малышев, но он оказался (как я установил у Бондарчука) лишь однофамильцем. Особенно заинтересована в отыскании сына мама Вл<адимира> Ив<ановича>». См. об этих поисках выше в тексте статьи.
- LXXX Без даты (не ранее 10 июня 1978 года), 3 л., шариковая ручка (черная паста). Вероятно, материал также предназначался для В. П. Бударагина.
- LXXXI В. М. Морозов имеет в виду публикацию [9].
- LXXXII После этого слова стоит ряд точек: вероятно, В. М. Морозов хотел позднее вписать фамилию коллекционера. Этим ленинградским коллекционером является Виталий Феофанович Груздев – кандидат медицинских наук, доцент, полковник медицинской службы.
- LXXXIII Николай Кирьякович Пиксанов (1878–1969) – доктор филологических наук, литературовед, член-корреспондент АН СССР (1931), сотрудник Пушкинского Дома (1932–1942, 1948–1954). Проблема «культурных гнезд» была разработана Н. К. Пиксановым в ряде его работ начиная с 1910–1920-х годов (см., например: Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 148 с.). В. М. Морозов поддерживал связи с Н. К. Пиксановым, состоял с ним в переписке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобков Е. А. О некоторых московских корреспондентах В. И. Малышева // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990. С. 278–280.
- Гречишкин С. С., Маркелов Г. В. I. В. И. Малышев в переписке с русскими советскими писателями; II. В. И. Малышев в переписке с деятелями советской культуры // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990. С. 281–298.
- Жуков Д. А., Пушкирев Л. Н. Русские писатели XVII века. М.: Молодая гвардия, 1972. 366 с.
- Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 800 с.
- Лихачев Д. С. Немного о Владимире Ивановиче Малышеве (Вступительное слово к «Малышевским чтениям» 3 мая 1978 г.) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 262–264.
- Лойтер С. М. От Пудожа до Парижа. Избранное: Эссе, очерки, статьи. Петрозаводск: Версо, 2020. 199 с.
- Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». Книга о пережитом. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2007. 313 с.
- Малышев В. И. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. Т. 5. С. 149–158.
- Малышев В. И. Об одном важном источнике Тихомировского собрания (Страничка воспоминаний) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1977. Т. 32. С. 395–401.
- Панченко А. М. В. И. Малышев как археограф // Археографический ежегодник за 1977 год. М.: Наука, 1978. С. 214–218.
- Панченко А. М. О Владимире Ивановиче Малышеве // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 265–276.
- Пигин А. В. Об археографической работе В. И. Малышева в Карелии: К истории Карельского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома // Литература и история в контексте археографии: Сборник научных трудов. Новосибирск, 2022. С. 231–249.
- Пигин А. В. Переписка Владимира Ивановича Малышева и Виктора Михайловича Морозова // Текст и традиция: Альманах. СПб.: Росток, 2022. Т. 10. С. 353–405. DOI: 10.31860/978-5-94668-365-4-353-40
- Покровский Н. Н. «Книга глаголемая»: (записки из археографических экспедиций) // Знание – сила. 1973. № 3. С. 36–40.
- Творогов О. В. В. И. Малышев – хранитель рукописей // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990. С. 272–273.
- Тунгусов А. А. В. И. Малышев в Пустозерске // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990. С. 274–277.

Поступила в редакцию 09.01.2023; принята к публикации 27.02.2023

Original article

Alexander V. Pigin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

MEMORIES OF V. M. MOROZOV ABOUT V. I. MALYSHEV

Abstract. The paper addresses the history of friendly relations between a Petrozavodsk philologist V. M. Morozov (1910–1983) and V. I. Malyshev (1910–1976), a famous archaeographer and the creator of the Ancient Manuscripts Repository (*Drevlekhranilishche*) at the Pushkin House (Pushkinskij Dom). They met while studying at the Philological Faculty of Leningrad University in the 1930s and kept in touch for many decades until Malyshev's death. Morozov was a member of Malyshev's first archaeographic expedition to Karelia in 1940, while Malyshev repeatedly helped his friend in difficult life circumstances. After the death of Malyshev, Morozov wrote memoirs about him. Reminiscences about Malyshev can also be found in Morozov's letters to his friends and colleagues. This set of documents is now stored as part of Malyshev's archives in the Manuscripts Department of the Pushkin House (collection 494). Morozov provided interesting biographical information about Malyshev and made an attempt to assess his personality and research activity. These sources can be used for studying the history of Russian philological science of the 1930s–1970s. The memoirs were written with the intention to publish them, but it did not happen at the time, and now these materials are presented to the public for the first time. The memoirs and additions to them are accompanied by commentaries.

Key words: V. I. Malyshev, V. M. Morozov, memoirs, letters, biography, archaeography, Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House

Acknowledgements. The research was conducted as part of the state assignment No 0186-2019-0002 given to the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom). The author expresses his sincere gratitude to E. V. Morozov for his permission to publish the archival materials of his father and to E. D. Konusova for pointing to V. M. Morozov's materials about V. I. Malyshev in the Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House and for her help with compiling the comments thereon for this publication.

For citation: Pigin, A. V. Memories of V. M. Morozov about V. I. Malyshev. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):69–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.888

REFERENCES

- Bobkov, E. A. Some Moscow correspondents of V. I. Malyshev. *Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House: Materials and studies*. Leningrad, 1990. P. 278–280. (In Russ.)
- Grechishkin, S. S., Markelov, G. V. I. V. I. Malyshev's correspondence with Russian Soviet writers; II. V. I. Malyshev's correspondence with figures of Soviet culture. *Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House: Materials and studies*. Leningrad, 1990. P. 281–298. (In Russ.)
- Zhukov, D. A., Pushkarev, L. N. Russian writers of the XVII century. Moscow, 1972. 366 p. (In Russ.)
- Ivanova, T. G. History of Russian folklore studies of the XX century: 1900 – the first half of 1941. St. Petersburg, 2009. 800 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. Briefly about Vladimir Ivanovich Malyshev (Opening address at the Malyshev Readings on May 3, 1978). *Ancient Russian book-writing: Materials of the Pushkin House*. Leningrad, 1985. P. 262–264. (In Russ.)
- Loyter, S. M. From Pudozh to Paris. Selected publications: Essays and articles. Petrozavodsk, 2020. 199 p. (In Russ.)
- Lupanova, I. P. "The past passes before me..." A book about experience. Petrozavodsk, 2007. 313 p. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. Notes on the manuscripts collections of Petrozavodsk and Tobolsk. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1947. Vol. 5. P. 149–158. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. One important source of the Tikhomirov's collection (A page of memoirs). *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Leningrad, 1977. Vol. 32. P. 395–401. (In Russ.)
- Panchenko, A. M. V. I. Malyshev as an archaeographer. *Archaeographic yearbook for 1977*. Moscow, 1978. P. 214–218. (In Russ.)
- Panchenko, A. M. About Vladimir Ivanovich Malyshev. *Ancient Russian book-writing: Materials of the Pushkin House*. Leningrad, 1985. P. 265–276. (In Russ.)
- Pigin, A. V. About V. I. Malyshev's archeographic work in Karelia: The history of the Karelian collection of the Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House. *Literature and history in archaeographic context: Collection of research papers*. Novosibirsk, 2022. P. 231–249. (In Russ.)
- Pigin, A. V. Correspondence between Vladimir Ivanovich Malyshev and Viktor Mikhailovich Morozov. *Text and tradition: Almanaх*. Saint Petersburg, 2022. Vol. 10. P. 353–405. DOI: 10.31860/978-5-94668-365-4-353-40 (In Russ.)
- Pokrovsky, N. N. "Kniga glagolemaya": (notes from archaeographic expeditions). *Znanie – sila*. 1973; 3:36–40. (In Russ.)
- Tvorogov, O. V. V. I. Malyshev – curator of manuscripts. *Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House: Materials and studies*. Leningrad, 1990. P. 272–273. (In Russ.)
- Tungusov, A. A. V. I. Malyshev in Pustozersk. *Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House: Materials and studies*. Leningrad, 1990. P. 274–277. (In Russ.)

Received: 9 January 2023; accepted: 27 February 2023

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА УРВАНЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7230-4834; naturv@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ СКАЗОВ В. И. ПУЛЬКИНА «МЕДНЫЙ ВЕРШНИК»

А н н о т а ц и я . Исследование посвящено анализу фольклорных традиций в сказах В. И. Пулькина «Медный вершник». Целью статьи является сравнительный анализ двух сказов, имеющих одинаковое название, которые публиковались в 1972–2003 годах. Актуальность обусловлена недостаточной изученностью произведений писателя. Отсутствие работ, посвященных анализу «Медного вершника», подтверждает научную новизну исследования и определяет его теоретическую и практическую значимость. Объектом исследования являются сказы В. И. Пулькина «Медный вершник», а также его фольклорные источники – исторические предания о Петре I, записанные на территории Олонецкой губернии и в Карелии. Предмет исследования – фольклорный аспект прочтения произведений. В статье использовались историко-литературный и сравнительно-сопоставительный методы исследования. Сюжеты двух сказов отличаются друг от друга. Использование исторических преданий, сказок, пословиц, загадок, комплекс фольклорных мотивов, изобразительно-выразительных средств свидетельствуют о влиянии устной народной традиции на художественную структуру «Медного вершника». Выявление фольклорной природы произведений писателя открывает новые возможности для прочтения его произведений.

Ключевые слова: Виктор Пулькин, фольклор, предания, литература, Петр I

Благодарности . Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-09-42034 «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии». Выражаю искреннюю признательность кандидату филологических наук, старшему научному сотруднику сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН А. М. Петрову за консультации и дружеские советы.

Для цитирования : Урванцева Н. Г. Фольклорные источники сказов В. И. Пулькина «Медный вершник» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 90–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.889

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время исследователи стали часто обращаться к вопросу взаимодействия двух художественных систем – фольклора и литературы в творчестве петрозаводского писателя В. И. Пулькина (1941–2008) [2], [4], [5], [6], [7], [8]. Освоение народных традиций писателем происходило в 1969–1985 годах, когда он вместе с фольклористом, научным сотрудником сектора фольклора Института истории, языка и литературы КарНЦ РАН Н. А. Криничной участвовал в фольклорных экспедициях на территории Карелии. Основой для многих сказов, написанных вместе со своим соавтором Н. А. Криничной, стали предания, легенды, сказки и анекдоты. В сборниках «Кижские рассказы» (1973), «Медный вершник» (1988), «Чаша мастера» (1990), «Царские персты» (2002) содержатся «литературные пересказы» [2:

206] преданий о Петре I. Рассказы В. И. Пулькина об императоре практически не изучены. Существует только две статьи А. М. Петрова, в одной из которых проанализирован цикл «Петровская слобода» [5], а в другой – сказ «Лазоревый камзол» и его фольклорные источники – предания о Петре I и вытегорах [6]. В связи с этим статья восполняет лакуну в изучении данного произведения.

В период с 1972 по 2003 год семь раз были опубликованы два сказа В. И. Пулькина «Медный вершник». В 1970-е годы писатель работал над первым сказом (публикации 1972 и 1973 годов). Годы работы над вторым – 1980-е – начало 2000-х (публикации 1986, 1988, 2002 и 2003 годов). В 1972 году сказ «Медный вершник»¹ впервые опубликовал известный теоретик литературы П. Г. Антокольский в виде приложения

к своему очерку «Медный всадник»², в котором он рассмотрел образ Медного всадника в Петербургском тексте русской литературы. Критик познакомился с писателем, который показал ему сказ и неопубликованные записи преданий, «сделанные в самые последние годы со слов глубоких стариков – хранителей традиции, знатоков местного своеобразного говора»³. В 1973 году «Медный вершник» вошел в сборник «Кижские рассказы»⁴ и помещен в разделе «Тястенники»⁵. Две публикации сказа были сделаны в 1986 году: в журнале «Нева»⁶ в рубрике «Командировка» и в журнале «Вокруг света»⁷ в рубрике «Мифы, сказки, легенды». В 1988 году вышла книга «Медный вершник: Сказы о Петре Первом»⁸ в соавторстве с Н. А. Криничной, в которой был опубликован одноименный сказ. В 2002 году он помещен в сборник «Царские персты: Сказы о Петре Великом»⁹. «Медный вершник» посвящен памяти П. Г. Антокольского. В следующем году сказ можно было прочитать в журнале «Народное творчество»¹⁰ в рубрике «Были-небыли».

СКАЗ В. И. ПУЛЬКИНА «МЕДНЫЙ ВЕРШНИК» 1970-х ГОДОВ

Предания о Петре I как источники первой версии «Медного вершника»

В начале сказа В. И. Пулькина «Медный вершник» 1972 и 1973 годов упоминается предание «Петр I – кум» (или, как его иногда называют фольклористы, «Серебряная чарка Петра Великого»). Впервые его опубликовал в 1838 году друг М. Ю. Лермонтова Святослав Афанасьевич Раевский (1808–1876) в газете «Олоонецкие губернские ведомости» (далее ОГВ)¹¹, находившийся в 1837–1839 годах в Петрозаводске в ссылке за распространение стихотворения «Смерть поэта»¹². Предание о кумовстве царя с подданными записывали также Г. С. Епифанов, Е. В. Барсов, В. А. Дашков, архиепископ Игнатий (М. А. Семенов), В. Н. Майнов, В. П. Мегорский¹³. Его часто перепечатывали в «ОГВ»¹⁴, в центральных периодических изданиях («Древняя и новая Россия», «Мирской вестник», «Дело»), а также в книгах и сборниках. Н. А. Криничная и В. И. Пулькин хорошо знали этот сюжет. В 1960–1980-х годах они записали его варианты в фольклорных экспедициях¹⁵.

В предании «Петр I – кум» выделяются сюжетообразующие мотивы пожалования, одаривания царем своих подданных (М-4з) и кумовство царя с подданными (М-9)¹⁶. Петр I был крестным крестьянского ребенка и подарил серебряную чарку,

из которой пил анисовую водку, куме (родителям новорожденного и др.).

Фольклорной основой первой версии сказа В. И. Пулькин «Медный вершник» стало карельское предание «Петр Первый и чудесный конь». В нем используется традиционный мотив добывания чудесного коня (1525 В)¹⁸, добывания коня вождем / царем (М-3), характерный для структуры сюжетов былинного эпоса, волшебной и бытовой сказки. В 1945 году фольклорист В. Я. Евсеев зафиксировал это предание от Н. А. Терентьева¹⁷. Петр I узнал о том, что в Финляндии имеется чудесный конь, и захотел его приобрести. Работая у финского князя конюхом, он подслушал, что на нем никто не может ездить. Царь добывает коня благодаря ловкости и хитрости. Император «на нем умчался и в Питер прискакал, и еще теперь он там около реки верхом на нем сидит» (Северные предания: 154).

Сказ «Медный вершник» 1972 и 1973 годов

Повествование идет от лица рассказчика-повествователя. Начало сказа насыщено топонимами: Шуньгская ярмарка, Поморье, Кизи, Лижма, Кяппесельга и Ленинград. Рассказчик вспоминает о походе Петра I в 1702 году по Осударевой дороге: «Да ведь осударь в наших местах бывал. Корабли тащил по дремучим лесам, вплавь в водопады пускался» (Кижские рассказы: 66).

Для привлечения внимания и установления связи между слушателем в начале «Медного вершника» рассказчик упоминает о царской чарке:

«А на самой околице у дороги, что на Кяппесельгу, дед живет в маленьком домике. <...> Кубок-чашечку такую берет старик из поставца, а на нем узор будто старинный. “Царская! Великого Петра!” Выпьет и обратно поставит. Она ему от отца досталась, а отцу от деда» (Кижские рассказы: 229–230).

В сказе появляется описание внешности императора, которого не было в исторических народных преданиях:

«Нрав его был веселый и буйный – такой, что ленивого с места стронет, а с работником – будь ты хоть самый простой плотник – по чарке выпьет, деревенским рыбником закусит, чарку царскую на память оставит» (Кижские рассказы: 66–67).

«Из-под кряжика идет меж рябин добрый молодец. Лицо круглое, безбородое – только усики черные... Видать, холостой ещё. Подошел, приветно поздоровался с мужиком <...>» (Кижские рассказы: 67).

Петру нужен «могучий крестьянский конь», потому что, по его словам, «ни один конь под моей рукой не устоял, ни один меня не держит» (Кижские рассказы: 67). Мужик говорит,

что «конь не продажный» (Антокольский: 229)¹⁹. «Сам я Бурушку выходил, из-под матки жеребеночком взял, в шапке домой принес» (Кижские рассказы: 67).

В предании, записанном А. Д. Георгиевским, слуги воруют коня у мужика. В сказе В. И. Пулькин отсутствует фольклорный мотив воровства. Царь сам добывает чудесного кижского коня. Для его получения император должен отгадать две загадки мужика:

«Перво: отчего это у меня борода черная, а голова белая?.. Ишо: работаем это мы с Бурушкой, работаем, а как хлеб поспеет, отжин-то отгуляем, тут я урожай на три части и делю! Первое дело – долги отдам, второе дело – в долг ссужу, третье – в воду смечу!» (Кижские рассказы: 68).

Автор использовал в «Медном вершнике» фольклорный мотив «Трудная задача и ее решение». В выполнении определенных задач (загадок) можно увидеть связь с традиционной волшебной сказкой, когда герой, добываясь определенной цели, совершает ряд подвигов (отгадывает загадки). В свою очередь император попросил отгадать мужика, кто он. Мужик, «хитрой человек», узнал императора еще на пашне, но не подал виду и называл его сначала «добрым человеком», «солдатом», «служивым».

«Нет, ты осударь Великий Петр! – усмехнулся мужик. – Я тебя сразу опознал...» (Антокольский: 230).

«Нет, ты осударь Великий Петр! – говорит мужик, хитрой человек. – Я тебя сразу опознал...» (Кижские рассказы: 68).

Крестьянин дарит богатырского коня императору. «Ты Бурку приметил, да и сам ему по нраву пришел». «Ну, вот пахоту отпашу – и езжай!..» (Кижские рассказы: 68).

Автор показывает быт мужика, его избу. Пословицы служат средством речевой характеристики крестьянина: «Каждый зять сам любит взять!» (Антокольский: 230), «Каждый зять сам ладит взять!» (Кижские рассказы: 68)²⁰. В речи императора тоже появляются пословицы. Обращаясь к мужику, он говорит: «Чем завираться, лучше молча почесаться» (Кижские рассказы: 68)²¹, «Лошадь человеку крылья!..» (Кижские рассказы: 68)²². На что крестьянин отвечает ему: «Возит воду, возит и воеводу!» (Кижские рассказы: 68)²³. Из его речи мы узнаем о заонежском обычае отпускать бороду после свадьбы: «Бороду-то у нас в Кижях, как женятся, отпускают» (Кижские рассказы: 68).

Впервые в сказе крестьянский конь, «кижский кряжик», появляется в сцене пахоты: «<...> Лошадь, конечно, была не маленькая. Бурушкой звали! Справный такой конишко. Идет себе да идет,

борозду ведет» (Кижские рассказы: 67). Мужик называет коня Бурушка, Бурка. Виктор Пулькин позаимствовал это имя из русской волшебной сказки («Сивка-Бурка») и былины («Илья Муромец и соловей-разбойник», «Добрыня и змей» и др.). Конь Ильи Муромца был бурый и получил прозвище Бурушка²⁴. В репертуаре династии Рябининых-Андреевых бытовали былины «Илья Муромец и соловей-разбойник» и «Добрыня и змей». Былинного коня богатыря Добрыни Никитича зовут Бурушка. В былине «Добрыня и змей» конь Бурушка Добрыни Никитича вместе со своим хозяином сражается со Змеем Горынычем²⁵. У богатыря Дюка Степановича, героя киевского цикла былин, тоже был Бурушка²⁶. В. И. Пулькин как житель Заонежья, работавший много лет в музее-заповеднике «Кижи», был знаком с этими сюжетами.

Имя коня Бурка выражает значение темно-рыжей или темно-красной масти²⁷. При его описании В. И. Пулькин использует эпитеты фольклорного происхождения: «добрый конь» (Кижские рассказы: 67), «верный конь» (Кижские рассказы: 69). Бурка становится верным другом, незаменимым ратным помощником и спутником императора. В былинах и волшебных сказках конь часто выступает в качестве боевого богатырского товарища и спасает своего хозяина от смерти. В рассказе сохраняются стереотипные ассоциации, связанные с этим животным: честность, верность, трудолюбие, смелость, скорость и сила.

Егорий Храбрый (Георгий Победоносец) из русского духовного стиха борется со Змеем²⁸. Конь помогал змееборцу, затапывая врага. Автор использовал в рассказе архаичный мотив змееборчества, распространенный в русском фольклоре (былинах, сказках, заговорах и духовных стихах). С помощью сказочных формул описана честная служба крестьянского коня Петру:

«В битве несметное число пушек метило в осударя-вершника. Ядра конь на свою грудь принимал. Летит Бурка по полю брани, копытом силу вражью разит, хвостом прах метет! Осударь паруса взденет, на корабле плывет в заморские земли. Конь по берегу ходит, волну бьет копытом, море смиряет. Враги по-змеиному, тайно хотят царя уязвить, верный конь тех змей тяжелым копытом топчет!» (Кижские рассказы: 69).

Император очищает русскую землю от «свейских пушкарей» (мотив С «Борьба с антагонистами») с помощью волшебного помощника Бурушки.

На связь сказа с былиной указывает употребление писателем в первой версии «Медного вершника» такого образного языкового сред-

ства, как постоянные фольклорные эпитеты. В. И. Пулькин называет Петра I «добрым человеком», «добрым молодцем»²⁹, коня Бурушку – «добрым конем», «верным конем». Лексическими маркерами былины выступают лексемы «брусчатые лавки», «косивчатые околени», «сидючи».

Авторское отношение к коню передается с помощью диминутивов: *Бурушка*, *конишко*³⁰. При описании крестьянского быта и утвари употребляются имена существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-ечк-* и *-к-*: *чашечка*, *нивка*, *сошка*.

СКАЗ В. И. ПУЛЬКИНА «МЕДНЫЙ ВЕРШНИК» 1986–2003 ГОДОВ

Предание «Конь Петра Великого» как источник «Медного вершника»

Источником второго сказа «Медного вершника» В. И. Пулькина стало предание «Конь Петра Великого», которое записал учитель, этнограф, действительный член Олонецкого губернского статистического комитета Александр Дмитриевич Георгиевский (1854/1855 – после 1916 года), когда он плыл по реке Свирь. Впервые оно было опубликовано в 1899 году в «ОГВ»³¹. В мае 1903 года это предание перепечатали центральные периодические издания – «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время»³². В дальнейшем текст вошел в монографию В. Г. Базанова «Народная словесность Карелии» [1: 145–146], в сборники, составленные Н. А. Криничной «Северные предания», «Легенды. Предания. Бывальщины»³³ и Б. Н. Путиловым «Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни», «Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях»³⁴.

Сюжет основан на народных рассказах жителей Заонежья о коне, который впоследствии послужил «моделью» для отливки первого конного бронзового памятника Петру I. В его структуру входит мотив проявления необычайной физической силы во внешности и характере героя, связанный с образом Петра I [3: 201]. Император

«и вѣсомъ былъ великій, нась троихъ бы онъ на вѣсахъ перетянулъ: кони его возить не могли, проѣдетъ верхомъ версты двѣ, три на конѣ и хотъ пѣшкомъ иди, лошадь устанетъ, спотыкается, а бѣжать совсѣмъ не можетъ, а царю ли пѣшкомъ ходить?»³⁵.

Петр I приказал достать для него коня. В Заонежье у крестьянина был такой конь, «что, пожалуй, другого такого и не бывало и не будетъ больше: красивый, рослый, копыта съ тарелку были, здоровенный конище, а самъ – смиренство»³⁶.

В предании рассказывается, как зимой два человека хотели купить у крестьянина коня, но он не продал. Весной мужик отпустил коня на ухажье³⁷, и тот пропал. Через два года он узнал от барина, проезжавшего через деревню, что на коне ездит сам император. Мужик пришел в Питер, чтобы вернуть коня. По просьбе крестьянина человек написал прошение царю о воровстве. Через несколько дней он встретился с Петром I на улице, опознал своего Карюшку и по приметам доказал, что это его конь. Справедливый император отпустил мужика домой, дал ему 80 золотых и подарил немецкое платье. Заканчивается предание словами: «<...> въ Питерѣ памятникъ то есть, гдѣ Петръ Великій на конѣ сидитъ, а конь на дыбахъ, такъ такой точно конь и у мужика былъ»³⁸.

В этой же публикации А. Д. Георгиевского было еще одно предание, названное фольклористами «Каменный всадник», о змее, обвившей ноги коня императора. Оно восходит к петербургским легендам о Медном всаднике. В 1899–1991 годах предание было зафиксировано на территории Олонецкой и Вологодской губерний, в Карелии, Архангельской области, Тверской области и в Западной Сибири³⁹. 23 августа 1970 года Н. А. Криничная и В. И. Пулькин записали еще один вариант от малограмотного Т. Ф. Малыхина в Архангельской области⁴⁰. Писатель не использовал этот текст в «Медном вершнике».

Сказ «Медный вершник» 1986–2003 годов

Второй сказ публиковался в 1986 (2 раза), 1988, 2002 и 2003 годах. Он значительно отличается от сказа 1970-х годов. Сказ 1980-х годов начинается с гиперболизированного изображения физических данных Петра I, которое является средством идеализации положительного героя. Автор рисует былинно-сказочный образ царя.

Георгиевский	«Петръ Великій <...> и вѣсомъ былъ великій, нась троихъ бы онъ на вѣсахъ перетянулъ: кони его возить не могли, проѣдетъ верхомъ версты двѣ, три на конѣ и хотъ пѣшкомъ иди, лошадь устанетъ, спотыкается, а бѣжать совсѣмъ не можетъ, а царю ли пѣшкомъ ходить?» (3).
Нева Вокруг света Медный вершник	«Осударь был и ростом велик. Его, сказывают, кони нести не могли. Проедет версты три – и хотъ пеш беги» (Нева: 196, Вокруг света: 46, Медный вершник: 105).
Царские персты	«Его кони нести не змогли. Проедет версты три – и хотъ пеш беги, лошадушку в подводу веи» (135).

В. И. Пулькин сравнивает императора с горой: «Стоит это на бережке Невы-реки. Видит: человек на коне, *как гора* на горе! Кто таков? Великий Петр» (Царские персты: 135).

Медный вершник	Царские персты
«Петр сердится, гремит, как вешний гром. Не любил воров да пьяниц <...>» (105).	«Петр сердится. Сам не любил воров да пьяниц, чужедов. Грозен до них бывал и на расправу лют» (136).

В «Медном вершнике» наблюдается совпадение имени коня крестьянина с фольклорным источником – Карюшко, Карий. Карий – это название лошадиной масти и колоративный эпитет лошади⁴¹.

Император хотел иметь коня под стать себе. В Кижях у мужика был богатырский конь. Как и в фольклорном тексте, появляется внешнее описание коня, отсутствующее в сказе 1970-х годов. Писатель сделал акцент на изображение копыт («копытища с плетеную тарелку – чарушу»), его физической силы («сам могутный»), рост («как стог сена») и характер коня (смирность, ласковость). Текстуальные совпадения с преданием об уникальности Кария есть только в публикации 1988 года в журнале «Вокруг света».

Георгиевский	«А въ нашей губернии, въ Заонежьѣ, былъ у одного крестьянина такой конь, что, пожалуй, другого такого и не бывало и не будетъ больше: красивый, рослый, копыта съ тарелку были, здоровенный конище, а самъ – смиренство» (3).
Нева	«А в Заонежье у крестьянина возрос таков жеребец – копытища с плетену тарелку – чарушу, сам как стог. А смирен, к хозяину ласков, как дитя» (196).
Вокруг света	«А в Заонежье у крестьянина возрос таков жеребец, что другого-иного, пожалуй, и на свете не было. Копыта с плетеную тарелку – чарушу, сам могутный. А уж смирен, к хозяину ласковый, как дитя!» (46).
Царские персты	«А в Заонежье у крестьянина возрос жеребец – копытища с плетену тарелку – чарушу. Сам – что стог. А смирен, к хозяину ласков! Как дитя!» (135).

Как и в фольклорном тексте, здесь появляется мотив воровства. Слуги Петра давали крестьянину большую цену за «доброго коня». «Не продал мужик: “Кормилец семейству”» (Царские персты: 135). Весной крестьянин отпустил «доброго коня» в луга, а тот потерялся.

В публикациях 1980-х годов имеется указание на место жительства хозяина коня: «кижский был, с деревни Мигуры мужик-то» (Вокруг света: 46). В сборнике «Царские персты» писатель официально называет крестьянина «гражданином»: «Кижский он был, мужик-то. Гражданин деревни Мигуры» (Царские персты: 135). В публикациях сказа из журнала «Нева», сборников «Медный вершник» и «Царские персты» имеется информация о профессии крестьянина: «Мы, заонежские, в век в Питер на заработки ухожи. И мужик пошел – плотничать.

Бревна на тес пластать» (Царские персты: 135). Основным местом, куда направлялись отходные крестьяне Олонецкой губернии в поисках заработка, был Петербург. В отличие от фольклорного предания «Конь Петра Великого» в сказе отсутствуют поиски царя в Питере, написание ему прошения о воровстве. Мужик пошел плотничать и увидел Петра I на своем коне. Сцена встречи мужика и коня полна психологизма: «Карюшко, Карий! – зовет. И конь подошел, кижанину голову на плечико кладет» (Нева: 196).

В публикациях 2002–2003 годов более глубоко представлен «очеловеченный образ» коня:

«Карюшко, Карий! И конь подошел. Кижанину голову на плечо положил. Вдохнул, будто всхлинул» (Царские персты: 135). «Пошли мужик да конь. Друг другу плечью притулились. Дошли до перекрестка-росстани. Встали. Один другому в глаза глядят. Да и к царю возвратились» (Царские персты: 136).

В. И. Пулькин описывает внешнее проявление эмоционального состояния Петра I, которого не было в других публикациях: «Осударь на коне сидючи, головушку с плечика на плечико перекладывает, изумляется» (Царские персты: 136). Для изображения внешности императора в рассказе используются суффиксы субъективно-эмоциональной оценки -ушк-, -ик-: *головушка*, *ушики*, *плечико*.

Крестьянин рассказал царю, что у него украли коня:

«Осударь! – он коня за уздечку берет. – Ведь я при бже и царе белым днем под ясным солнышком вора поймал!» (Медный вершник: 105).

«Твоя милость! – мужик коня за серебряную уздечку берет. – Ведь я при Бже и царе, при ясном солнышке вора поймал! Рассуди!» (Царские персты: 136).

Мужик по приметным насечкам доказал царю, что Карий – это его конь. Император попросил прощения у крестьянина: «Осударь *скраснел*. <...> “Не я увел. Слуги по усердию. За обиду – прости”. С коня слез. Повод отдал» (Царские персты: 136). При помощи глагола эмоционального состояния «скраснел» автор показывает, что царю стыдно за своих верноподданных.

Мотивировка «добычи» коня появляется только в публикациях 2002 и 2003 годов. Конь нужен Петру I, чтобы воевать: «Император задумался: “Где мне коня добыть? На войну ехать...”» (Царские персты: 136). Встреча с царем заканчивается восстановлением справедливости. Крестьянин дарит коня императору, а Петр дает мужику деньги (мотивы М-4и «Одаривание деньгами» и М-18 «Мудрый суд»).

Георгиевский	«Разспросил все у мужика, узнал что у мужика коня украли и ему продали. Отпустил мужика домой, далъ ему за коня 80 золотыхъ и еще подарилъ нѣмецкое платье» (3).
Медный вершник	«“Мне, конечно, пахать, семью кормить, тебе подати платить. Да ведь и у тебя забота немалая: Россию поднимать. Владей конем!” Не восемьдесят ли золотых дал Петр за коня? Или – сто. Да “спасибо” в придачу. Побежал мужик в Заонежье с прибытком» (106).
Царские персты	«Кижанин рассказывает царю Петру: “Мне пахать и сеять. Семью кормить. Подати платить. Да ведь и у тебя забота не меньше моей: Россию поднимать. Владей конем!” Не восемьдесят ли золотых дал Петр за коня. Или – сто! Да “спасибо” в придачу. Побежал мужик на Онего с прибытком» (136).

В «Медном вершнике» 1980-х – 2000-х годов отсутствует змеборческий сюжет. При описании службы Бурки и Кария у царя в сказе 1970-х годов и 2000-х годов имеются текстуальные совпадения. В публикациях 1980-х годов данный фрагмент отсутствует.

Кижские рассказы	Царские персты
Конь Бурка	Конь Карий
«Честно служил Великому Петру крестьянский конь. В битве несметное число пушек метило в осударя-вершника. Ядра конь на свою грудь принимал. Громыхнется ядро – да и летит восвою – обратно» (69).	«Честно служил Петру крестьянский конь. В битвах множество пушек метило в Осударя. Ядра конь на свою грудь принимал. Грохнет ядро о Карюшку – летит обрат» (136).

Публикации сказа 1980-х годов заканчиваются упоминанием о памятнике Петру I. Рассказчик описывает историю, используя местоимение множественного числа «мы». Он говорит от лица заонежских мужиков:

«Мы в Ленинград приедем – наперво на площадь идем, где медный Петр вершником на Карюшке, мужицком коне, сидит» (Нева: 197).

«А мы и теперь, бывает, как приедем в Ленинград, наперво к памятнику придем. На площадь, где медный Петр вершником на Карюшке, мужицком коне, сидит» (Вокруг света: 48).

«Мы в Ленинград приедем – наперво на площадь идем. Туда, где медный Петр на Карюшке, мужицком коне, сидит» (Медный вершник: 106).

В 2000-х годах автор добавил новый абзац:

«Пришло время – отлили Великого Петра из олонечкой меди искусные мастера. Литейщики тоже, видимо, нашего корня, знаткие. Мало ли на Александровском заводе персон отлито, чугунных решеток для садов и парков, дворцов и храмов. В Питер приедем – детей-внуков навестить – наперво на площадь придем, где Петр на Карюшке как живой сидит» (Царские персты: 136).

Известно, что на Александровском заводе в Петрозаводске был цех художественного литья, в котором выпускались чугунные решетки, декоративные фигуры, хозяйственная утварь, гири, пуговицы для мундиров чиновников.

В сказах 1970-х и 2000-х годов памятник императору упоминается в начале и в конце:

«Видел, чай, в Ленинграде-то? Там из меди отлит Осударь – вершником, а под копытом у коня змея вьется» (Антокольский: 228).

«В Ленинграде из меди отлит осударь – вершником, а под копытом у коня змея вьется» (Кижские рассказы: 66).

В финале сказа 1970-х годов тема исторической памяти отсутствует. Сообщается только о наличии памятника в Ленинграде: «Так и отлили Петра Великого из звонкой меди искусные мастера вершником на могучем крестьянском коне!» (Антокольский: 230; Кижские рассказы: 69). В 2000-х годах появляется тема исторической памяти: «В Питере бываем – Петра вспоминаем. Особенно ежели к Медному вершнику на берег Невы придем. Про то у нас в Кижках слышано» (Царские персты: 135). Эта тема усилена во многих сказах сборника «Царские персты». А. М. Петров пришел к аналогичному выводу, проанализировав сказ В. И. Пулькина «Лазоревый камзол» [6: 105].

Рассказчик с гордостью говорит о коне:

«– Наш ведь конь-от Заонежский! – насечки на копыте ищем. – Должна мета быть» (Медный вершник: 106).

«– Наш ведь конь-от! – прилюдно насечку на копыте ищем.

– Заонежский! И должна, робятка, наша мета быть!» (Царские персты: 135).

Элементами фольклорного стиля является использование писателем лексико-семантических (разнокорневой тавтологии) повторов, широко распространенных в русском фольклоре (заговоры, былины, сказки, детские песенки и др.): «*Пооревали, поплакали*. Да что станешь делать?» (Царские персты: 135; Народное творчество: 51)⁴²; «Дошли до *перекрестка-росстани*» (Царские персты: 136; Народное творчество: 51).

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ двух сказов В. И. Пулькина «Медный вершник» 1972 и 1973 годов и 1980-х – начала 2000-х годов позволил установить, что это два разных произведения. Второй сказ подвергался литературной переработке на протяжении почти 20 лет. Фольклорным источником первого сказа В. И. Пулькина «Медный вершник» стало предание «Петр Первый и чудесный конь», второго сказа – предание «Конь Петра Великого». Наблюдаются различия в сюжете, композиции, именах (конь Бурушка / Бурка и Карюшко / Карий). В первом сказе император сам добывает коня, во втором – его воруют слуги. В публикациях 2002 и 2003 годов более разработанная композиция, содержатся новые детали о памятнике Петру I, усиливается тема исторической памяти.

Сравнительно-сопоставительный анализ публикаций сказов «Медный вершник» позволяет выявить высокую степень сохранения комплекса

фольклорных мотивов: пребывание исторического лица в конкретной местности (Г-9а), мотив добывания чудесного коня (1525 В), добывание коня вождем / царем (М-3), одаривание деньгами (М-4и), мудрый суд (М-18), мотив проявления необычайной физической силы во внешности и характере героя, воровства, змеборчества, борьбы с антагонистами. Фольклорные элементы как

неотъемлемая часть входят в ткань произведений автора. Заимствуя материал из устного народного творчества, В. И. Пулькин был самостоятелен в разработке сюжета и образов «Медного вершника». Писатель использовал поэтическую систему фольклора, трансформировал ее в соответствии с художественными задачами и создал на ее основе оригинальные произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вёршник – верховой наездник, всадник. (Криничная Н. А., Пулькин В. И. Медный вершник: Сказы о Петре Первом. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 151).
- ² Пулькин В. И. Медный вершник // Антокольский П. Г. Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 3. С. 228–230. Далее в круглых скобках будет указано: Антокольский и через двоеточие страницы.
- ³ Антокольский П. Г. Медный всадник // Антокольский П. Г. Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 3. С. 228.
- ⁴ Пулькин В. И. Медный вершник // Пулькин В. И. Кижские рассказы. М.: Сов. писатель, 1973. С. 66–69. Далее в круглых скобках будет указано: Кижские рассказы и через двоеточие страницы.
- ⁵ Тястенники – регионально-групповое прозвище жителей Заонежья (Медвеж., Прионеж.), наряду с тётстенники (Медвеж.) (Словарь русских народных говоров / РАН. Ин-т лингвист. исследований; Гл. ред. Ф. П. Сороколетов; Отв. ред. С. А. Мызников; Сост. Н. И. Андреева-Васина и др. СПб.: Наука, 2013. Вып. 46. С. 103–104).
- ⁶ Пулькин В. Медный вершник // Нева. 1986. № 8. С. 196–197. Далее в круглых скобках будет указано: Нева и через двоеточие страницы.
- ⁷ Криничная Н., Пулькин В. Медный вершник // Вокруг света. 1986. № 9. С. 46–48. Далее в круглых скобках будет указано: Вокруг света и через двоеточие страницы.
- ⁸ Криничная Н. А., Пулькин В. И. Медный вершник // Криничная Н. А., Пулькин В. И. Медный вершник: Сказы о Петре Первом. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 104–106. Далее в круглых скобках будет указано: Медный вершник и через двоеточие страницы.
- ⁹ Пулькин В. И. Медный вершник // Пулькин В. И. Царские персты: Сказы о Петре Великом. Петрозаводск: Петриодика, 2002. С. 135–136. Далее в круглых скобках будет указано: Царские персты и через двоеточие страницы.
- ¹⁰ Пулькин В. Медный вершник // Народное творчество. 2003. № 3. С. 51. Далее в круглых скобках будет указано: Народное творчество и через двоеточие страницы.
- ¹¹ Раевский С. Одно из воспоминаний о государе императоре Петре Великом // ОГВ. 1838. № 24. С. 22–23 (Приб. 2); [Серебряная чарка Петра Великого] / [Опубл. С. А. Раевский] // Олонецкие воспоминания // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 год. Петрозаводск: Губ. тип., 1860. С. 147–148.
- ¹² Криничная Н. А. Предания Русского Севера / Отв. ред. Ю. И. Юдин. СПб.: Наука, 1991. С. 270–271. Далее в круглых скобках будет указано: Предания и через двоеточие страницы.
- ¹³ Епифанов Г. Заметки об Олонецкой стороне // Сын Отечества. 1839. Т. 8. С. 75–76; Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях, составленное В. А. Дашковым. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1842. С. 389–391; Игнатий (Семенов М. А.). Воспоминание о пришествиях великого государя Петра Первого в Олонец. 2-е изд. СПб.: Тип. Я. Трея, 1849. С. 71–72; Петр Великий в народных преданиях Северного края, собранных Е. В. Барсовым. М.: Тип. А. И. Мамонова и К°, 1872. С. 10–11; Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб.: Изд. ред. журн. «Знание», 1874. С. 74; Майнов В. Осударева дорога. В Повенецком уезде Олонецкой губернии // Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Т. 1, № 2. С. 185; Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. Изд. 2-е, знач. доп. авт. СПб.: Тип. В. Демакова, 1877. С. 39–40 и др.
- ¹⁴ Смесь // ОГВ. 1850. № 8. С. 4; Барсов Е. В. Петр I – святозерский кум (Народные предания в Олонецкой губернии) // ОГВ. 1903. № 53. С. 4; Мегорский В. Осударева дорога (библиографические справки) // ОГВ. 1903. № 23. С. 2.
- ¹⁵ Предания... С. 196–197, 270–271; Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная; Отв. ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука, 1978. С. 152–153, 194–195; Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. А. Криничной. М.: Современник, 1989. С. 215–216.
- ¹⁶ Здесь и далее мотивы даются по Указателю типов, мотивов и основных элементов, составленному Н. А. Криничной. См.: Криничная Н. А. Указатель типов, мотивов и основных элементов // Криничная Н. А. Предания... С. 278–294.
- ¹⁷ Карельский фольклор. Новые записи / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. Я. Евсеева; Под ред. В. Я. Проппа; Ин-т истории, языка и лит. Карело-Фин. науч.-исслед. базы Акад. наук СССР. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. С. 158–159 (№ 68); Карельское народное поэтическое творчество: [Сб.] / Акад. наук СССР, Карел. фил. Ин-т яз., лит. и истории; Подгот. и пер. текстов В. Я. Евсеева; [Отв. ред. В. М. Сидельников]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. С. 267–268; Северные предания... С. 153–154 (№ 219); Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. А. Криничной. М.: Современник, 1989. С. 131–133.
- ¹⁸ Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Изд-е Гос. рус. геогр. об-ва, 1929. С. 89.
- ¹⁹ В варианте рассказа 1973 года это предложение отсутствует.
- ²⁰ Зять любит взять, тесть любит честь, а шурин глаза шурит. См.: Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. Т. 1 / Вступ. слово М. А. Шолохова. М.: Худож. лит., 1989. С. 225.
- ²¹ Чем завираться, лучше молча почесаться. См.: Там же. С. 345.
- ²² Лошадь человеку крылья. См. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. Т. 2 / Послесл. В. П. Аникина. М.: Худож. лит., 1989. С. 396.
- ²³ Возит воду, возит и воеводу. См.: Там же.

- ²⁴ «И говорил-то онъ таковы слова: / “Ай же ты, мой *бурушко* косматенькой! / Послужи-тко ты мне верою и правдою, / Послужи но старому и но прежнему <...>». Илья Муромец и дочь / Зап. от Т. Г. Рябининой А. Ф. Гильфердинг в Кижях // Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Т. 1 / Под ред. А. Е. Грузинского. Изд. 2-е. М.: Изд. фирмы «Сотрудник школ», 1909. С. 26. Далее в круглых скобках будет указано: Рыбников и через двоеточие страницы. «Так тут старый казак Илья Муромец / Заседлал тут своего добра коня, / А он малого бурушку косматого, / Выезжал в раздольище чисто поле». Илья Муромец и соловей-разбойник / Зап. от П. И. Рябининой-Андреева в д. Гарницы (Заонежье) // Былины: Сб. / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 57. (Б-ка поэта. Большая серия). Далее в круглых скобках будет указано: Былины и через двоеточие страницы.
- ²⁵ «Бьетъ *бурка* промежу уши, / И бьетъ *бурка* промежу ноги, / И промежу ноги, ноги заднія: / И сталь его *бурушко* поскакивать, / Змѣнышевъ отъ ногъ онъ отряхивать, / Притопталь онъ всѣхъ до единого». Добрыня и змей / Зап. от А. Е. Чукова А. Ф. Гильфердинг в Кижях // Рыбников: 152. См. также: Добрыня и змей / Зап. от П. Калинин А. Ф. Гильфердинг в д. Горка (Повенец) // Былины: 82.
- ²⁶ «Ты, мой сивушко да й ты мой *бурушко*, / Ты, мой маленькой да й ты косматенькой <...>». Боярин Дюк Степанович / Зап. от И. Г. Рябининой-Андреева // Былины Ивана Герасимовича Рябининой-Андреева / Науч.-исслед. ин-т культуры Карело-Фин. ССР. Сектор фольклора Ин-та литературы Акад. наук СССР; Подгот. текстов и примеч. А. М. Астаховой; Ст. А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса; Под общ. ред. А. М. Астаховой и В. Г. Базанова. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1948. С. 96. (Б-ка русского фольклора Карелии. Вып. 6).
- ²⁷ Бурый – укр. *бурій*, польск. *burzy* ‘темно-серый’. Названия лошадиных мастей (ср. *карий*, *буланый* и т. п.), как правило, заимств. из тюрк. Заимств. через посредство тур. *bug* ‘рыжей масти’ из перс. *bōg* ‘гнедой, рыжей масти’; ср. др.-инд. *babhrū́s* ‘рыжевато-бурый, гнедой’ (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1: ок. 4000 слов / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007. С. 249). Бурый, -ая, -ое; бур, -а, -о. Темно-коричневый с красноватым отливом (о масти лошади). *Бурый конь* (Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [Гл. ред. А. П. Евгеньева]. Изд. 3-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1985. С. 127). Бурый, -ая, -ое; бур, бурá и б́ура, б́уро. 2. О масти, шерсти: черный с коричневатым отливом. (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А Темп», 2006. С. 64).
- ²⁸ Древнерусская повесть «Чудо Георгия о змие» оказала влияние на устное народное творчество и изобразительное искусство. В христианской иконографии святой Георгий побеждает змея (дракона). Художники О. Чумак и М. Чумак на обложке сборника «Царские персты: Сказы о Петре Великом» изобразили Петра I верхом на коне. В руках у него копье, которым он убивает змея.
- ²⁹ В статье Т. П. Слесарева «Семантика фольклорных эпитетов в былинных текстах» пишет, что «эпитет *добрый* в былинах имеет значение “добротный”, т. е. годный к воинскому подвигу» (Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 122).
- ³⁰ Здесь и далее курсив автора статьи.
- ³¹ Георгиевский А. На пароходе // ОГВ. 1899. № 39. С. 3.
- ³² Санкт-Петербургские ведомости. 1903. 20 мая (№ 135); Новое время. 1903. 15 мая (№ 9767).
- ³³ Северные предания: 145–147; Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. А. Криничной. М.: Современник, 1989. С. 131–133.
- ³⁴ Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б. Н. Путилова. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 187–189; Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б. Н. Путилова. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 187–189; Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б. Н. Путилова. СПб.: Акад. проект, 2000. 302 с.
- ³⁵ Георгиевский А. Указ. соч. С. 3.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Ухóжье, -я, ср. устар. и обл. – место, где находятся ульи или водятся пчелы. (Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С. 540–541).
- ³⁸ Георгиевский А. Указ. соч. С. 3.
- ³⁹ См. варианты предания: Георгиевский А. На пароходе // ОГВ. 1899. № 39. С. 3; Едемский М. Б. Из кокшеньгских преданий (окончание) // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 217; Криничная Н. А. Предания Русского Севера / АН СССР, Карельский фил., Ин-т яз., лит. и истории. СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отд-ние, 1991. С. 219 (№ 417, 418); Карельский фольклор. Новые записи / Под ред. В. Я. Проппа. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1949. С. 158–159; Мисюрева А. А. Меньшиков в Сибири // Сибирские сказы, предания, легенды: Сборник А. А. Мисюрева. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1959. С. 119–120; Кузнецов В. В. Георгий Победоносец – Медный всадник: синкретизм образа культурного героя в одном фольклорном тексте // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: Сб. науч. тр. / Под ред. Е. Г. Милугиной. Тверь, 2018. С. 70.
- ⁴⁰ Предания... С. 219.
- ⁴¹ *Карий* – укр. *ка́рий* ‘черный, темный’, др.-рус. *карый* ‘черный’ (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2: более 4500 слов / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007. С. 199). *Ка́рий*, о глазах и о масти конской; *каряя* лошадь, самая темная гнедая, но посветлее караковой; стан почти вороной, и только на ногах заметен бороватый отлив, вдоль спины черный ремень (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. язык – Медиа, 2007. С. 90).
- ⁴² В русской народной сказке «Царевна-лягушка» используется морфологический (корневой) вид повтора: «Поплакал-поплакал, да нечего делать – взял в жены лягушу». (Царевна лягушка // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 2 / Акад. наук СССР; Подгот. текста Л. Г. Бараг и Н. В. Новикова; Отв. ред. Э. В. Померанцева и К. В. Чистов. М.: Наука, 1985. С. 261. (Литературные памятники)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов В. Г. Народная словесность Карелии. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 280 с.
2. Дюжев Ю. И. На грани литературы и фольклора (о прозе В. И. Пулькина) // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона: Материалы междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 206–211.
3. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры / Отв. ред. В. К. Соколова. Л.: Наука, 1987. 227 с.
4. Неёлов Е. М. Сказка, фантастика, современность. Петрозаводск: Карелия, 1987. 124 с.
5. Петров А. М. Многоликий Петрозаводск Виктора Пулькина: к проблеме локального текста русской литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 29–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.654
6. Петров А. М. Фольклорно-литературные связи в творчестве Виктора Пулькина (на материале рассказа «Лазоревый камзол») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 5. С. 100–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.505
7. Рогощенков И. К. В. И. Пулькин // История литературы Карелии: В 3 т. Т. 3. Петрозаводск: Изд-во ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2000. С. 245–254.
8. Шилова Н. Л. Фольклорная фантастика в «Кижских рассказах» Виктора Пулькина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 4. С. 247–261.

Поступила в редакцию 11.07.2022; принята к публикации 16.01.2023

Original article

Natalya G. Urvantseva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7230-4834; naturv@mail.ru

FOLKLORE SOURCES OF VIKTOR PUL'KIN'S BOOK OF TALES THE BRONZE HORSEMAN

Abstract. The study analyzes folklore traditions in the collection of tales titled *The Bronze Horseman* written by Viktor Pul'kin. The purpose of the article is to conduct a comparative analysis of two tales with the same name published between 1972 and 2003. The relevance of the article is due to the insufficient study of the writer's works. The absence of papers that would analyze *The Bronze Horseman* tales confirms the novelty of the study and determines its theoretical and practical significance. The object of the study is the tales from Viktor Pul'kin's book *The Bronze Horseman*, as well as his folklore sources – historical legends about Peter the Great recorded on the territory of the Olonets Province and in Karelia. The subject of the study is the folklore aspect of these works' interpretation. The article uses the literary historical method and the comparative method. The study revealed that the plots of the two stories are different. The use of historical legends, fairy tales, proverbs, riddles, a set of folklore motifs, and various figurative and expressive means testifies to the influence of oral folk tradition on the artistic structure of *The Bronze Horseman*. Revealing the folklore character of the writer's works opens up new possibilities for their interpretation.

Key words: Viktor Pul'kin, folklore, legends, literature, Peter the Great

Acknowledgements. The article was written as part of the project No 20-09-42034 “Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia” under the Russian Foundation for Basic Research grant. The author expresses her sincere gratitude to A. M. Petrov, Candidate of Philological Sciences and the Senior Researcher at the Folklore and Literature Section (with Audio Archive) of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences for his consultations and friendly advice.

For citation: Urvantseva, N. G. Folklore sources of Viktor Pul'kin's book of tales *The Bronze Horseman*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):90–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.889

REFERENCES

1. Bazanov, V. G. Karelian folklore. Petrozavodsk, 1947. 280 p. (In Russ.)
2. Dyuzhev, Yu. I. On the edge between literature and folklore (Viktor Pul'kin's prose). *Intercultural interactions in the multiethnic space of the border region: Proceedings of the international research conference*. Petrozavodsk, 2005. P. 206–211. (In Russ.)
3. Krinichnaya, N. A. Russian folk historical prose: Issues of genesis and structure. (V. K. Sokolova, Ed.). Leningrad, 1987. 232 p. (In Russ.)
4. Neyolov, E. M. Fairy tale, fantasy, modernity. Petrozavodsk, 1987. 124 p. (In Russ.)
5. Petrov, A. M. Diverse Petrozavodsk of Viktor Pul'kin: the issue of local text in Russian literature. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):29–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.654 (In Russ.)
6. Petrov, A. M. Folklore and literary connections in the works of Viktor Pul'kin (analysis of the novel *The Azure Jacket*). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(5):100–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.505 (In Russ.)
7. Rogoshchenkov, I. K. V. I. Pul'kin. *History of literature of Karelia: In 3 vols*. Vol. 3. Petrozavodsk, 2000. P. 245–254. (In Russ.)
8. Shilova, N. L. Folk fiction in the “Kizhi Stories” by Viktor Pul'kin. *The Problems of Historical Poetics*. 2016;14:247–261. (In Russ.)

Received: 11 July 2022; accepted: 16 January 2023

ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНОВСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
romanovskaia.irina@gmail.com

ОБРАЗ КАРЕЛИИ В ПОЭМЕ Х. МАРТИНСОНА «АНИАРА»

А н н о т а ц и я . Представлен комплексный анализ образа региона с точки зрения реализации основного принципа поэтической географии – взаимодействия пространства и культуры. Предметом исследования стал образ Карелии, закрепленный в сознании шведского поэта, лауреата Нобелевской премии Харри Мартинсона. Карелия входит в число регионов, образ которых активно изучается на материале прозы и поэзии, что само по себе определяет актуальность исследования. Статья включена в широкое исследовательское поле, ориентированное на интерпретацию образа региона в поэтической и прозаической традиции как отечественной, так и зарубежной литературы. Источником исследования стала постапокалиптическая поэма «Аниара», написанная в Швеции в 1956 году. Представлен образ Карелии с опорой на историческое, природоведческое, культурологическое, духовно-нравственное содержание и значение региона в жизни общества и самого автора. Материал, изложенный в статье, демонстрирует отношение к Карелии как к идеалу, святому месту, потерянно-му раю. Переплетение разных уровней прочтения текста позволяет заключить, что Мартинсон создал свой индивидуально-авторский вариант образа Карелии на основе реальных наблюдений за природой, историей, жизнью и культурой региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а : поэтическая география, художественный образ, Х. Мартинсон, «Аниара», образ региона, Карелия, «Песнь о Карелии», индивидуально-авторская картина мира

Д л я ц и т и р о в а н и я : Романовская И. В. Образ Карелии в поэме Х. Мартинсона «Аниара» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 99–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.890

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наблюдается растущий интерес к природе геопозитического образа (страны, края или города). Это весьма популярный объект исследования, в центре которого находится отражение или преломление знаний и живых воспоминаний об определенном месте. С позиции поэтической географии описываются воспоминания, ассоциации, наблюдения, сохранившиеся в памяти автора об определенном географическом пространстве. Геопозитические образы, однако, создаются благодаря не только памяти, но также многогранной фантазии автора. Так, в произведении может быть представлено как воображаемое место, которое никогда не существовало в реальности, так и реальное место, которое автор, никогда там не бывая, создал с помощью воображения. В задачу данного исследования не входит изучение разных способов создания образов, их интерпретация и сравнение, а исследование конкретного геопозитического образа с точки зрения смыслов, которые он вызывает в творчестве шведского писателя как деятеля шведской культуры.

На сегодняшний день литературоведов больше интересуют «сакральные» пространства: топоры Урала¹, Дальнего Востока [1], Сибири [5], Алтая [5], [6], Крыма [12] и Русского Севера [9], [16]. Необходимость исторического, индивидуально-эмоционального осмысления образов регионов, как и востребованность геопозитического подхода, подтверждают исследования Е. Ш. Галимовой [4], О. Н. Александровой-Осокиной [1], [2], В. В. Абашева², И. Н. Ивановой [9], Н. Ф. Лищенко [12] и др. Вопросы геопозитики, то есть форм и приемов освоения географических пространств и представления образа Карелии в литературе, находятся в фокусе внимания петрозаводских исследователей: В. Н. Захарова [7], Н. Л. Шиловой [17], [18], Н. В. Патроевой [14], [15], М. В. Казаковой [11], Е. И. Марковой [13] и И. В. Зыковой [8]. В изучении образа Карелии исследовательскими доминантами являются современные концепции гео- и этнопоэтики [7], семантическая интерпретация карельских топонимов [8], значение и роль культурных памятников Карелии в литературе [17], [18], геопозитический образ региона в произведениях отечественных

авторов [14], [15], [17], в карелоязычной и финской литературе [11], в краеведческих учебниках [10].

В данной статье мы рассмотрим геопозитический образ Карелии, созданный в произведении шведской литературы. Такого рода анализ проводится впервые, что объясняется редким обращением шведских исследователей к образу карельской земли. Образ, представленный в поэме Х. Мартинсона, дает понимание не только того, как сам автор относился к Карелии, но также того, какие смыслы были важны в шведской рецепции образа региона.

* * *

В 1956 году в Швеции вышла в свет антиутопическая поэма «Аниара» («Aniara: en revy om människan i tid och rum»)³ лауреата Нобелевской премии Харри Мартинсона, в которой автор разместил «Песнь о Карелии» («Sång om Karelen»). Она располагается в заключительной части поэмы под номером 72. В отличие от многих других фрагментов «Аниары» она имеет название, что подчеркивает завершенность фрагмента и значение образа для понимания сюжета и подтекста произведения.

Образ Карелии многослоен, он создается с опорой на исторический, идейно-эмоциональный, духовный, природоведческий и культурологический смысл. Цель данной статьи заключается в изучении поэтического воплощения образа в поэме, в частности его различных смысловых составляющих.

Историческое содержание раскрывается через связь образа Карелии как с мировой историей, так и биографией Мартинсона. В 1934 году в Москве проходил Всесоюзный съезд писателей, на который Мартинсон прибыл в качестве иностранного гостя вместе с супругой писательницей Муа Мартинсон⁴. В отношении съезда литераторов Харри и Муа разойдутся во взглядах: Харри резко выскажется о советских писателях и насаждаемом в искусстве соцреализме⁵, Муа же займет противоположную, просоветскую, позицию. Отношение четы Мартинсон к происходящему в СССР может стать предметом отдельного исследования, наше же внимание обращено к другому факту: в одном из писем 1935 года Мартинсон прокомментирует свою поездку в СССР и упомянет о поездке в Карелию:

«Находясь в состоянии воодушевления, мы посетили Россию, загадочную страну. На какое-то время она нас поразила, но на обратном пути, проезжая Карелию, мы чуть не поубивали друг друга (перевод наш. – И. Р.)» [19: 88].

Вероятнее всего, маршрут Харри и Муа проходил по северной стороне Ладожского озера.

Этот путь Мартинсон позже, в 1948 году, воспроизведет в романе «Дорога в царство колоколов» («Vägen till klockrike»). В главе «Путешественник» он перечислит поселки Северного Приладожья: Корписелькя, Соанлахти, Суйстамо, Импилахти⁶.

При том что Мартинсон как минимум единожды бывал в Советской Карелии, у нас не вызывает сомнений, что именно Финская Карелия оставила глубокий след в его душе. Накаленные до предела отношения с супругой в конце 1930-х годов⁷ совпали с началом советско-финской («зимней») войны (1939–1940), на которую Мартинсон отправился в составе Шведского добровольческого корпуса. Он считал своим долгом выступить против войны, оккупации финской территории и распространения политического режима СССР в Европе. Финляндия фактически проиграла войну⁸ и, как результат, была вынуждена уступить Карелию. По данным Й. Стенстрёма, минимум 400 000 человек были эвакуированы из Карелии во время военных действий [20: 187]. Гражданское население мечтало вернуться в родные города, деревни и села по окончании войны, однако этим мечтам не суждено было сбыться.

Военные и политические события конца 1930-х – начала 1940-х годов потрясли Мартинсона настолько сильно, что он решил описать жизнь в Карелии до начала разрушительной войны в поэме «Аниара». Очевидно, замысел произведения автор вынашивал много лет, так как поэма вышла в свет только в 1956 году. Мартинсон выразил национальные, исторические, культурные ценности близкого шведам народа. Однако писал он поэму не от лица финского народа, а от лица всего человечества, потерявшего родную землю в результате ядерной войны.

Идейно-эмоциональное содержание выражается через описание Карелии как идиллического места. В образе Карелии Мартинсон создает упрощенную модель вселенной, где человек проживает долгую счастливую жизнь, находится в гармонии с самим собой и окружающей его природой. Автор воздействует на эстетические чувства читателя, чтобы напомнить, как раньше выглядел полный умиротворения, «духовный» мир.

Идиллическое восприятие образа Карелии подготавливается 71 песней поэмы «Космический матрос», в конце которой автор пишет:

«Меж бесов поживешь – и доброта
покажется диковинной страной,
где ценят плод за то, что он есть плод,
где счастье простоты поет кукушкой,
звенит в долине сердца» (Мартинсон: 135).

Идейно-эмоциональный подтекст переплетается с природоведческим и культурологическим смыслами. Природоведческое содержание позволяет прочувствовать связь с окружающим миром, увидеть эстетическую красоту и неповторимость карельской земли, сформировать ценностное отношение к региону. Карелия традиционно изображается краем с нордической природой: дикорастущими соснами и елями, густыми зарослями кустарников, множеством малых и крупных водоемов – рек, озер, болот. Такое видение подтверждают экспериментальные данные, полученные И. В. Зыковой в 2022 году. Ядро семантического поля топонима *Карелия* И. В. Зыкова определяет так: «красивая республика России, где много лесов, озер и богатая природа. Там растет карельская береза» [8: 73]. Представление Мартинсона о природе Карелии весьма необычно: в оригинале поэмы Карелия – это край не хвойных, а лиственных деревьев, преимущественно лип. В описании региона Мартинсон использует словосочетания: «*det susande Karelen*» (букв. ‘шелестящая / шуршащая Карелия’), «*lindornas Karelen*» (букв. ‘липовая Карелия’)⁹. В переводе «Аниары», выполненном И. Бочкаревой в 1984 году, Карелия описывается как место прозрачных вод и светлых лужаек. Несмотря на небольшой объем песни, всего три страницы, лексема *лужайка* используется в переводе трижды; встречается она также и в оригинальном тексте («*<...> vilkas lagar nu är döda / och vars ängar tiden brände*», где *ängar* – луга / лужайки) (Martinson: 166). Обращение к образу лужайки типично для всего творчества Мартинсона. К примеру, в романе «Дорога в царство колоколов» есть такие описания: «...сараяшки которой серели меж высоких елей на дальней стороне *залитой солнцем лужайки* (курсив наш. – И. Р.)»¹⁰. Лужайки играют важную роль в конструировании светлого образа региона – они притягивают свет. В представлении автора Карелия – «всех светлее среди светлых» (Martinson: 136). Для реализации данного образа автор многократно обращается к лексемам *блеск, блестит, свет, светлый*; в оригинале поэмы наблюдается варьирование семантических значений слова *блеск*: *en glimt* – луч, проблеск; *en skymt* – проблеск; *ett vattenglim* – блеск воды; *att ljusna* – светлеть / просветлеть, светать; *ljus* – светлый.

«Блеск Карелии, наверно, всех светлее среди светлых, блеску летних вод подобен, светлых вод среди деревьев, светлым вечером июня <...>» (Martinson: 136).

«Skönast ibland sköna glimtar syns dock skymten av Karelen, Som ett vattenglim bland träden, som ett ljusnat sommarvatten I den juniljusa tiden <...>» (Martinsson: 165).

Вся поэма строится на контрасте света и тьмы. Еще Ю. Вrede указывал на то, что воспоминания о Карелии, пребывании лирического героя в счастливом прошлом контрастируют со страданием «Аниары» в холодной вселенной [30]. Свет и тьма разграничивают два пространства в поэме: прошлое и настоящее. Темным, холодным представляется все космическое пространство, окружающее голдондер¹¹, светлым же – прежнее человеческое существование на Земле, в частности в Карелии.

Контраст светлого – темного, а также прошлого – настоящего подчеркнут композицией песни. В первой части лирический герой говорит о Карелии как о месте, в котором провел самые счастливые годы своей жизни:

«Сам сидел я молча, думал о Карелии прекрасной, где когда-то прежде жил я, где провел я время жизни, Тридцать зим провел с весною, двадцать девять лет провел я» (Мартинсон: 135).

Во второй – сетует на необратимый ход времени, ностальгически спрашивает себя, где же теперь находится все то, что было раньше. В оригинале поэмы герой задается вопросами: «*Var är min moder? Var är min flicka?*» («Где моя мама? Где моя девушка?») и сам же на них отвечает: «*I en bättre värld än denna*» («В лучшем мире») (Martinsson: 166). Мартинсон пытается запечатлеть облик Карелии как чистого места, еще не тронутого агонией войны и разрушений.

Употребление топонима *Карелия* в поэме Мартинсона связано не только с природоведческой, географической семантикой, но и культурной.

В своих воспоминаниях лирический герой воспроизводит образ Карелии как «живой»: здесь летние воды блестят, из трубы избышки идет дым, счастливая кукушка, «флейта леса», поет волшебную песнь (Мартинсон: 136). Поэтическая формула «кукушка велит красивой Айно из воды июньской выйти» свидетельствует о связи поэмы с карело-финским эпосом «Калевала»¹². Мартинсон отлично знал содержание напевов, даже использовал некоторые из них в своем творчестве. Связь с фольклорной традицией хорошо видна в оригинале песни, где Мартинсон не только использует язык рун, но и пишет: «*Lindan ser jag, skogen hör jag / djupt i runornas Karelen*» (букв. «Липу вижу я, лес я слышу / глубоко в *рунической* Карелии») (Martinson: 167). Создавая образ Карелии, Мартинсон отталкивался от фольклорной традиции, для автора Карелия – это не только топос, но и эпос.

Айно – одна из героинь «Калевалы» – находится в пограничной зоне между жизнью и смертью. В «Аниаре» Мартинсон дает ей возможность

вернуться из загробного мира в мир реальный. Сюжет «обмирания» он использует для того, чтобы продемонстрировать Айно другой, неизвестный мир и наглядно показать, что ждет ее по ту сторону жизни. Здесь важен образ кукушки, который автор использует для познания жизни через смерть. Как известно, кукушка находится на границе непримиримых сторон – жизни и смерти, она выполняет роль медиатора между своим и чужим мирами («Голос кукушки, – пишет Т. А. Голикова, – способен проникать сквозь границу, отделяющую мир мертвых от мира живых...» [6: 159]). У Мартинсона кукушка наделена способностью оживлять людей.

«Уж велит красивой Айно из воды июньской выйти и пойти на дым избушки, на счастливый зов кукушки по Карелии лесистой» (Мартинсон: 136).

Аниарцы, как и Айно, находятся в пограничной зоне: безвозвратно порвав с прошлым, уничтожив родную Землю, герои пытаются обрести новый дом по подобию сохранившейся в их памяти идеальной Карелии – мира с уникальной природой, историей, традициями, ценностями, особым отношением к жизни. Поиск нового дома оборачивается бесконечным полетом в космическую бездну. По ходу развития сюжета читатель видит, что Карелия все больше превращается в недостижимый *идеал*. Она же остается для них настоящим домом, но только на уровне воспоминаний.

«Путешествие Аниары, – отмечает А. Матвеевич, – можно воспринимать как своего рода “внутреннее”, духовное странствие»¹³. Карелия – это место, с которого начинается странствие души, но и место, которым оно должно закончиться. В представлении Мартинсона, в Карелии в частности и на Земле в целом нельзя допустить, чтобы человеческие грехи процветали. Любой грех должен быть осужден, за ним должно следовать наказание. Чтобы вернуться из цар-

ства тьмы в царство света, люди должны преобразиться в своих мыслях, поступках и желаниях.

«Если мучиться в молчанье,
если каяться безмолвно,
может, под вечер однажды
вспоминать я перестану,
странствия души окончу,
и очищен и свободен,
на Звезду Царей вернувшись,
полечу я, словно птица,
по Карелии лужаек» (Мартинсон: 137).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В «Аниаре» Мартинсон создал такой образ Карелии, который замыкает в себе представления о пространстве, истории, культуре и жизни. Образ несет в себе историческое (связь географического пространства с зимней войной), природоведческое (образ Карелии как место светлых лужаек, прозрачных вод, липовых деревьев; отсутствие типичного северного колорита), фольклорное (связь Карелии с «Калевалой»), идейно-эмоциональное (Карелия как идеал счастливой, идиллической, утопической жизни), духовное (Карелия как место душевного покоя) содержание. Все эти смысловые составляющие объединены мотивом утраты: утраты земли с ее уникальной природой, счастливой жизни, душевного покоя, дома и т. д. Мартинсон представляет Карелию то реально существующим краем в настоящем, то идиллическим воспоминанием из прошлого, то утопией будущего. В «Песни о Карелии» ярко ощущается эмоциональный посыл автора: Мартинсон сожалеет о том, что люди в силу своей бездуховности могут лишиться единственно важного для них пространства – Земли. С помощью данной поэмы и «Песни о Карелии» в частности он предупреждает человечество о необходимости духовного и нравственного прозрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопозитики: Учеб. пособие. Пермь, 2012. 140 с.

² Там же.

³ Мартинсон Х. Аниара // Избранное: Поэзия. Драматургия. Проза. М., 1984. С. 77–154. Далее в круглых скобках указывается фамилия автора и через двоеточие страницы.

⁴ Воспоминания об этом съезде он опишет в эссе, размещенном в книге «Смертельная действительность» (дословный перевод названия «Действительность до смерти»). Martinson H. Verklighet till döds. Stockholm: Bonnier, 2016. 216 p.; Мартинсон Х. Смертельная действительность // Новый мир. 2011. № 2. С. 138–145.

⁵ Увиденное в СССР произвело на поэта удручающее впечатление, он не мог понять, как такие талантливые советские писатели, как, например, М. Горький, «раболопно виляли хвостами перед Сталиным». Комментируя выступление Горького на съезде, он напишет: «Больной человек с выжженной душой в своем искреннем желании быть абсолютно логически лояльным к государству говорил вещи, противоречившие лучшим образцам его собственной писательской фантазии». Цит по: Мартинсон Х. Смертельная действительность // Новый мир. 2011. № 2. С. 139.

⁶ Мартинсон Х. «Дорога в царство колоколов» // Избранное: Поэзия. Драматургия. Проза. М., 1984. С. 395.

⁷ Харри и Муа разведутся в 1941 году.

- ⁸ Проигрыш Финляндии в войне нередко связывают с неудачами в сражении на Карельском перешейке – участке между Финским заливом и Ладогой.
- ⁹ Martinson H. *Aniara: en revy om människan i tid och rum*. Stockholm: Bonniers, 1956. 223 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litteraturbanken.se/f%C3%B6rfattare/MartinsonH/titlar/Aniara/etext> (дата обращения 12.04.2022). Далее в круглых скобках указывается фамилия автора и через двоеточие страницы.
- ¹⁰ Мартинсон Х. «Дорога в царство колоколов»... С. 416.
- ¹¹ Данным словом в поэме назван космический корабль.
- ¹² Kalevala / Svensk tolkning av Björn Collinder. Uddevalla, 1970. 367 p.
- ¹³ Мацевич А. Предисловие // Мартинсон Х. Избранное... С. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова-Осокина О. Н. Поэтическая топография Приамурья в поэзии Петра Комарова // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 4. С. 90–98.
2. Александрова-Осокина О. Н. Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216–241.
3. Анисимов К. В. У истоков сибирской темы в русской литературе XIX века: журнал Г. И. Спасского // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 3 (40). С. 65–72.
4. Галимова Е. Ш. Поэзия пространства: образы моря, реки, леса, болота, тундры и мотив пути в Северном тексте русской литературы. Архангельск, 2013. 128 с.
5. Геопоэтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков: Сб. науч. ст. Барнаул, 2017. 131 с.
6. Голикова Т. А. Алтайцы: словарь этнолингвокультуры. М.; Берлин, 2015. 346 с.
7. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 3. С. 7–19.
8. Зыкова И. В. Принцип поля при описании значения топонимов (на примере топонима *Карелия*) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 70–75.
9. Иванова И. Н., Сазонова А. С. Геопоэтика «новой северной прозы» в современной отечественной литературе // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 2. С. 70–73.
10. Илюха О. П. «Начало всех начал»: образ Карелии в учебниках по краеведению для младших школьников (конец XIX – начало XXI вв.) // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2021. Вып. 6. С. 285–297.
11. Казакова М. В. Поэтическая география в билингвальной лирике А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) 1990-х годов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12, № 4. С. 44–53.
12. Лищенко Н. Ф. Крымский текст русской литературы: топосы, мотивы, семиосфера // Вопросы русской литературы. 2016. № 29 (86). С. 206–215.
13. Маркова Е. И. Карельский текст как предмет изучения // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: Материалы Междунар. науч. конф. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 385–390.
14. Патроева Н. В. Карельские мотивы и фольклорные элементы в лирике Р. Рождественского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5 (150). С. 87–91.
15. Патроева Н. В. Образы Финляндии и Карелии в русской романтической лирике: формирование поэтической традиции и синтактика тропических контекстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 37–42.
16. Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Архангельск, 2017. Т. I. 410 с.
17. Шилова Н. Л. Кижский текст в русской литературе // Филология прошлого и будущего: по материалам Международной науч. конф. М., 2012. С. 391–395.
18. Шилова Н. Л. Остров Кизи и русская литература. Петрозаводск, 2018. Электронное издание.
19. Erfurth S. *Harry Martinsons 30-tal*. Stockholm: Bonniers, 1989. 256 p.
20. Stenström J. *Aniara. Från versepos till opera*. Malmö: Corona AB, 1994. 457 p.
21. Wrede J. *Sången om Aniara. Studier i Harry Martinsons tankevärld*. Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1965. 384 s.

Поступила в редакцию 22.04.2022; принята к публикации 16.01.2023

Original article

Irina V. Romanovskaya, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
romanovskaia.irina@gmail.com

THE IMAGE OF KARELIA IN HARRY MARTINSON'S POEM *ANIARA*

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the image of a region in terms of the implementation of the basic principle of geopoetics – the interaction between space and culture. The subject of the study was the image of Karelia fixed in the mind of a Swedish poet and the Nobel Prize winner Harry Martinson. Karelia is one of the regions

whose image is actively studied using the material of prose and poetry, which determines the relevance of the study. This article is included in a wide research field focused on interpreting the image of the region in the poetic and prose tradition of both domestic and foreign literature. Martinson's post-apocalyptic poem *Aniara* written in Sweden in 1956 was the source of the study. The article presents the image of Karelia based on the historical, natural, cultural, spiritual, and moral content, as well as the importance of the region in the life of society and the poet himself. The material outlined in the article demonstrates the attitude towards Karelia as an ideal, a holy place, a lost paradise. The interweaving of different levels of text interpretation leads to the conclusion that Martinson created his own individual version of the image of Karelia based on real observations of its nature, history, life, and culture.

Key words: geopoetics, imagery, Harry Martinson, *Aniara*, image of region, Karelia, "Song of Karelia", author's individual worldview

For citation: Romanovskaya, I. V. The image of Karelia in Harry Martinson's poem *Aniara*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):99–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.890

REFERENCES

1. Aleksandrova-Osokina, O. N. The poetic topography of the Amur region in the poetry of Peter Komarov. *Bulletin of Moscow Region State University*. 2019;4:90–98. (In Russ.)
2. Aleksandrova-Osokina, O. N. Issues of geopoetics in modern literary criticism. *Scientific Dialogue*. 2020;5:216–241. (In Russ.)
3. Anisimov, K. V. At the origins of the Siberian theme in Russian literature of the XIX century: journal of G. I. Spassky. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2004;3(40):65–72. (In Russ.)
4. Galimova, E. Sh. Poetry of space: images of sea, river, forest, swamp, tundra and the motif of the path in the northern texts of Russian literature. Arkhangelsk, 2013. 128 p. (In Russ.)
5. Geopoetics of Siberia and Altai in Russian literature of the XIX–XX centuries: Collected articles. Barnaul, 2017. 131 p. (In Russ.)
6. Golikova, T. A. The Altaians: dictionary of ethnolinguistic culture. Moscow; Berlin, 2015. 346 p. (In Russ.)
7. Zakharov, V. N. The idea of ethnopoetics in contemporary research. *The Problems of Historical Poetics*. 2020;18(3):7–19. (In Russ.)
8. Zyкова, I. V. Field principle for describing the meanings of toponyms (illustrated by the toponym Karelia). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):70–75. (In Russ.)
9. Ivanova, I. N., Sazonova, A. S. Geopoetics of "new northern prose" in the modern native literature. *Humanities and Law Studies*. 2015;2:70–73. (In Russ.)
10. Ilyukha, O. P. "The beginning of all beginnings": the image of Karelia in textbooks on local history for younger schoolchildren (late 19th – early 21st century). *Nordic and Baltic Studies Review*. 2021;6:285–297. (In Russ.)
11. Kazakova, M. V. Poetic geography in bilingual texts by A. I. Mishin (Oleg Mishin – Armas Hiiri) in the 1990s. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2018;12(4):44–53. (In Russ.)
12. Lishchenko, N. F. Crimean text of Russian literature: topoi, motifs, semiosphere. *Topics in the Study of Russian Literature*. 2016;29(86):206–215. (In Russ.)
13. Markova, E. I. Karelian text as a subject of study. N. P. Antsiferov. *Philology of the past and the future: Proceedings of the international research conference*. Moscow, 2012. P. 385–390. (In Russ.)
14. Patroeva, N. V. Karelian motives and folklore elements in R. Rozhdestvenskii lyrics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015;5(150):87–91. (In Russ.)
15. Patroeva, N. V. Images of Finland and Karelia in Russian romantic lyric poetry: formation of poetic tradition and syntax of trope contexts. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;5(182):37–42. (In Russ.)
16. Northern text as a logos form of being of the Russian North. Arkhangelsk, 2017. Vol. I. 410 p. (In Russ.)
17. Shilova, N. L. Kizhi text in Russian literature. *Philology of the past and the future: Proceedings of the international research conference*. Moscow, 2012. P. 391–395. (In Russ.)
18. Shilova, N. L. Kizhi Island and Russian literature. Petrozavodsk, 2018. (In Russ.)
19. Erfurth, S. Harry Martinsons 30-tal. Stockholm, 1989. 256 p.
20. Stenström, J. *Aniara. Från versepos till opera*. Malmö, 1994. 457 p.
21. Wrede, J. *Sången om Aniara. Studier i Harry Martinsons tankevärld*. Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1965. 384 s.

Received: 22 April 2022; accepted: 16 January 2023

АННА ЮРЬЕВНА НИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4230-5972; nilova@petrsu.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНА «ПОЭЗИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Впервые предпринимается попытка системного описания становления термина «поэзия» в отечественном литературоведении XVIII–XIX веков. В силу кажущейся очевидности его значение до сих пор не получило четкого определения. Впервые в отечественной литературной теории термин «поэзия» появляется в латиноязычной поэтике Феофана Прокоповича, который ориентируется на «Поэтику» Аристотеля и близко к оригиналу цитирует ее. Не давая четкого определения поэзии, Прокопович понимает под ней подражание при помощи речи. В критических и теоретических работах авторов-классицистов этот термин меняет свое значение, отождествляясь со стихотворной формой произведения. Несмотря на то влияние, которое теория европейского классицизма оказала на «Словарь...» Н. Остолопова, его автор возвращается к концепции Аристотеля и отмечает неравнозначность терминов «поэзия» и «стихи». Однозначно о поэзии как о подражательном искусстве независимо от формы говорит только В. Г. Белинский в работе «Разделение поэзии на роды и виды».

К л ю ч е в ы е с л о в а : Аристотель, «Поэтика», поэзия, стихосложение, Феофан Прокопович, Тредиаковский, Кантемир, Глаголев, Остолопов, Шевырев, Белинский

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00423.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Нилова А. Ю. Становление термина «поэзия» в отечественном литературоведении XVIII – первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 105–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.891

ВВЕДЕНИЕ

Основным источником терминологии современной теории литературы стала «Поэтика» Аристотеля. Как отмечает В. Н. Захаров, «поэтика Аристотеля во многом предопределила тезаурус и круг проблем традиционного литературоведения» [5: 3]. Однако «Поэтика» – это и одно из самых сложных произведений Аристотеля. И дело здесь не только в «сборном характере текста трактата» [8: 461], указания на который стали общим местом большинства работ, посвященных этому сочинению, а в самой концепции искусства у Стагирита. По мнению А. Ф. Лосева, динамический, становящийся, а потому и противоречивый характер теории Аристотеля отражал становящийся характер жизни, которую искусство миметически отражает:

«Дело заключается в том, что в сфере чистого разума мыслится не только чистое бытие, но и внутри-разумное становление, которое, являясь в основе бытием динамическим (потенциальным), переходит в бытие энергийное и завершается выразительной энтелехийной сфе-

рой. Аристотель здесь иной раз попросту говорит о сфере искусства как о сфере чистой возможности» [8: 396].

Греческий философ не дает используемым им в «Поэтике» терминам и понятиям четкого, раз и навсегда зафиксированного определения, поскольку любая категория так же изменчива и подвижна, как сама жизнь.

Одним из таких оставшихся без определения терминов является термин «поэзия», значение которого, с одной стороны, воспринимается как очевидное, а с другой – до сих пор не имеет четкого определения. «Толковый словарь русского языка» определяет поэзию как

«1. Словесное художественное произведение, **преимущественно** (здесь и далее выделение жирным шрифтом наше. – А. Н.), стихотворное. Стихи, произведения, написанные стихами»¹.

Схожее определение термину «поэзия» дается в «Поэтическом словаре»:

«ПОЭЗИЯ (греч. ποιησις, от ποιέω – делаю, создаю, творю) – 1) в расширительном значении – литературно-

художественные произведения в стихах или прозе. 2) В настоящее время употребляется в более узком понимании: П. – это стихотворные художественные произведения, в отличие от художественной прозы» [6].

Н. Ю. Алексеева, касаясь интерпретации рассматриваемого термина Тредиаковским, говорит об «органичном для русской мысли и речи» значении понятия и термина «поэзия» [1: 564], но не уточняет, какое именно значение является органичным. И. А. Перельмутер анализирует сравнение в аристотелевой «Риторике» стихотворной и прозаической речи и пишет о «четком разграничении между стилем поэзии и стилем прозы» в сочинениях Аристотеля, отождествляя поэзию и прозу [9: 181]. У самого же греческого философа такого однозначного отождествления нет. Целью предлагаемой статьи является описание динамики значения термина «поэзия» в отечественном литературоведении XVIII – начала XIX века.

В «Поэтике» Аристотель так описывает предмет своего сочинения:

«Эпическая и трагическая поэзия, а также комедия и поэзия дифирамбическая, большая часть авлетики и кифаристики, – все это искусства подражательные; различаются они друг от друга в трех отношениях: или тем, в чем совершается подражание, или тем, чему подражают, или тем, как подражают, – что не всегда одинаково. <...> Подражание происходит в ритме, слове и гармонии, отдельно или вместе... <...> а то искусство, которое пользуется только словами без размера или с метром, притом либо смешивая несколько размеров друг с другом, либо употребляя один какой-нибудь из них, до сих пор остается <без определения>» [2: 40–41].

В другом фрагменте читаем:

«...людей, связывающих понятие “творить” с метром, называют одних – элегиками, других эпиками, величая их поэтами не по сущности подражания, а вообще по метру. И если издадут написанный метром какой-нибудь трактат по медицине или физике, то они обыкновенно называют его автора поэтом, а между тем у Гомера и Эмпедокла нет ничего общего, кроме метра, почему первого справедливо называть поэтом, а второго скорее физиологом, чем поэтом. Равным образом, если бы кто-нибудь издал сочинение, соединяя в нем все размеры, подобно тому как Херемон создал “Кентавра”, рапсодию, смешанную из всяких метров, то и <его> приходится называть поэтом» [2: 41].

В конце второй главы, говоря о людях, которым подражают поэты, Аристотель уравнивает стихотворную и прозаическую речь.

«Станным образом, – пишет А. Ф. Лосев, – искусство слова трактуется либо как прозаическое, либо как стихотворное, а от общего наименования отдельных жанров этого искусства

Аристотель резко отказывается» [8: 422]. В целом же Аристотель понимает поэтическое искусство как изображение того, что могло бы случиться «по вероятности или необходимости». Именно этим, а не видом речи (поэтической или прозаической) поэтическое искусство отличается от риторики, которую Аристотель определяет как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [2: 89].

Как отмечает А. С. Курилов,

«на русском языке ни в XVII, ни в первой трети XVIII века не было создано ни одной национальной поэтики. Все вопросы, касающиеся стиховедения (исключая переиздания “Грамматики” Смотрицкого), а затем и поэтического искусства вообще, получали в то время свое отражение в курсах, прочитанных или написанных преимущественно на латинском языке» [7: 54].

Курс «О пиитическом или стихотворном искусстве» братья Лихуды прочитали в Славяно-греко-латинской академии на греческом языке, его основным содержанием были метрика и стихосложение. И хотя в пределах своего курса Лихуды практически не давали сведений о родах и видах поэтического искусства, они впервые в отечественной практике вывели пиитику «из состава грамматики в самостоятельную область филологии» [7: 54].

Важным этапом в становлении термина «поэзия» в русской литературно-критической мысли являются труды Федора Поликарпова (ок. 1670–1731) «Алфавитарь рекше Букварь славенскими, греческими, римскими письмены учитьсися хотящим, и любомудрие, в пользу душеспасительную, обрести тщащимся» (Москва, 1701 г.) и «Лексикон трезычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из разных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чинах разположенное» (Москва, 1704 г.). В отличие от современных им поэтик и риторик они были написаны на русском языке. В «Букваре...» он использует термин «пиитика», понимая под ним, вслед за школьными пиитиками предшествующего периода, обучение стихосложению. В «Лексиконе...» в качестве синонима к пиитике употребляет термин «поэтика» и понимает под ними «стихотворную науку» [7: 60]. При всей прогрессивности терминологии Федора Поликарпова в обоих случаях он говорит именно о стихотворной форме произведений.

Завершает эпоху отечественных латиноязычных поэтик грандиозное по объему и значимости сочинение Феофана Прокоповича «De arte poetica», написанное для курса, который он прочитал в Киево-Могилянской академии

в 1705 году. Слово *poeseos* (поэзия) Феофан Прокопович возводит к греческому слову *poiein* (творить, сочинять):

«...nomen poetae, poematis & poeseos derivatum est a voce Graeca poiein, quae significat facere vel fingere: unde & poeta, si usus obtinisset, recte dici posset factor, fictor vel imitator fingere enim vel effingere est imitari rem illam, cuius, simulacrum & similitudo effigitur, unde & imago effigies dicitur»² («...слово поэт, поэма и поэзия произведено от греческого слова *poiein*, что означает “творить” или “сочинять”, отсюда и поэт, если бы это было в обычае, правильно можно было бы называть “творцом”, “сочинителем” или “подражателем”» (пер. Г. А. Стратановского)³.

Природу поэзии он определяет следующим образом:

«...historiae enim simpliciter res gestas enarrant, nec effigendo eas imitantur: dialogistae vero imitantur quidem & effingunt, sed soluta oratione non metro id faciunt. Poeta vero, cui & factoris & fictoris nomen est, **carmina** facere, res fingere, id est, efficta canere debet»⁴.

Г. Стратановский переводит слово *carmen* как стихи:

«...история ведь просто повествует о подвигах и не воспроизводит их посредством изображения. Диалогисты же воспроизводят и изображают, но делают это не стихами, а в прозаической речи. Поэт же, имя которому “творец” и “сочинитель”, должен слагать **стихи**, придумывать содержание, т. е. воспевать вымышленное»⁵.

Такой перевод, в целом верный, не учитывает все оттенки значения слова *carmen*, которое обозначает не столько метрически организованную речь (как русское слово «стихи»), сколько речь, отличную от обычной (ср. «*carminibus solvere mentes*» у Вергилия или «*lex horrendi carminis erat*» у Тита Ливия). Определяя предмет поэзии, Феофан Прокопович пишет:

«...ejus materiam esse maxime propriam & accommodatam, actiones hominum ligata oratione effingendas» («...ее предмет наиболее подходит изображению людских действий связанной речью»⁶).

Г. Стратановский переводит выражение «*ligata oratione*» как «стихотворная речь»⁷, что несколько искажает содержание фрагмента и придает ему отсутствующее однозначное толкование. Слово *versum* (стихи как метрически организованный текст) Феофан Прокопович использует в III главе первой книги при описании поэтического вымысла. Ссылаясь на Аристотеля, он пишет:

«Unde Aristoteles comparando Homerum, qui cum idonea fictione pertractavit proelia & errores Ulyssis, cum Empedocle, qui libros de rerum natura **versibus** conscripsit, sic de eis pronuntiat: Homero & Empedocli nihil commune est praeter metrum, quapropter illum quidem poetam, justum est nominare, hunc vero physiologum non poetam»⁸ («На

этом основании Аристотель, сравнивая Гомера (который с подходящим вымыслом описал битвы и скитания Улисса) с Эмпедоклом, который в **стихах** написал книги о природе, так высказался о них: у Гомера нет ничего общего с Эмпедоклом, кроме стихотворного размера, – поэтому первого справедливо называть поэтом, последнего же – физиологом, а не поэтом»⁹).

Здесь Феофан Прокопович однозначно говорит о метрически организованной речи, но вслед за Аристотелем (которого, заметим, очень точно пересказывает) указывает, что метр не является отличительным признаком поэзии. Продолжая рассуждение о поэтическом вымысле, Прокопович снова обращается к авторитету греческого философа и очень близко к оригиналу излагает содержание «Поэтики»:

«Et rursus ait: licet Herodoti scripta ad metrum redigantur, manebit tamen historia, ut prius, non poema. Dicit hoc philosophus, ut refellat multorum errorem, qui solam versificationem putant sufficere ad poetae officium: historia enim, cui lex imponitur & res vere gestas & eo modo, quo gestae sunt, describere, caret licentia fingendi verisimilia. Quapropter etiam versu descripta manebit historia non poema. Per fictionem vero seu imitationem intellige non solum contextum fabularum, sed totam eam scribendi rationem, qua actiones humanae, tametsi verae sint, verisimiliter tamen effinguntur»¹⁰ («И далее Аристотель говорит: если сочинения Геродота переложить стихами, то получится, как и прежде, история, а не поэма. Философ этими словами хотел опровергнуть заблуждение многих людей, которые полагают, что одной лишь способности слагать стихи достаточно для того, чтобы быть поэтом. Ведь история, подчиненная закону описывать подлинные события и то, как они совершались, лишена вольности измышлять правдоподобное. Поэтому, даже написанная стихами, она останется историей, а не поэмой. Под поэтическим же вымыслом, или подражанием, следует понимать не только сплетение фабул, но и все те приемы описания, которыми человеческие действия, хотя бы и подлинные, изображаются, однако, правдоподобно»¹¹).

Феофан Прокопович соглашается с Аристотелем в том, что специфической сущностной особенностью поэзии является не метрически организованная речь, а вымысел и подражание. Что же касается слова *versum*, то Прокопович использует его, когда говорит конкретно о стихотворной форме, а не о поэзии. Приведем некоторые примеры употребления этого слова: «*Ovidianos versus aliquot*»¹² (некоторые стихи Овидия), «*de versu hexametro recte construendo*»¹³ (путем правильного построения гекзаметрического стиха), «*invenitur ejusmodi versus apud Horatium*»¹⁴ (подобный стих есть у Горация) и пр. Показательно употребление слова *versum* при описании стилистических упражнений:

«Alterum exercendi styli genus est non absimile priori, aequale utile & magis jucundum: videlicet, scriptum alicujus

auctoris alio metri genere, vel alio idiomate, vel fusius id, quod ille breviter, aut contra efferre, aut solutam alius orationem **versu** exponere»¹⁵ («Второй вид стилистического упражнения очень похож на первый, равно полезен и еще более приятен, а именно: он состоит в том, чтобы передать произведение какого-нибудь писателя другим размером, или на другом языке, или выразить более подробно то, что у него дано кратко или – наоборот, или же, наконец, прозаическую речь другого переложить в **стихи**»¹⁶).

Далее он как совершенно равнозначные с точки зрения поэтического искусства приводит прозаическое описание разрушенных городов в письме Сервия Сульпиция к Цицерону и стихотворное в поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Метр у Феофана Прокоповича относится к сфере стилистики, а не к природе поэтического искусства.

Большое значение в развитии отечественной литературоведческой терминологии принадлежит А. Д. Кантемиру. В комментариях к переводу «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля он останавливается и на интересующей нас проблеме. Комментируя роман «Принцесса Клевская» М.-М. де Лафайет, который упоминается у Фонтенеля, Кантемир так описывает его жанр:

«...есть подъ симъ титуломъ французской романсъ, которой содержитъ вымышленную повѣсть о принцессѣ де Клевъ. Есть же романсъ баснь, въ которой описуется острыми выдумками какое любовное дѣло по правиламъ эпическаго стихотворенія, для забавы и наставленія читателей. Эпическое стихотвореніе есть повѣсть художновымышленная къ исправленію нравовъ, чрезъ наставленій прикрытіе подъ приуподобленіями какого важнаго дѣйства, описанного стихами, такимъ образомъ, что истинѣ казалось подобно и было не меньше забавно, чѣмъ удивительно»¹⁷.

Кантемир сравнивает роман (романс) с басней, повестью и эпическим стихотворением и указывает на то, что он содержит вымысел. По мнению А. С. Курилова, именно наличием вымысла роман в этом определении отличается от повести, которая в сознании читателей еще прочно ассоциировалась с древнерусским жанром, содержащим описание реальных событий (ср. Повесть временных лет) [7: 94–95]. Однако вымысел должен казаться подобным истине, то есть Кантемир вслед за Аристотелем пишет о вымысле и правдоподобии как специфических чертах поэтического искусства. Кантемир указывает, что роман создается по правилам эпического стихотворения, которое, в свою очередь, пишется стихами, однако о стихотворной форме как обязательном признаке романа он не говорит. Помещая прозаический жанр в один ряд со стихотворными произведениями и определяя его через сравнение

с ними, Кантемир выводит стихотворную форму за пределы поэзии и поэтического искусства. Однако эти термины не употребляются, речь идет либо о конкретных жанрах, либо о стихотворстве, стихе и стихотворении.

Термины «поэзия», «стихотворство», «стихотворение» впервые четко разделил В. Тредиаковский в статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще»:

«...многие, пишучи первоначально о поэзии, иногда сливали ее со стихами. Наш язык весьма сему подвержен, когда поэзию называют стихотворением, хотя, впрочем, прямое понятие о поэзии есть не то, чтоб стихами составлять, но чтоб творить, вымышлять и подражать. Творение есть расположение вещей после оных избрания; вымышление есть изобретение возможностей, то есть не такое представление деяний, каковы они сами в себе, но как они могут быть или должныствуют; а подражание есть следование во всем естеству описанием вещей и дел по вероятности и подобию правде. Всяк видит, что стих есть не то; творение, вымышление и подражание есть душа и жизнь поэмы, но стих есть язык оныя. Поэзия есть внутреннее в тех трех, а стих токмо наружное»¹⁸.

Далее Тредиаковский приводит уже упоминавшееся аристотелево сравнение историка с питом. Н. Ю. Алексеева высказала предположение, что именно в этой статье впервые слово «поэзия» было употреблено Тредиаковским «в современном смысле» [1: 563]. Правда, исследователь не уточняет, какое именно из современных значений она имеет в виду. В анализируемой статье Тредиаковский разводит понятия «поэзия» и «стихи», «стихотворение» как вид искусства и его «язык», форму, однако позднее, по наблюдению Н. Ю. Алексеевой, отождествляет понятия «поэзия» и «стихотворение» [1: 563]. В статье 1755 года «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» Тредиаковский вслед за Аристотелем определяет поэзию как подражание, но однозначно и последовательно использует понятия «поэзия», «стихи», «стихосложение» как синонимические. Характеризуя дальнейшее функционирование термина «поэзия» в отечественном литературоведении, Н. Ю. Алексеева пишет:

«Только к 1790-м годам понятие поэзия, а вместе с ним и термин, становятся наконец органичными для русской мысли и речи. Таким образом, предложенное Тредиаковским учение о божественной природе поэзии, не оказав, по-видимому, прямого влияния на современников, предопределило понимание поэзии в литературе сентиментализма и романтизма» [1: 564].

Однако, как кажется, процесс усвоения отечественной литературоведческой мыслью термина «поэзия» был несколько сложнее. Сумаро-

ков использует слово «поэзия» в стихотворении «О худых рифмоторцах». Название заставляет ожидать отождествления поэзии и стихов, однако автор наравне с Расином, Мольером, Тассо упоминает Вольтера и Дидро, характеризуя с точки зрения критериев истинной поэзии не только стихотворные, но и прозаические произведения. В стихотворении «Учитель поэзии» Сумароков однозначно отождествляет поэзию и стихотворство. Подобное же отождествление мы находим и в статье «О стопосложении». Вероятно, вопрос об объеме и содержании терминов «поэзия» и «стихи» не был предметом специальной теоретической рефлексии Сумарокова.

Примером понимания в начале XIX века терминов «поэзия» и близких к нему «стихи», «стихотворство» может послужить перевод 25-й главы аристотелевой поэтики, выполненный А. Г. Глаголевым и опубликованный в ч. 16 за 1819 год «Трудов Общества любителей российской словесности при Московском университете». Переводчик последовательно использует термин «поэзия» как в самом тексте перевода, так и в примечаниях. Он соглашается с Аристотелем и Платоном, высказывания которого приводит для сравнения и прояснения теории Стагирита, в том, что поэзия есть подражание. Однако Глаголев также последовательно называет поэта стихотворцем, как в основном тексте, так и в примечаниях. Например, фразу Аристотеля «Ἐπεὶ γὰρ ἐστὶ μιμητὴς ὁ ποιητὴς ὡς περ αὖτε ζωγράφος ἢ τις ἄλλος εἰκονοποιός» (Поэт есть подражатель, так же как и живописец) он переводит следующим образом: «Поелику стихотворецъ есть подражатель, также какъ и Живописецъ»¹⁹. В сноске к первому предложению своего перевода Глаголев пишет: «Аристотель говорить здѣсь, что Стихотворецъ должен заимствовать предметы своего подражания или изъ міра существующаго <...> или изъ міра Историческаго...»²⁰. Для него стихотворство, так же как и поэзия, является подражанием, и понятия «поэзия», «стихи», «стихотворство» он использует как синонимы. Следует отметить, что в ч. 8 за 1817 год в этом журнале опубликовано письмо Саларѣва «Нѣкоторые замѣчанія о критикѣ», в котором автор использует термин «поэзия», говоря о литературе вообще²¹. Следовательно, во второй половине 1810-х годов термины «поэзия», «стихи», «стихотворение» не были кодифицированы.

Наиболее четко проблему соотношения терминов «поэзия» и «стихи», «стихотворство» поставил Н. Ф. Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии». Поэзию он определяет следующим образом:

«Поэзія есть вымысль, основанный на подражаніи природѣ изящной и выраженный словами, расположенными по извѣстному размѣру – такъ какъ проза или краснорѣчіе есть изображеніе самой природы рѣчью свободною»²².

Автор словаря относит прозу к сфере риторики, оставляя поэзии слова, «расположенные по известному размеру», то есть в качестве обязательного признака поэзии называет стихотворную форму. Однако он понимает сложность такой дифференциации и знаком с мнением Аристотеля о том, «что проза и стихи не отличаются историка отъ поэта: хотя бы вы переложили <...> всѣ Иридотovy сочиненія въ стихи, не вышло бы изъ нихъ ни одной поэмы»²³. Также он хорошо понимает, что может быть как вымысел в прозе (романе), так и описание реальных событий в стихах (исторические и дидактические поэмы), вопрос же художественного обобщения, типизации перед Остолоповым в данном случае, вероятно, не стоит:

«...мы встрѣчаемъ вымыслы піитическіе, представленные въ простой одеждѣ прозы, каковы суть романы и все писанное въ ихъ родѣ; встрѣчаемъ также предметы истинные, кои бывають украшены всѣми прелестями поэзіи таковы поэмы историческія и дидактическія. Но сіи вымыслы въ прозѣ и сіи повѣствованія или поученія въ стихахъ не заключаютъ въ себѣ ни настоящей прозы, ни настоящей поэзіи; это смѣсь двухъ различныхъ сущностей, это суть изключенія изъ общаго правила, не могущія опровергнуть показаннаго здѣсь опредѣленія поэзіи»²⁴.

Пытаясь решить возникшую проблему, Остолопов ссылается на мнения авторитетных европейских теоретиков (Maggio, Бате, Буттверка, Блера) о сути поэзии, отмечает попытки полностью свести поэзию исключительно к стихотворству, независимо от содержания, и в результате утверждает, что «сущность поэзіи состоитъ въ вымыслѣ или творчествѣ, подражающемъ изящной природѣ»²⁵, понимая под стихотворной формой «необходимое для совершеннаго изображенія предметовъ средство»²⁶.

Совершенно иной подход к пониманию сущности поэзии лежит в основе работы С. П. Шевырева «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов» 1836 года. Ее автор без возражений принимает атрибуцию Жаном Полем Рихтером романа как поэтического жанра. Более того, Шевырев называет новым и самым удовлетворительным воззрением на роман разделение немецким теоретиком этого жанра на роман эпический, драматический и лирический²⁷.

Теория Рихтера оказала существенное влияние на концепцию поэзии В. Г. Белинского.

В работе «Разделение поэзии на роды и виды» критик называет поэзию высшим родом искусства [3: 294].

«Поэзия выражается в свободном человеческом слове, которое есть и звук, и картина, и определенное, ясно выговоренное представление. Посему поэзия заключает в себе все элементы других искусств, как бы пользуется вдруг и нераздельно всеми средствами, которые даны порознь каждому из прочих искусств. Поэзия представляет собою всю целостность искусства, всю его организацию и, объемля собою все его стороны, заключает в себе ясно и определенно все его различия» [3: 296].

При таком определении поэзии вопрос о поэтической и прозаической форме поэзии не возникает, поэтому Белинский, как и Жан Поль Рихтер, относит к эпической поэзии роман, который полностью соответствует пониманию поэзии как синтезирующего искусства. Поэтическая теория В. Г. Белинского завершила развитие понятия «поэзия» в отечественном литературоведении XVIII – первой половины XIX века,

закрепив за ним определение вида искусства, а не его формы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Термин «поэзия», один из основных терминов современной литературной теории, в силу своей кажущейся очевидности не получил до сих пор однозначного толкования. Под ним понимается и вид искусства, и его форма. На протяжении XVIII – первой половины XIX века интерпретация этого термина претерпевает заметную динамику. Если в сочинениях Ф. Прокоповича, А. Кантемира и ранних статьях В. Тредиаковского поэзия и стихотворство / стихотворная речь не отождествлялись прямо и однозначно, то к началу XIX века эти термины начинают все чаще восприниматься как синонимичные. Однако в работах С. П. Шевырева и В. Г. Белинского, написанных под влиянием эстетики немецкого предромантизма, термин «поэзия» закрепляется за видом искусства в соответствии с этимологией этого слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 576.
- ² Прокопович Ф. *De arte poetica* // Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 237.
- ³ Прокопович Ф. О поэтическом искусстве / Пер. Г. А. Стратановского под ред. А. Н. Егунова // Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 346.
- ⁴ Прокопович Ф. *De arte poetica* // Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 237.
- ⁵ Прокопович Ф. О поэтическом искусстве... С. 346.
- ⁶ Прокопович Ф. *De arte poetica*... С. 238.
- ⁷ Прокопович Ф. О поэтическом искусстве... С. 346–347.
- ⁸ Прокопович Ф. *De arte poetica*... С. 238.
- ⁹ Прокопович Ф. О поэтическом искусстве... С. 347–348.
- ¹⁰ Прокопович Ф. *De arte poetica*... С. 238–239.
- ¹¹ Прокопович Ф. О поэтическом искусстве... С. 347–348.
- ¹² Прокопович Ф. *De arte poetica*... С. 245.
- ¹³ Там же. С. 278.
- ¹⁴ Там же. С. 279.
- ¹⁵ Там же. С. 244.
- ¹⁶ Там же. С. 353.
- ¹⁷ Кантемир А. Д. Разговоры о множествѣ міровъ (Отрывокъ перевода) // Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира: В 2 т. СПб., 1868. Т. 2. С. 395.
- ¹⁸ Тредиаковский В. К. Мнение о начале поэзии и стихов вообще // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб.: Наука, 2009. С. 100.
- ¹⁹ Глаголев А. Г. Изъ Аристотелевой піитики // Труды Общества любителей російской словесности при Императорскомъ Московскомъ университете. 1819. Ч. 16. С. 160.
- ²⁰ Там же. С. 160–161.
- ²¹ Саларевъ С. Некотрые замечанія о критике // Труды Общества любителей російской словесности при Императорскомъ Московскомъ университете. 1817. Ч. 8. С. 58–66.
- ²² Остолоповъ Н. Словарь древней и новой поэзіи. СПб., 1821. Ч. 2. С. 400.
- ²³ Там же. С. 402.
- ²⁴ Остолоповъ Н. Словарь древней и новой поэзіи... С. 400–401.
- ²⁵ Там же. С. 403.
- ²⁶ Там же. С. 404.
- ²⁷ Шевыревъ С. П. Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. СПб.: Типографія Императорской академіи наукъ, 1887. С. 255.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Н. Ю. Комментарии // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб.: Наука, 2009. С. 501–654.
2. Аристотель. Об искусстве поэзии / Пер. В. Г. Апеллерота. М.: ГИХЛ, 1957. 183 с.
3. Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой // Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука-классика, 2000. С. 81–345.
4. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 3. С. 294–350.
5. Захаров В. Н. Историческая поэтика и ее категории // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 3–9.
6. Квятковский А. П. Поэзия // Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 221.
7. Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII века. М.: Наука, 1981. 264 с.
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.
9. Перельмутер И. А. Аристотель // История лингвистических учений. Древний мир / Отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1980. С. 156–180.

Поступила в редакцию 27.01.2023; принята к публикации 27.02.2023

Original article

Anna Yu. Nilova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4230-5972; nilova@petrsu.ru

**FORMATION OF THE TERM “POETRY” IN RUSSIAN LITERARY STUDIES
OF THE XVIII CENTURY AND THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

Abstract. The article is the first attempt to systematically describe the formation of the term “poetry” in Russian literary studies of the XVIII century and the first half of the XIX century. Its meaning seems obvious, this is why it has not been clearly defined so far. In Russian literary studies, the term “poetry” first appeared in the Latin-language poetics of Feofan Prokopovich, who focuses on Aristotle’s *Poetics* and quotes it close to the original. Without giving a clear definition of this term, Prokopovich understands poetry as imitation through speech. In the critical and theoretical words of the classicist this term changes its meaning, being identified with the poetic form of literary works. Despite the impact that the theory of European classicism had on his dictionary, Nikolay Ostolopov returns to Aristotle’s conceptual idea and says that the terms “poetry” and “verses” are not equivalent to each other. Vissarion Belinsky’s article “The Division of Poetry into Genres and Forms” is the only work that unequivocally defines poetry as an imitative art regardless of its form.

Key words: Aristotle, Poetics, poetry, versification, Feofan Prokopovich, Trediakovsky, Kantemir, Glagolev, Ostolopov, Shevyrev, Belinsky

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00423).

For citation: Nilova, A. Yu. Formation of the term “poetry” in Russian literary studies of the XVIII century and the first half of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023; 45(3): 105–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.891

REFERENCES

1. Alekseeva, N. Yu. Commentary. *Trediakovsky, V. K. Works and translations both in verse and prose*. St. Petersburg, 2009. P. 501–654. (In Russ.)
2. Aristotle. On the art of poetry. Moscow, 1957. 183 p. (In Russ.)
3. Aristotle. Rhetoric. *Aristotle. Poetics. Rhetoric*. St. Petersburg, 2000. P. 81–345. (In Russ.)
4. Belinsky, V. G. The division of poetry into genres and forms. *Belinsky, V. G. Collected works: in 9 vols*. Moscow, 1978. Vol. 3. P. 294–350. (In Russ.)
5. Zakharov, V. N. Historical poetics and its category. *The Problems of Historical Poetics*. 1992; 2: 3–9. (In Russ.)
6. Kvyatkovsky, A. P. Poetry. *Kvyatkovsky, A. P. Poetic dictionary*. Moscow, 1966. P. 221. (In Russ.)
7. Kurilov, A. S. Literary studies in eighteenth-century Russia. Moscow, 1981. 264 p. (In Russ.)
8. Losev, A. F. History of ancient aesthetics. Aristotle and the late classics. Moscow, 1975. 776 p. (In Russ.)
9. Perelmuter, I. A. Aristotle. *History of linguistic teachings. Ancient world*. Leningrad, 1980. P. 156–180. (In Russ.)

Received: 27 January 2023; accepted: 27 February 2023

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА СМЕРНОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5225-8543; burlana@mail.ru

Рец. на кн.: Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Н. А. Самойлова. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 432 с.

Для цитирования: Смирнова Н. В. Рец. на кн.: Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Н. А. Самойлова. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 432 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 112–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.892

В 2022 году в московском издательстве «Весь Мир» вышла коллективная монография «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии» под редакцией профессора Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, директора Центра изучения Китая СПбГУ Н. А. Самойлова. Монография подготовлена коллективом авторов СПбГУ (доцент кафедры английского языка в сфере востоковедения и африканистики Е. Г. Андреева, доцент кафедры корееведения А. А. Гурьева, преподаватель кафедры истории стран Дальнего Востока Е. В. Ланькова, доцент кафедры китайской филологии Д. И. Маяцкий, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Н. А. Самойлов, преподаватель кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки А. М. Харитонов) и Института восточных рукописей РАН (старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока В. В. Щепкин). Актуальность издания состоит в том, что в нем

«впервые было проведено изучение образа великого русского императора в историографии, учебной, публицистической, сетевой и художественной литературе, а также в некоторых сферах искусства стран Восточноазиатского культурного ареала – Китая, Японии, Кореи и Вьетнама» (с. 11).

Н. А. Самойлов справедливо отмечает, что в этих странах фигура Петра Великого как одного из виднейших государственных деятелей в российской и мировой истории стала неотъемлемой и очень важной частью образа России и воспринимается через призму собственного национального самосознания и традиционной культуры, идеологии и истории каждой из этих стран. В Предисловии он акцентирует внимание на следующем:

«В Китае, Японии, Корее и во Вьетнаме Петр I стал одним из наиболее популярных и узнаваемых зарубеж-

ных исторических персонажей. Ему посвящены разделы в школьных учебниках, его образ присутствует в художественных произведениях, фильмах и даже комиксах, его реформы и черты характера обсуждают на интернет-сайтах» (с. 10).

Н. А. Самойлов отмечает, что преобразования, проводившиеся Петром Великим в России, в дальнейшем стали своеобразным эталоном и образцом для подражания в Китае, Японии и Корее; выделяет влияние многогранной деятельности Петра на установление постоянных политических, торговых, научных и культурных контактов России с Китаем и Японией; обращает внимание, что российский государь положил начало зарождению и становлению в России востоковедения как отдельного научного направления:

«С именем Петра I связывают начало изучения и преподавания языков Восточной Азии в России (царский указ 1700 г.). При нем был учрежден институт Российских духовных миссий в Пекине, и ученики, прикомандированные к этим миссиям, в дальнейшем стали видными учеными-востоковедами, трудившимися в самых различных сферах, включая основанную Петром Великим Российскую Академию наук» (с. 9).

Первые две главы (автор – Н. А. Самойлов) посвящены внешнеполитической деятельности Петра Великого на восточноазиатском направлении и вкладу русского императора в процесс социокультурного взаимодействия России со странами Дальнего Востока. Исследуется история установления договорно-правовых отношений между Русским государством и Цинской империей и заключения 27 августа (6 сентября) 1689 года Нерчинского договора; анализируется политика Петра в отношении Китая, в том числе и сложность выполнения «унизительной и нарушающей нормы европейского дипломатического этикета» (с. 21) церемонии коутоу русскими дипломатами Избрантом Идесом, Лоренцом Лан-

гом и Львом Измайловым в Цинской империи. При Петре I и при его личном участии на основе уникальных книжных собраний начала создаваться источниковая база отечественного китаеведения. Петровская эпоха не только сделала Россию и россиян более осведомленными о Китае, она пробудила интерес к России и ее культуре в империи Цин, где в 1708 году была основана первая школа русского языка.

В Петровскую эпоху был заложен фундамент отечественного японоведения и положено начало преподаванию японского языка в России. Русские впервые всерьез заинтересовались странами Восточной Азии, но восприятие в России этих стран происходило не только напрямую, но и через посредство Запада, что обусловило особый характер социокультурного взаимодействия.

В 3-й главе (авторы – Н. А. Самойлов, Д. И. Маяцкий, Е. В. Ланькова) рассматривается эволюция образа Петра Великого в Китае. Авторы исследуют самые первые упоминания императора и описания некоторых из его деяний в «Записках Тулишэня о его поездке в составе цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712–1715 годах», где Петр предстает сильным и могущественным государем, укрепившим свою державу и создавшим могущественную армию. Авторы анализируют широкий круг статей и сочинений китайских общественных деятелей, посвященных царствованию Петра и его вкладу в развитие Российского государства, отмечая, что интерес к личности и реформам Петра Великого начал расти в Цинском Китае ближе к середине XIX века, а в 1898 году русский царь был одним из наиболее популярных зарубежных исторических деятелей в Китае. В китайской публицистике XIX – начала XX века Петр стал своеобразным символом успеха в проведении социально-политических преобразований и заимствовании иностранного опыта. Популярность его образа была обусловлена тем, что в сознании образованной части китайского общества возникали аналогии между реформами в России и теми преобразованиями, которые было необходимо осуществить в Цинской империи для того, чтобы выйти из состояния глубокого социально-экономического и политического кризиса.

В разделе «Переводы художественной литературы и их влияние на образ Петра Великого в Китае в XX–XXI веках» авторы особо отметили перевод Чжу Вэня на китайский язык исторического романа-эпопеи «Петр Первый» А. Н. Толстого.

Образ Петра в современном Китае рассмотрен на примере книги 2018 года «Реформы Петра

Великого» авторства современного китайского историка У Хэ. Самой выдающейся особенностью характера царя У Хэ считает «железную волю, которая помогала разрешать ему самые непростые проблемы и даже после неудач двигаться вперед несмотря ни на что» (с. 156). Интересен образ Петра в документальном телесериале 2006 года «Даго цзюэци» («Подъем великих держав» или «Возвышение великих держав»), где наибольшее внимание создатели фильма в двух сериях, посвященных России, уделили политическим и экономическим реформам Петра Великого, обратили внимание на суровый, а иногда и жестокий нрав императора, а также на то, что «успех преобразований был оплачен огромным напряжением всех сил империи, в связи с чем многие были недовольны деятельностью Петра» (с. 183). В целом сериал сформировал у китайских телезрителей образ царя-реформатора, политика которого способствовала подъему и расцвету России («прорубил окно в Европу»), что было очень созвучно Политике реформ и открытости, проводившейся в Китае на рубеже XX–XXI веков.

В 4-й главе (авторы – Е. Г. Андреева, Е. В. Ланькова, Д. И. Маяцкий, Н. А. Самойлов) предпринята попытка сравнения образа российского императора в учебной и научно-популярной литературе КНР и англоязычных стран (США и Великобритания). Авторы анализируют сборник материалов всекитайского государственного экзамена по истории 2019 года и выясняют, что имя Петра Великого фигурирует в двенадцати заданиях с пометкой «9-й класс». Период правления Петра освещается в учебниках КНР как важнейший в истории России. Именно с Петровской эпохи и начинается изложение истории России в китайских школьных пособиях. Школьные учебники и методические материалы КНР создают

«единый образ мудрого правителя (“грандиозный талант и великий стратег”)), «царя, открытого для новых идей и проникнутого духом преобразований», «высоко ценящего образование, науки и культуру, человека сильного, уловившего ход истории и повернувшего Россию в правильном направлении» (с. 192).

В британских учебниках по всемирной истории Петр Великий и его эпоха почти не представлены. В разделах, посвященных российской истории, приводится информация лишь о советском периоде, где ключевое место отводится холодной войне. Таким образом, британские школьники не могут почерпнуть из учебников каких-либо сведений о Петре. В американских учебниках Петровская эпоха включена в программы по всемирной истории, однако внимание акцентируется

на деспотическом характере методов управления страной.

В 5-й главе (автор – В. В. Щепкин) рассматривается история развития образа Петра Великого в Японии. Показано, что именно его усилиями Россия обрела соседство с Японией. В период Мэйдзи в Японии стала на практике реализовываться «петровская модель» модернизации и вестернизации, хотя и со значительной местной спецификой, а Петр в сочинениях, в том числе и в первых отдельных биографиях, мэйдзийского периода предстает величайшим правителем в истории России, которому благодаря мудрости, прозорливости и стремлению к новым знаниям удалось полностью перестроить Россию и сделать из нее современное европейское государство и крупнейшую в мире империю. Большое внимание уделено творчеству писателя XX века Сиба Рётаро. Во втором томе романа «Облака на вершине склона» Сиба Рётаро называет Петра «выдающимся человеком» (кёдзин, то есть великан, гигант), царем-революционером, разграничившим собой историю России на до и после.

Образ Петра Великого в современной Японии рассмотрен на примере книги 2013 года японского профессора, специалиста по истории России и исторической науки Дохи Цунэюки под названием «Петр Великий: царь, одержимый Западом». Дохи Цунэюки обращает внимание, что после распада СССР, согласно опросам общественного мнения, именно Петровская эпоха вызывает у россиян чувство наибольшей гордости (по данным 1996 года). Богатейшие коллекции Эрмитажа, традиции классического балета в Мариинском и Михайловском театрах, архитектурное наследие Санкт-Петербурга – все это воспринимается в Японии как детище Петра и наследие его политики, а Летний дворец в Петергофе и Медный всадник являются обязательными для посещения японскими туристами.

В 6-й главе (автор – А. А. Гурьева) рассмотрен образ Петра Великого в Корее от первых упоминаний до широкого спектра репрезентаций в наши дни. Автор анализирует сведения о Петре в дневниках корейских дипломатов Мин Ёнхвана и Ким Дыннёна, посетивших Россию в период коронации Николая II. Отмечено, что уже на раннем этапе у корейцев формируется тенденция восприятия всей России через призму личности царя-реформатора (с. 277).

Заметки под названием «Биография Петра Великого» (1908) авторства крупнейшего представителя просветительского движения Кореи Чхве Намсон стали первой оригинальной (непе-

реводной) публикацией о царе. Петр воплощает надежды Чхве Намсона, который мечтает о появлении человека, способного решить насущные проблемы страны. Это не мифический герой-сверхчеловек, но личность, на примере которой автор показал, как «отсталая страна может стать цивилизованной и современной» (с. 291). Первой книгой о Петре, изданной на корейском языке в Республике Корея, является переводная работа 2008 года «Петр Великий: лидерство, поднявшее Россию» авторства Дж. Кракффта.

Изучая такое специфическое, присущее корейцам явление, как «литературные путешествия», А. А. Гурьева исследует упоминание Петра в записках южных корейцев в связи с поэмой А. С. Пушкина «Медный всадник», что связано, в частности, с включением памятника в туристические программы для южных корейцев, планирующих поездку в Санкт-Петербург. Ученый поясняет, что памятник назван корейцами символом Санкт-Петербурга, главной достопримечательностью города.

А. А. Гурьева исследует образ Петра Великого в статьях южнокорейских СМИ, большинство из которых имеют такие говорящие заголовки, как «Великий реформатор, сделавший Россию главным игроком в Европе», «Петр Великий – убийца собственного сына», «Записки о путешествиях талантливого психа Петра I». Отмечено, что в ряде публикаций прослеживается мысль о том, что при всех культурных и экономических достижениях России под управлением Петра деятельность царя как политика скорее заслуживает негативной оценки:

«Политический курс, закреплявший вертикаль единой власти, был репрессивным и усугубил социальное расслоение в государстве, отрицательно сказавшись на положении простого народа» (с. 315).

Петр Великий выступает персонажем некоторых компьютерных игр, популярных в Корее. Российский император представляет Россию в игре «Цивилизация 6», где он определяется как «вестернизатор», отмечается факт заимствования «образования, науки и культуры более развитых цивилизаций» (с. 331). Информация о Петре включена в учебник «Мировая история» для школьников старшей школы в параграф «Абсолютная монархия в Европе» в составе раздела «Перемены в европейском мире». Материал, связанный с деятельностью царя-реформатора, вводится в экзаменационные задания государственного экзамена.

В 7-й главе А. М. Харитоновна исследует образ Петра в трудах вьетнамских просветителей конца XIX – начала XX века, вдохновленных

преобразованиями русского государя в борьбе за независимость. Реформатор Нгуен Ло Чать считал Петра идеалом нового, передового правителя. Особое внимание уделено образу Петра в комиксах и сети Интернет. В 2016 году во вьетнамском издательстве вышли китайские комиксы авторства Чжан Ушуня под названием «Абсолютная монархия в Европе», где российской истории посвящена глава 4: «Петр Великий и деятельность по расширению России». В комиксах Петр представлен истинным патриотом своей страны, самоотверженно стремящимся создать сильное Российское государство. Обращает внимание, что Петр в первую очередь показан как творец внешней политики России того времени.

Вьетнамские интернет-авторы представляют Петра Великого как личность, превратившую отсталую Россию в мировую державу, упоминают о таких достижениях Петра, как создание новой аристократии в России, строительство Санкт-Петербурга, «культурное сближение» с Европой, превращение России в военную сверхдержаву, создание новой системы государства и права, создание регулярного военно-морского флота.

Сделан вывод о том, что образ Петра популярен во Вьетнаме и по сей день.

Таким образом, авторами коллективной монографии «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии» показана эволюция образа русского императора в Китае, Японии, Корее и Вьетнаме от первых упоминаний его имени в источниках до сегодняшнего дня; исследовано проникновение образа Петра в страны Восточной Азии посредством переводов произведений классиков русской литературы, в том числе А. С. Пушкина, на восточные языки. Россия благодаря образу Петра Великого воспринимается в Китае, Японии, Корее и Вьетнаме как сильный партнер.

Коллективом научно-педагогических работников Санкт-Петербургского государственного университета и Института восточных рукописей РАН проделана огромная кропотливая работа по поиску, анализу и систематизации сведений о российском императоре Петре Великом в странах Восточноазиатского культурного ареала. Книга снабжена цветными иллюстрациями и рассчитана на широкий круг читателей, у которых вызовет несомненный интерес.

Поступила в редакцию 09.01.2023; принята к публикации 27.02.2023

Review

Natalia V. Smirnova, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5225-8543; burlana@mail.ru

The book review: The image of Peter the Great in the countries of East Asia. (N. A. Samoylov, Ed.). Moscow, 2022. 432 p.

For citation: Smirnova, N. V. The book review: The image of Peter the Great in the countries of East Asia. (N. A. Samoylov, Ed.). Moscow, 2022. 432 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):112–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.892

Received: 9 January 2023; accepted: 27 February 2023

1 марта 2023 года исполнилось 80 лет кандидату филологических наук, доценту, почетному работнику высшего профессионального образования РФ, отличнику народного образования РК *Владимиру Владимировичу Чернышеву*.

Celebrating the 80th birthday anniversary of Vladimir V. Chernyshev.

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРНЫШЕВ

К 80-летию со дня рождения

Владимир Владимирович Чернышев родился в д. Медвежий Двор Тихвинского района Ленинградской области в семье служащих. В 1969 году с отличием окончил филологический факультет Карельского государственного педагогического института (КГПИ). После двенадцати лет работы учителем русского языка и литературы в школах Ленинградской области поступил в аспирантуру Петрозаводского государственного университета и одновременно приступил к преподавательской деятельности на кафедре русского языка КГПИ. В 1987 году под руководством З. К. Тарланова защитил в Воронежском университете кандидатскую диссертацию «Синтаксис русской загадки». С 1992 года стал доцентом кафедры русского языка. С 1989 по 1993 год – декан филологического факультета КГПУ.

В жизни Владимира Владимировича органично соединились научные и преподавательские интересы: обращение к изучению синтаксических особенностей языка фольклорного текста нашло продолжение в разработке вузовского курса синтаксиса современного русского литературного языка, спецкурсов и спецсеминаров, также связанных с исследованием малых народно-поэтических жанров русской речи. Как следствие – выход серии глубоких по содержанию статей в ставших традиционными сборниках по языку и поэтике русского фольклора «Язык жанров русского фольклора» и «Язык русского фольклора», издававшихся кафедрой русского языка ПетрГУ, а также в других научных изданиях.

Многие годы В. В. Чернышев читал теоретический курс методики преподавания русского языка, был организатором и руководителем педагогической практики студентов в Петрозаводске и сельской местности, неизменным координатором связей кафедры с органами народного образования, осуществлял разнообразную методическую помощь школам и методобъединениям учителей Карелии. Данное направление работы также отмечено публикациями научно-методического характера, выступлениями на конференциях и семинарах разного уровня. Особого внимания заслуживает оригинальное учебное пособие «Пятнадцать шагов к написанию грамотного сочинения» (2000), ставшее невероятно востребованным и не потерявшим актуальности до настоящего времени.

От всей души поздравляем Владимира Владимировича с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья и долгих лет жизни!

От имени коллег И. А. Кюришнуова

6 марта 2023 года исполнилось 60 лет доктору исторических наук, доценту, профессору кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Института экономики и права ПетрГУ *Виктории Викторовне Ефимовой*.

Celebrating the 60th birthday anniversary of *Victoria V. Efimova*.

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

К 60-летию со дня рождения

В. В. Ефимова родилась в г. Северодвинске Архангельской области. В 1980–1985 годах училась в Петрозаводском государственном университете на историко-филологическом факультете по специальности «история». После окончания вуза работала в школах Сегежи и Петрозаводска. В 1991 году поступила в аспирантуру юридического факультета СПбГУ. Там же защитила в 2000 году кандидатскую, в 2020 году – докторскую диссертации.

С 1994 года начала работать в ПетрГУ преподавателем кафедры общеправовых дисциплин (ныне кафедра теории права и гражданско-правовых дисциплин Института экономики и права), с 1999 года – старшим преподавателем, с 2004 года – доцентом кафедры.

Научно-исследовательская работа Виктории Викторовны связана с историей государственного управления Российской империи. Она является автором 42 публикаций, из них 4 монографии. В. В. Ефимова – активный участник региональных, всероссийских и международных конференций. В 2019 году под ее руководством была организована секция «Макрорегионы в истории российской государственности» на Первом международном Петербургском историческом форуме. Была руководителем проекта РГНФ и Правительства Карелии «Генерал-губернаторы Европейского Севера в I трети XIX века». Является членом Петрозаводского отделения общероссийской общественной организации «Русское историко-правовое общество». Один из активных рецензентов нашего журнала.

Лекции и семинары Виктории Викторовны отличаются высоким профессионализмом, глубиной анализа нормативно-правовых документов, умением актуализировать обсуждаемые проблемы и объективно рассматривать изучаемую историческую эпоху. Она является разработчиком учебных программ курсов «История государства и права России» и «История государственной службы в России».

В. В. Ефимова награждена почетными грамотами ПетрГУ, Министерства науки и высшего образования РФ, имеет звание «Почетный работник сферы образования РФ».

Поздравляем Викторию Викторовну с юбилеем, желаем научных и педагогических успехов!

CONTENTS

Editorial note 7

HISTORICAL SCIENCES

Archaeology

Vasilyeva T. A., Zhulnikov A. M.

ASBESTOS IN THE CULTURE OF THE ANCIENT
POPULATION OF KARELIA WITH RHOMB-PIT
AND COMB-PIT WARE TRADITIONS. 8

World History

Prikhodko E. V.

ANCIENT GREEKS' PERCEPTIONS OF THE
FUTURE IN THE MIRROR OF DIVINATION 19

Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research

Yakovlev V. V., Perlin P. V.

CONTEMPORARY TRANSLATION OF JOHN
BELL'S NOTES OF HIS JOURNEY TO CHINA
IN 1719–1721 27

Russian History

Vavulinskaya L. I.

EMPLOYMENT SITUATION IN KARELIA AFTER
WORLD WAR II: PROBLEMS AND SOLUTIONS ... 43

Repukhova O. Yu.

CLASSIFIED MOBILIZATION RECORDS MAN-
AGEMENT IN THE USSR DURING THE PRE-
WAR DECADE 50

PHILOLOGICAL SCIENCES

Folklore Studies

Ivanova T. G.

LUBOK LITERATURE AND ITS INFLUENCE
ON CONSTRUCTION OF SPACE IN RUSSIAN
FOLK EPICS 58

Russian Literature and National Literatures of the Russian Federation

Pigin A. V.

MEMORIES OF V. M. MOROZOV ABOUT
V. I. MALYSHEV 69

Urvantseva N. G.

FOLKLORE SOURCES OF VIKTOR PUL'-
KIN'S BOOK OF TALES *THE BRONZE HORSE-
MAN* 90

World Literatures

Romanovskaya I. V.

THE IMAGE OF KARELIA IN HARRY MARTIN-
SON'S POEM *ANIARA* 99

Theory of Literature

Nilova A. Yu.

FORMATION OF THE TERM "POETRY"
IN RUSSIAN LITERARY STUDIES OF THE
XVIII CENTURY AND THE FIRST HALF OF THE
XIX CENTURY 105

Reviews

Smirnova N. V.

The book review: The image of Peter the Great in
the countries of East Asia 112

Anniversaries

Celebrating the 80th birthday anniversary of
Vladimir V. Chernyshev 116

Celebrating the 60th birthday anniversary of
Victoria V. Efimova 117